АЛЕКСАНДР
БЕЗЫМЕНСКИЙ

Избранные произведения

АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭМЫ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1989

ББК 84Р7
Б 40

Составление и научная подготовка текстов
Л. БЕЗЫМЕНСКОГО

Оформление художника
Е. ЯКОВЛЕВА

Б $\frac{4702010202-278}{028(01)-89}$ КБ-11-54-89

ISBN 5-280-00917-2 (Т. 2)
ISBN 5-280-00918-0

СТИХОТВОРЕНИЯ

ГОРОДА СОЦИАЛИЗМА

Вот города моей страны.

Еще вчера
чудовищная туша
Безумствующей в ярости войны
Бродила по стране,
давя, сметая, руша,
Не ведая начал, не зная, где предел,
Пылая бешенством невероятных дел,
Гремя неистовством боев, атак, восстаний,
Взметая к небу клочья зданий
И брызги человечьих тел.

Война,
смешавшая английские погоны,
Зверье Тютюника, немецкие штыки,
Полки Деникина и Врангеля полки,
Патроны Франции и польские знамена,
Эмблемы Эберта и Нестора Махно,
Кураре Ройд-Каплан и чешское вино,
И медный стертый грош измены Муравьева,
Стремилась к городам
упорно и сурово,
Дробила руки рельс, простершиеся к ним,
Бросала каждый день огонь, и сталь, и дым,
Пятой броневиков по спелой ржи протопав,
Ползла исподтишка удавами окопов
И, всей громадою поднявшись сгоряча,
На тело города
валилась,
хохоча,
И, подминая все на страшном этом ложе,
Крушила кулаком хребты тугих мостов,
Срывала черепа домов,
Ремни вырезывала из асфальтной кожи,
Сдирала скальп садов, рубила ребра стен
И жарила ступни хибарок, взятых в плен,

Заводские тела на дыбе распростерла,
Расплавленный свинец лила машинам в горло,
Вгоняла, затаив от страсти алчный дых,
Горячие штыки под ногти труб-страдальцев,
Столбов и фонарей выдергивала пальцы
И вырывала прочь,
как у людей живых,
Глазные яблоки булыжных мостовых.

Вот города страны моей.

Еще вчера
чудовищная сила
Заводов,
шахт,
мансард,
подвальных этажей,
Подняв на смертный бой громадину полей,
Взрывала, гнала, жгла, неслась, рубила,
Била —
И, двигая века
Путем большевика,
Вела плечом к плечу
в кровавой гуще рубки
Шинели, пальтеца, бушлаты, полушубки,
Вела плечом к плечу, вела штыком к штыку
Работников угля, земли, металла, тока
От Минска до Владивостока
И от Обдорска до Баку.

Война была везде.
И было жизни тяжко,
Что даже в небесах,
где войско туч легло,
Летала месяца кривая шашка
И висло солнца грузное жерло.

Но армии ветров
так в битву не рвались бы,
Как рвались городов рабочие полки,
Раскалывая степь, деревни, села, избы,
На мир, где богачи,
и мир, где бедняки.
И яростней всего враги на город гнали
Войска, мороз, и тиф, и всебандитский сброд.

Ведь город вел поля,
каленные в металле,
Завод —
вел города,
а партия —
завод.
На всех фронтах земли столкнулись оба мира!
За нас, большевиков,
сражалась жизнь сама
И улицы дрались,
а в улицах дома,
А в доме этажи,
а в этажах квартиры,
И комнаты квартир,
и стены,
и углы,
Но всюду и везде сражались люди, люди,
Чьи руки и удар, как горы, тяжелы,
Чье сердце и напор, как весны, веселы,
Чьей силой двигались на войско кабалы
Аэропланные стокрылые орлы
И грандиозные безрогие волы
Орудий.

Таких жестоких битв не видели века!
Нас голод окружал
любых врагов хитрее,
Нас часто бил мороз
вернее батареи,
А вошь порой была
страшней броневика.
Истерзанные в кровь, болея, голодая,
Шли города вперед, полки полей ведя,
Шла армия труда,
гигантская, литая,
Шел большевистский мир,—
Советская шестая
Земли,
нашедшей жизнь
и своего вождя.
И победили мы.
Война!
О, как был бешен
Твой смертный дикий крик,

Твой рев,
    твой визг,
        твой плач!..
Рабочею страной
    был вешатель повешен,
Убийца был убит
    и был казнен палач.

О солнце!
    По тебе
        мы наше время метим.
И день повсюду день и год всегда есть год.
Но мы, большевики,
    ведем особый счет
Минутам и годам, секундам и столетьям.
Прошла гряда годов... а может быть, минут?
Неважно!
    Веселы
        грома советской бури.
Пройдись-ка по стране рабочей диктатуры.
Слова ее живут!
    Дела ее живут!
Припомни:
    Пред тобой
        два мира,
            две идеи
Клялись,
    что в дни войны,
        в лихие дни твои,
Для счастья всей земли вели они бои.
Ну что же?
    Проверяй!
        Тебе с высот виднее.
Ты ходишь над землей небесной РКИ.

Вот Запад.
    В нем живут парламенты и троны.
Взгляни на их дела, проверь — и запиши.
Там голод, смерть и кровь считают на мильоны.
А миллионный люд считает на гроши.
Там безработных тьмы, самоубийц — без счета.
Там тысячи домов совсем, совсем пусты,
А сотни тысяч тех, кто ходит без работы,
На улицах живут в объятьях нищеты.

Там всюду трупы труб, заводов и селений.
Там ходят города на черных костылях.
Зато в торговле тел — невиданный размах!
В расстрелах нищих масс — монбланы
достижений!
Взгляни,
потом проверь
дела страны моей.
Гляди,
гляди,
гляди
внимательней и строже!
Пройдя по всей стране, увидишь ты ясней,
Что люди в ней
на города похожи,
А города
похожи на людей.

1 января 1932 года

Видели?
Видели?
Видели?
Тот...
с командором...
в пыли...
Здо́рово!
Ну не обида ли?
Взять нас в пробег
Не могли...
Слышали?
Слышали?
Слышали?
Вылетел...
восемь утра...
Лучше Пикара,
но выше ли?
Слышали!
Выше.
— Урра!..
Поняли?
Поняли?
Поняли?
Корнер...
инсайты...
напор...
В центре,
в голу,
в обороне ли —
Все, как один,
на подбор...
Как?
Без единой аварии?
Да!
Мимо гола не даст...
В воздухе
мы, пролетарии...
Аут!..
Проколы!..
Балласт!

Крыльями
звонкими,
броскими.
Жизнью,
дорóгой,
трудом,
Спортом,
вселенной,
трехосками
Бредило сердце
в любом,
В каждом
из нас,
победителей
Битвы,
работы,
весны,
Нас,
компилотов,
строителей,
Киперов
и водителей
Необычайной страны.
Разве не орден
нам выдали
Солнце,
веселье,
листва?..

. . . .

Поняли.
Слышали.
Видели.
Великолепна Москва!

30 сентября 1933 года.
Подъем стратостата.
Финиш автопробега Кара-Кумы.
Матч Украина — Москва.

ДВАДЦАТЬ ДВА И ВОСЕМЬ

Пушки разговаривают
Где-то за леском.
Двадцать два солдата
Идут
гуськом.
Двадцать два солдата
Дышат тяжело.
Двадцать два солдата
Входят в село.
Топают солдаты,
А звезды хороши!
Топают солдаты —
Кругом ни души.
Улицы пустынны.
Домики мертвы.
Ямы от снарядов
Похожи на рвы.
С церкви колокольня
К черту снесена...

Тридцать шесть домишек —
Четыре
окна.

Тридцать пять домишек
Трупами стоят.
Тридцать пять домишек
Пугают солдат.
Тридцать пять домишек —
Трубы,
пепел,
вонь...

В доме уцелевшем
Горит огонь.
В доме трехоконном
Семья жива.
В доме трехоконном,
Наверно, жратва.
В доме трехоконном
Не быть врагу...

Замерли солдаты.
Стой,
ни гугу.
Двадцать два солдата
И звезды кругом.
Двадцать два солдата
К дому бегом.
Двадцать два солдата
Ворвались
в дом...

Семеро германцев
Сидят за столом.
Семеро германцев
Кругом стола.
Корка у коптилки,
А корка мала.
Этакою коркой
Не будешь сыт...
Семеро на лавках,
Восьмой
стоит.

Сильный да красивый,
Широк, высок,
Смелый да суровый,
В руке листок.

Семеро германцев
Глянули мельком:
Он не шелохнулся,
Восьмой
с листком!

Семеро германцев
Молчмя молчат.
Семеро германцев
Глядят на солдат.
Стоит ли тревожить
Винтовки у стен?
Сразу
понятно,
Что взяты в плен.

Замерли солдаты,
Стоят. Молчат.
Сцапали солдаты
Немецких солдат.
Браться за винтовки —
На кой же хрен?
Сразу
        понятно,
Что взяли в плен.
Иногда минута
Ползет, как час.
Иногда полслова
Звучит, как рассказ.
Иногда полвека
Летит, как миг...

Двинулся к германцу
Иван
        Чередных.

Руки у Ивана
Длинны и крепки.
Он берет у немца
Листок из руки.
Но игра такая
Не стоила свеч.
Он читать не может
Немецкую речь.
Непонятны буквы —
И смысла нет.
Но услышать надо
От немца ответ.
Чередных не хочет
Битья и угроз.
И тогда германцу
Он задал вопрос.
А вопрос германцу
Был прост и толков:
— Ты скажи нам, немец,
Кто ты таков?

Двадцать два солдата
Стоят и молчат.
Семеро германцев
Глядят на солдат,

А восьмой спокойно
Взглянул на огонь.
Протянул он к лампе
Большую ладонь.
На ладони черной
Мозоли видны.
На ладони рана —
Расписка войны.
На ладони книга —
Дела и года.
На ладони книга
Борьбы и труда.

Длинное мгновенье.
Короткий взгляд.
Двадцать два солдата
Стоят и молчат.
Семерым германцам
Не понять никак,
Почему за ружья
Не берется враг,
Почему солдаты,
Знавшие бои,
Щупают тихонько
Ладони свои...
А в глазах восьмого
На это ответ.
А в глазах восьмого
Невиданный свет.
Даже и в окопах
Тот свет не померк!
— Их бин айн арбейтер
Фом Симменсверк [1].

Иногда полслова
Звучит как рассказ.
Иногда минута
Ползет как час.
Иногда и море
Проплывают вмиг.

Подошел к германцу
Иван Череднык.

---

[1] Я рабочий с завода Симменса (Берлин).

Встал Иван у лампы,
Взглянул на огонь.
Показал солдатам
Большую ладонь.
Две ладони рядом —
Просто близнецы.
Две ладони рядом —
Оба кузнецы.
На ладони книга —
Дела и года.
На ладони книга
Борьбы и труда.
На ладони буквы,
И буквы ясны...

— Я от Симменс-Шуккерт,
С Выборгской стороны.

Двадцать два солдата
И восемь солдат.
Русский и германец
Рядом стоят.
Горячо сказали
О встрече такой
Один по-немецки,
По-русски другой.
И запело время
Неслыханный гимн.
Выходили люди
Один за другим.
Подходили к лампе
В рабочем строю.
Предъявляли люди
Ладонь свою.
Говорили люди
Каждый одно:
— Путиловский слесарь...
— Токарь из Брно...
— Коногон из Рура...
— Пастух Альпийских гор...
— Батрак из Полтавы...
— Донецкий шахтер...
— Батрак из Баварии...
— Крестьянин костромской...

— Штирийский...— Вятский...
— Минский...
— Кубанский...— Тверской.

Подошел к Ивану
Немецкий солдат.
Отобрал тихонько
Листочек назад.
Развернул,
разгладил,
Положил на стол,
Указал на подпись
И
— Либкнехт! —
прочел.

Но задор Ивана
Немец не постиг.
До чего же прыток
Иван Череднык!
Сапоги Ивана
Чертовски туги.
До чего же трудно
Снимать сапоги!
Чередныk с натугой
Снимает сапог.
В сапоге Ивана
Измятый листок.
Взял Иван листочек,
Положил на стол,
Развернул,
разгладил
И
— Ленин! —
прочел.

Двадцать два солдата
И восемь солдат.
Рабочие с крестьянами
Рядом стоят.
Сердце у любого
Горит огнем:
К черту эту бойню
И кайзера с царем!

Мы еще сразимся
Рядышком в бою,
Чтобы взять заводы
В ладонь свою.
Мы еще сразимся
Рядышком в бою,
Чтобы взять всю землю
В ладонь свою.

Двадцать два солдата
И восемь солдат.
Двадцать два солдата
Уходят назад.
Двадцать два солдата
Идут на восток,
И один уносит
Немецкий листок.
Восемь германцев
На запад идут.
Бережные руки
Листок несут.
Непонятны буквы,
А слова ясны.
В них война буржуям
И смерть войны.
Вспоминают немцы
Расставанья миг.
Встал перед глазами
Иван Чередных.
До краев любовью
Сердце полно...

Шестьдесят ладоней —
Пожатье
одно.

1933

РАЗГОВОР

Пред Кремлевскою стеною,
Кисть крутя на палаше,
Грудь выпячивал горою
Иностранный атташе.

Пяля глазки тараканьи
На советские войска,
Он припрятывал в кармане
Куцый кукиш кулака.

Вдруг на площадь — вслед героям
Нашей ленинской земли —
Сотни пушек вышли строем,
Сотни танков поползли.

Гул могучий, гром певучий
Над столицею повис.
Закрывая небо тучей,
Бомбовозы пронеслись.

Увидавши это диво,
Кисть порвав на палаше,
Улыбнулся криво-криво
Иностранный атташе.

Подмигнув спокойным глазом,
Не сказавши ничего,
Пушки нашинские разом
Поглядели на него.

Величавые знамена
Развевались над Москвой.
Шли орудья к полигонам.
Атташе ушел домой.

Но ни он, ни пушки наши
Не забыли до сих пор
Этот громко прозвучавший
Молчаливый разговор.

1934

ТОСТ

Мы немало услышали тостов,
Мы друзей прославляем, любя.
Так пускай же, серьезно и просто,
Все подымут бокал — за себя.

За себя — это значит за счастье
Быть хозяином жизни своей,
За свое боевое участье
В большевистском строительстве дней.

За успехи борьбы и работы,
За страну дорогую свою,
За размах, за дерзанья, за взлеты,
За победу в грядущем бою.

За восторг свой, ни с чем не сравнимый,
За стремленье расти и расти,
За чудесные губы любимой,
За веселые песни в пути,

За детишек, которым мы будем
Отдавать наилучшее в нас,
За любовь к человеку и людям
Всех народов, всех наций и рас,

За бесстрашье, за честность и смелость
И за все, чем ты жив и богат,
Чтоб работалось, жилось и пелось
На могучий, на ленинский лад.
Возглашайте же тост вдохновенный
За себя,
    бригадира весны,
За себя,
    знаменосца вселенной,
Гражданина
    советской
        страны.

1934

СМЕРТЬ ТАНЦУЕТ ТАНГО

Ходит смерть по кабакам Парижа,
Где танго, где звон, где пьяный гул.
Ходит смерть
        и видит:
                кто-то рыжий
К ней с мольбою руки протянул.

— Смерть, спаси! Я русский парижанин.
Я в Париж ребенком привезен.
Я растлен, исплеван, испоганен.
Сам себе
        я страшен и смешон.

Ничего я в будущем не вижу.
Плен и тлен... судьба моя мертва.
Я на страшных мостовых Парижа
Забываю русские слова.

Никого на бой не подымает
Грязный лоскут сердца моего.
У людей
        хоть прошлое бывает,
У меня же
        не было его.

Я молю. Я плачу. Сделай милость,
Умертви!
        Мы трупов сыновья...

Смерть к нему
        брезгливо наклонилась
И сказала:
        «Умирай, живя».

1935

ПЕСЕНКА

В голубое небо
    длинный ветер лазил.
С полдороги ветер
    повернул назад.
Погляди на небо,
    сын голубоглазый!
Выше ветра взвился
    красный стратостат.

Напевает песню
    солнце над тобою,
Напевает песню
    вкруг тебя земля.
Полюби, роднуля,
    небо голубое,
Города и шахты,
    домны и поля.

Подымай все выше
    голубое небо.
Это наше небо,
    солнце и листва!
Слушай песни стали,
    слушай песни хлеба,
Слушай песни стройки,
    помни их слова.

Те слова от Минска
    до Владивостока
И от Ванкарема
    до Баку слышны!
Поднялось высоко,
    разлеглось широко
Голубое небо
    молодой страны.

1935

ДЕВУШКА В КАСКЕ

На замечательном нашем пути
Нам,
закаленным в огне и металле,
Трудно подчас
от себя отойти
И поглядеть,
какими
мы стали.

Праздничны будни,
и жизнь хороша!
Может, поэтому
все деловитей
Мы каждодневно
проходим спеша
Мимо простых,
но великих событий.

Не равнодушны
мы в этот час.
Дороги нам
и борьба и удачи.
Но вдохновенная
радость масс
Стала сегодня
привычным для нас.
Разве когда-нибудь
было иначе?
Славьте бессмертное
дело борьбы,
Наши высокие
чувства и страсти,
Нашу работу
во имя судьбы
Дивной страны
человечьего счастья!
Славьте
любви
грандиозный размах,

Славьте
любви
большевистское знамя,
Чтоб рассказать
о простых вещах
Льнущими к сердцу
простыми словами!
Мы сплочены.
Мы нежны.
Мы сильны.
Мы подымаем,
лелеем
и будим
Нежность людскую
к товарищам-людям,
К силе и славе
нашей страны.
. . . .

Солнечной Золушкой
прожитой сказки
Входишь ты в песню,
мой друг,
мой герой.
Девушка в форменке,
девушка в каске,
Девушка с желтой
большой кобурой.
Ты замечательна,
трижды родная,
Дочь
и владыка
советской земли!
Руку подымешь —
стоят трамваи,
Руку опустишь —
трамваи пошли.
Ты повелитель
моторной лавины.
Властен приказ твой,
и зорок твой взгляд.
Встанешь ты боком —
помчались машины,
Встанешь лицом —
и машины стоят.

Люди идут
по твоей указке,
Толпы следят
за твоею рукой,
Золушка
новой,
несказочной сказки,
Золушка в форменке,
Золушка в каске,
Золушка с желтой
большой кобурой.

...Так ли давно,
издеваясь хлестко,
Злился глупец
и скандалил враг?
Целые дни
на углах перекрестка
Не расходилась
толпа зевак.

— Баба!
— Смотри!
Милицейская баба!
— Ишь ты, поди ж ты,
куда забралась!
— Ну и дуреха!
— Она
у меня бы
Только на кухне
имела бы власть!
— Брось-ка наган,
револьвер — не кастрюля!
— Баба не справится...
чай, не в избе...
В уличном грохоте,
свисте и гуле
Было
невиданно трудно
тебе.

Не поглядев
на сигнал семафора,
Мчался людской
говорливый поток.

Мимо тебя
проносились шоферы,
Не обернувшись
на твой свисток.

В центре
людского шумливого круга
Ты простояла
до первых
звезд...
Время пришло —
и твоя подруга
Встала на тот же
суровый пост.
Встала на пост
человеческой славы,
Чтобы работать
от сердца
и всласть,
Взявши
по самому честному праву
Нашей страною
взращенную власть.

...Вот и ушли,
дорогая подруга,
Дни утомительных,
трудных атак,
Споры с людьми
и с шоферами ругань,
Чьи-то смешки
и толпа зевак.

Чувствуя
силу свою
волевую,
Ты направляешь
людской поток.
Вмиг остановит
машину любую
Твой повелительный,
резкий свисток.

Вдосталь знакомы тебе,
родная,

Грохот полдневный,
ночная тишь.
Ты объясняешь,
слегка козыряя,
Ты убеждаешь,
решаешь,
велишь.
Стала законом
простым и священным
Сила,
которою ты налита,
Доблесть твоя
и товарок по сменам,
Доблесть и честь
твоего поста.

Стал
большевистскою славой
украшен,
Стал знаменитым
твой женский пост!

...Это,
знамена людские
поднявши,
Сестры,
и жены,
и дочери наши
Встали во весь
человеческий рост.
. . . .

Я не скажу,
не припомню,
не знаю,
Кто на посту
дежурил в тот час.
Может быть, ты?
А может, другая?
Это неважно:
одна из вас.
В радостный праздник
шестого июля[1]

[1] Шестое июля — день первой Конституции СССР.

Солнцем
    сердца
        до краев налиты.
Всю ширину
        оркестрованных улиц
Заняли люди,
    знамена,
        цветы.
Видело солнце
        с трибуны высокой,
Как на одной
        из больших площадей
Утром
    сошлись, к сговоренному сроку,
Сотни веселых
        людей...
Пышность цветов
    и плакатов
        проверив,
Дружно готовясь
        идти на парад,
Триста товарищей,
        триста шоферов
Быстро построились
        по трое в ряд.
Ровно в двенадцать
        шестого июля
Подал товарищ
        условленный знак,
И оркестровые трубы
        рванули
Мерный,
    широкий,
        взволнованный шаг.
Вот прошагали
        по улицам гулким...
Вот миновали
        широкий мост...
Вот уже виден
        за тем переулком
Тот перекресток
        и женский пост...
Вот уже
    солнцем
        неслыханной сказки

Встал перед ними
их друг и герой,—
Девушка в форменке,
девушка в каске,
Девушка с желтой
большой кобурой...
Остановился
людской
поток.
Улица
грянула
марш —
и шоферы
Триста
букетов
сложили
у ног
Женщины —
милиционера.

1935

ДЕВУШКА ИЗ МЕТРО

Ты стояла робко
    в глубине забоя.
На глазах повисла
    крупная слеза.
Видно, вспоминали
    небо голубое
Синяя спецовка,
    синие глаза.

Но пришли ребята,
    чтоб греметь бетоном,
Чтоб вести проходку,
    чтоб крепить леса.
И ушли за ними
    по ходам наклонным
Синяя спецовка,
    синие глаза.

Проходили ночи.
    Унеслись декады.
Хороши, родная,
    наши чудеса!
Я увидел скоро
    во главе бригады
Синюю спецовку,
    синие глаза.
Ты от счастья пела
    песню боевую,
На глазах повисла
    крупная слеза...

Не забыть вовеки
    девушку родную,
Синюю спецовку,
    синие глаза.

1935

РЯДОВОЙ ДЕНЬ

Обычный путь не очень длинен.
Гудок поет. Мотор поет.
Уходит теплоход в Калинин
И в Сан-Франциско самолет.

Обыкновенна ширь канала,
И будничен аэродром.
Гудок затих.
А за холмом
Стальная точечка пропала.

Мы проложили путь везде,—
И через полюс в Сан-Франциско
Летать нам стало так же близко,
Как плыть в Калинин — по воде.

1935

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

1

Синих волн
    веселые гиганты.
Сильный ветер.
    Синий небосвод...

Отплывает
    из Одессы в Аликанте
Грузовой
    обыкновенный теплоход.

Перед ним
    обычная дорога
До испанских
    дальних берегов.
У него
    в глубоких трюмах
                много
Грузных ящиков,
    бочонков и мешков.

Что там в них?
    Не золото ль хранится?
Нет, не то.
    Совсем, совсем не то!
В них лежат
    консервы и пшеница,
Сахар,
    мед,
        ботинки и пальто.

Ой, пшеница!
    Чем ты знаменита?
Чем же ты
    других пшениц милей?
Кем,
    когда
        и где же ты добыто,
Зерновое золото полей?

Ну, ботинки...
    Правильно. Крепки вы.
Ну, консервы...
    Ладно. Вы вкусны.
Ну, пальто...
    Теплы. Прочны. Красивы.
Ну, конечно:
    сладок мед страны.

Но ведь вы
    совсем простые вещи!
Каждодневно
    видит вас страна...
Отчего же
    сердце так трепещет
И повсюду музыка слышна?

Почему,
    куда ни взглянешь,
                знамя
И линкоры
    отдают салют?
Даже солнце
    радуется с нами!
Даже волны
    весело поют!
Облаков
    белесые завесы
Ветром сняты.
    Ясен небосвод...

2

Отплывает
    в Аликанте из Одессы
Грузовой
    обыкновенный теплоход.

Перед ним
    далекая дорога
До испанских
    знойных берегов.
У него
    в глубоких трюмах
                много

Грузных ящиков,
    бочонков и мешков.

Есть на них
    наклейки, знаки, штампы!
«Свердловск»,
    «Минск»,
            «Обдорск», «Баку», «Москва».
Много вещи
    рассказали нам бы,
Если им
    людские дать слова!

Иногда
    любого грома резче
Тишина,
    которой мы не ждем...
Слушай, мир,
    о чем
        простые вещи
Говорят
    в безмолвии своем!

— Мы горды
    страною, лучшей в мире.
Рады мы
    рожденью своему
Под Москвой,
    в Полтавщине, в Сибири,
На Кубани,
    В Грузии,
            в Крыму.

...Вот несут
    мешки пшеницы
                с воза.
Вот Грицько,
    Абдул
        или Иван
Их сгружают
    в тот амбар колхоза,
Где висит
    плакат
«Но пасаран!»[1]

---

[1] «Они не пройдут!» *(исп.)*

...Вот гремят
машины фабрик платья.
Вот идет
конвейер обувной.
На знаменах:
«Для любимых братьев,
Для бойцов
Испании родной».
В этот труд
всю мощь любви вложили
Мастера
стахановских станков.
Сотни глаз
любою складкой жили!
Сотни раз
проверен каждый шов!
...На дворе
огромнейшего дома
Собралась
на митинг
детвора.
Посреди —
девятилетний Сема,
Предводитель
детворы двора.
У него
хватает сил и пыла
Сосчитать —
хотя не без труда —
Достоянье
тридцати копилок,
Отправляемое
«туда»,

...И текут
рублевки и десятки
Из любого
уголка страны.
Вот почтовый штемпель
«Пятихатки»,
«Тула», «Томск»,
«Владивосток»,
«Ромны».

Вот слова,
священные навеки:

— Для испанцев?
Больше запиши! —
Это сваны,
русские,
узбеки,
Украинцы,
лаки,
чуваши...
И взошла
от имени мильонов
На трибуну
Дарья Лукина.

3

Головной платочек
тихо тронув,
Так сказала
родине
она:
— Трех сынов
имела я когда-то.
Трех сынов —
и все большевики.
Это были
славные ребята —
И красивы,
и как сталь крепки.
Все они
со мною были рядом
И ушли.
На фронт.
За сыном сын.
На гражданской
в битвах с белым гадом
Три бойца
погибли
как один.
И когда
пришел товарищ Ленин
Прямо к нам,
на митинг,
на завод,
Я спросила:
— Кто их мне заменит?

Больно сердцу.
Горе так и рвет!

Вот Ильич
прочел мою записку,
Вот закончил
слово о войне,
И тотчас,
любимый,
близко-близко
Подошел,
чуть сгорбившись,
ко мне.
Он меня
под руку взял сердечно,
Мы пошли...
по цеху...
как друзья...
Ту любовь
я помнить буду вечно.
Те минуты
позабыть нельзя!
Он сказал,
что каждый пролетарий
Чтить меня,
как сын родной,
готов.
Мол, и он —
что сын
рабочей Дарье,
Честной матери
большевиков.

Много нас
на фабриках и нивах.
Труден путь,
но радостен успех.
После битв,
больших и справедливых,
Будет мир —
одна семья счастливых,
Будет жизнь —
родная матерь всех.

С ним тогда
я долго говорила.

Он помог.
    Он выручил меня.
Он согрел,
    он дал мне снова силы,
И хваля
    и чуточку браня...

Помню день,
    что был безмерно ярок.
Я смогла
    саму себя постичь!
В Новый год
    прислал он мне подарок,
Он, родной,
    он, Ленин,
        он, Ильич!
Были там
    совсем простые вещи:
Сахар,
    хлеб,
        ботинки и пальто.
Я гляжу —
    и все во мне трепещет.
Вещи милы?
    Нет. Не только то!

Я гляжу —
    полна моя квартира
Ярким солнцем
    всех людских сердец.
В нем и я —
    родная матерь мира,
Дочь его
    и правильный боец.

Я гляжу
    и думаю:
        о, если б
Я могла
    еще родить сынов,
Если б те
    сыны мои воскресли,
Я бы всех
    опять
        с веселой песней

На фронты,
в окопы —
бить врагов.

Я и нынче
думаю все то же.
На земле
с врагом идут бои.
Я зову:
— Испании поможем!
Там сыны сражаются мои!
Много там
подруг моих любимых,
Что теперь,
как я была тогда.
Крикнем им:
«На помощь вам пришли мы,
Дети,
сестры,
матери труда!

Мы для вас,
испанских пролетарок,
Для бойцов,
для битвы,
для побед,
Посылаем
ленинский подарок,
Посылаем
боевой привет...»

4

Впереди,
куда ни кинешь оком,
Только небо,
пена
да волна.
Позади —
далёко-предалёко —
Еле-еле
музыка слышна.

И стоят
    на палубе
        матросы...
Берега
    видны едва-едва...
Мнится всем,
    что ветер к ним доносит
Дорогие,
    тихие слова:
— Совершай
    свой путь обыкновенный!
Поскорей
    к Испании плыви!
Ты посол
    грядущего вселенной,
Ты везешь
    сокровища любви.
Марш, греми!
    Эй, барабаны, гряньте!
Выше стяг!
    Труби, труба, поход!

5

Отплывает
    из Одессы в Аликанте
Грузовой
    советский теплоход.

1936

ПАРТИЗАН ЕВЛАХА
(1919)

Черная папаха.
Бомба и наган.
Мятая рубаха.
Продранный жупан.
Вот вам Евлаха,
Красный партизан.

Он стоит у хаты,
Занятой вчера.
Перед ним девчата,
Парни,
          детвора.

Он стоит, Евлашка,
Боком у стены.
Этак будут шашка
И темляк видны.

Он большущей плеткой
Пыль сбивает с ног...
На одной обмотка,
На другой сапог.

Заикаясь в страхе,
Прячась за людьми,
Говорит Евлахе
Парень лет восьми:
— Дяденька,
                    скажи-ка,
Ты не енерал?
Где стальная пика?
Где ты воевал?

Не спеша,
              с минутку
Енерал стальной
Вертит самокрутку
В палку толщиной.

— Я кобзарь Евлаха,
Красный коммунист.
Наша мамка пряха.
Батька машинист!

И Евлаха ногу
Ставит впереди,
Поправляя строго
Бантик на груди.

Тут он сел у хаты,
Занятой вчера.
Перед ним девчата,
Парни,
        детвора.

— Много дней веселых
Знал я...
          просто страх.
Мы бывали в селах.
В разных городах.

Буржуёв прогнали
Всех до одного.
Плоховато жрали,
Дрались —
            ничего.

Вот назад неделю
Я поил коня.
Сразу налетели
Двое на меня.

Ну, держись, Евлаха,
Красный партизан!
Я не растеряха —
Тут же за наган.

Раз —
        один под стенку.
Два! —
        другой слетел...
Метил я в коленку,
Чтоб остался цел.

То в штанах,
                    ребята,
Барыня была.
Знать, жила богато,
Коль на нас пошла!

Ну,
    привел волчиху
В штаб, как говорят...
И Евлаха тихо
Оглядел ребят.

Тут шепнул заика,
Пятясь к малышам:
— Дяденька,
                    скажи-ка,
Страшно было вам?

Говорит Евлаха,
На него косясь:
— Я не знаю страха,
Только сдрейфил раз.

Я ходил в разведку
Ночью, за село.
Пешим был я редко,
Пешим тяжело.

Дюже ныли ноги
От большой ходьбы...
Вижу,
        на дороге
Длинные столбы.

Говорю заране:
Страшные —
                    и в ряд.
На столбах крестьяне
Вниз башкой
                    висят.

Сколько стало силы
Я сбежал в овраг...
Это —
        страшно было,
А в боях не так.

Я их видел столько,
Не сочтет любой!
Был со мною...
                    Колька...
Однолеток мой...

Помолчал Евлаха,
Будто что решал,
Расстегнул рубаху,
Чаще задышал.

— Зарубили гады
Кольку моего
У большой ограды
В ночь под рождество!
Он держался стойко
И один почти.

А задумал Колька
К Ленину
            пойти.

Рассказать хотел он
Все как есть насквозь.
Как всыпал он белым,
Как ему жилось.

Брат его, Митроха,
С голоду помёр.
Батьке было плохо,
Батька был шахтер.
Мать жила в селенье
Хуже, чем в тюрьме...

Так и так, мол, Ленин,—
Помоги семье!

Помню,
          на привале
Колька говорит:
«Знатно воевали!
Белый будет бит!

Ленину скажу я:
Город мне построй!
Чтобы без буржуя!
Чтоб дома — горой!

Чтобы все богаты
Стали наконец.
Чтобы вместо хаты
Был в селе
дворец...»

Это было, братцы,
В нынешнем
году...
Вот окончу драться,
К Ленину пойду.

Все на хату разом:
Стала ли дворцом?
А Евлаха
с глазу
Стер слезу тайком.

Подошла деваха
С ним поговорить:
— Кем же вы, Евлаха,
Желаете быть?

Поднялся Евлаха,
Строгий, волевой,
Разрубил с размаху
Воздух пред собой:

— Буду коммунистом!
А вернусь домой —
Также машинистом,
Как папаня мой.

Мамку не забуду...
У нее мальцы...

После —
строить буду
Колькины дворцы!

И пошел Евлаха,
Шашку волоча,
Заломив папаху,
Сапогом стуча.
Вот идет в ворота,

Вот проходит в дом...
А вдогонку кто-то
Звонким голоском:
— Сколько лет герою,
Если не секрет?

Голос за стеною:
— Мне
пятнадцать лет.

1936

РЕЧЬ О ПУШКИНЕ

на торжественном заседании в Большом театре
10 февраля 1937 г.

Весь день сегодня сияло зимнее солнце над Москвой, столицей социалистического отечества. Это был величественный памятник, торжественный реквием природы в день столетней годовщины гибели гениального русского поэта.

Но никакое солнце вселенной не сравнится по величию с необъятной любовью народов, обращенной сегодня к Пушкину.

«Да здравствует солнце, да скроется тьма!» — провозгласил Пушкин. В этих словах — весь он. В них ключ, раскрывающий содержание каждой его песни и всей его жизни, несмотря на то, что он, Пушкин, не видел путей победы.

— Да здравствует солнце, да скроется тьма! — восклицают люди социалистической страны. Каждый день над нашей родиной восходит реальное солнце человеческого счастья, и, славя его, мы славим всех, о нем мечтавших, всех, к нему стремившихся и стремящихся. Мы еще шире разворачиваем знамя борьбы за раскрепощение всего человечества, знамя борьбы против тьмы, убившей Пушкина, убившей и еще убивающей лучших людей мира.

— Да здравствует солнце, да скроется тьма! — восклицают комсомольцы, возглашает молодежь Советского Союза. Когда гремят эти слова, дымом разлетаются десятилетия, перед нами встает живой Пушкин, наша радость, наша слава, наша гордость.

К нему, живому, обращаем мы песню своего сердца...

Во имя
    большой человечьей весны,
Что сделает всех
    навсегда молодыми,
Как знамя, несут
    комсомольцы страны
Твое,
    Александр Сергеевич,
                имя.
Мы знаем
    и чувствуем,
            с кем ты сейчас.
Мы рядышком видим
    тебя,
        живого.
Ты здесь, на трибуне!
    Ты слушаешь нас!
Ты слышишь, поэт,
    комсомольское слово.

От имени тех,
    кто века покорит,
С тобой,
    покорившим всесильное время,
Сегодня
        с трибуны борьбы
                говорит
Младое,
        тебе незнакомое, племя.

Ты был,
    правдолюбец,
            глашатаем дня
Средь каторжной тьмы
    николаевской ночи.
Ты радости жаждал,
    ты жаждал огня,
Чтоб стала
    та ночь
            и светлей и короче.
Ты славил веселие,
    землю,
        цветы,
Дерзания мысли,
    могущество страсти,

Величие дружбы,
    любви,
        красоты
И яркое солнце
    бессмертной мечты
О самом земном
    человеческом счастье.

Ты был жизнелюбцем,
    каких до тебя
Еще не бывало
    у русского края.
И жил ты, страдая,
    боролся, любя,
Стремился, надеясь,
    трудился, мечтая.

Хотел ты,
    чтоб в жизни
        любой человек
Был славою,
    силою,
        счастьем вселенной,—
Хотел,
    чтоб свободными
        стали навек
И люди,
    и песня,
        и труд вдохновенный.

...Мы в жизнь воплотили
    надежду твою!
Мечту дорогую
    ты видишь живою,
Когда
    в необъятном
        счастливом краю
Смеется
    советское племя младое.
Все то,
    что хотели мильоны людей,
Все то,
    что провиделось всем Прометеям,

Все то,
что прославил ты
песней своей,
Мы в нашей стране
каждодневно имеем.

Навеки свободен
у нас
человек,
Трудом,
и любовью,
и дружбой богатый;
Он родину любит,
он любит свой век,
А радость,
а песнь у него —
завсегдатай,

К чему он стремится,
он знает вполне!
И счастья
он столько
имеет во власти,
Что может раздать его
каждой стране,
Любому,
кто в жизни
нуждается в счастье!

Отечеством гениев
стала страна,
Где Пушкина
тысячи тысяч воспели,
Где тысячам тысяч
родны имена
Шевченко,
Некрасова
и Руставели!
Взгляни-ка на запад.
Там царствует тьма.
Там властвуют гангстер,
костер и оковы.
Там стал Скалозуб
идеалом ума.

Там стала иконой
    душа Смердякова.

А в нашей стране
    мы хотим,
        чтоб любой,
Чтоб все
    боевые друзья и подружки
Росли,
    соревнуясь в работе
        с тобой,
С тобой,
    Александр Сергеевич Пушкин!

Какие мечтанья,
    надежды и сны
Сравняются
    с былью
        такой величавой?
Оковы и тьма
    навсегда сметены.
Все люди
    для братства людей рождены.
Счастливые дети
    счастливой страны
Гордятся
    твоей титанической славой.

Идет молодежь
    по заводам родным,
По шахтам,
    колхозам,
        по клубам и школам
С тобою, бессмертным,
    с тобой, молодым,
Свободным,
    влюбленным,
        поющим,
            веселым.
Ты каждому нужен.
    Ты юн.
        Ты любим.
Тебе хорошо
    и привольно живется.

Ты нам помогаешь
всем сердцем своим
И жить,
и любить,
и творить, и бороться.

Мы слышим твой голос.
Чудесен твой смех.
Ты счастлив.
Ты с нами поешь торжествуя!..

Мы вместе поем.
Это песня о тех,
Кто нам завоевывал
радость земную,
Кто вел нас в боях,
кто растил нас в пути,
Кто каждого сделал
творцом окрыленным,
Кто дал нам простор
до тебя дорасти
И отдал твой труд
благодарным мильонам.

Да здравствуют люди,
земля и цветы,
Дерзания мысли,
могущество страсти,
Величие дружбы,
любви,
красоты
И наше земное советское счастье!

Да здравствует
гений бессмертный ума,
Да здравствует радость
борьбы и свершений,
Да здравствует
партии солнечный гений,
Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

ДОРОГА

Куда ни оглянешься — всюду стволы.
Куда ни рванешься — везде валуны.
А холод неистов. А вьюги злы.
А небо угрюмо. А ночи длинны.
В таежной чащобе не видно пути.
В лесу по сугробам шагать мудрено!
А надо пробиться, прорваться, пройти,
Летя или ползая,— все равно.
Пунцовое знамя над фронтом взнеся,
Громада полка прогремела:
«Ура!»
И первый же снайперский выстрел слился
С ударом лопаты, кирки, топора.
Вставали стеною леса и снега.
За каждым кустом — полыханье огня,
За каждым пригорком — засада врага,
И в каждой лощине грозит западня.
Но хлынул безудержно грозный поток
В леса, где сгущалась таежная мгла.
Вперед, чтобы враг закрепиться не смог!
Вперед, чтобы в чаще дорога легла!
Тут были саперы, связисты, стрелки,
Но каждый стрелял, и рубил, и копал,
Укладывал гати, бросался в штыки,
Тянул провода и мосты воздвигал.
Любой понимал, что в атаку пошел
Как снайпер, связист, подрывник, лесоруб,—
И падал шюцкор,
как подрубленный ствол,
И грохался ствол,
словно вражеский труп.

Тянулись минуты длинней, чем года,
Но дни пролетали мгновенья быстрей.
Вперед, на поляны озерного льда!
Вперед, через груды гигантских камней!
Костры разводили вокруг валуна,
Готовили ведра воды ледяной —
И камень, что был раскален докрасна,
В куски разлетался, облитый водой.

Когда подходили к просторам озер,
Где танки могли провалиться под лед,
Рубили бойцы водяной коридор,
Сверкающей лентой летящий вперед,—
И грузные глыбы добытого льда,
Как плиты моста, на озера легли.
Поплыли амфибии там, где вода,
А танки — мостом наращенным прошли.
Когда наступала такая пора,
Что тьма становилась
чернил черней,
Бойцы засыпали в лесу, у костра,
В больших шалашах
из еловых ветвей.
Пурга надрывалась, гудя и стеня,
Мороз пробирался тайком в шалаши,
Но грело товарищей
лучше огня
Простое тепло человечьей души.

— Возьми рукавицы,
Товарищ майор!
Ты где-то забыл их,
А холод остер.
Тебя в полушубке
Враги разглядят...
Бери же в придачу
Мой белый халат!
Ну, что ты смеешься?
От сердца даю...
— Прости мне, товарищ,
Веселость мою.
Мои рукавицы
И белый халат
Я отдал саперу
С минуту назад.
Он первый в разведке.
Он первый в бою...
Я тоже, товарищ,
От сердца даю!..

Бойцы продвигались и ночью и днем,
Сильны и умелы, храбры и бодры.
А каждой лощины отвесный подъем

Бывал пострашней Сен-Готардской горы.
На узкой тропинке в глубинах тайги
Орудия, танки, обозы стоят,
А там, наверху, укрепились враги,
С верхушек деревьев строчит автомат,
И ливень свинцовый грозит затопить
Любого, кто в яму лощины сойдет.
Тут все что угодно сумеешь забыть,
Но ты не забудешь приказа: «Вперед!»
«Вперед!» — и бойцы выбивали врагов
Огнем пулемета, гранатой, штыком,
Идя напролом, окружая с боков,
Пешком и на лыжах, бегом и ползком.
И тут же, тропу прорубивши в лесах,
По скользкому склону подъемов крутых
Огромные «ЗИСы» несли на плечах,
Тащили громады орудий своих
И двигались дальше суровой тайгой
Сквозь гром канонады, сквозь холод и кровь,
Винтовку кладя,
чтоб ударить киркой,
Бросая лопату,
чтоб выстрелить вновь.

И вновь расступилась таежная мгла,
Валились деревья, гремело «ура»,
Стреляли орудия, пела пила,
И бодро частил говорок топора.

Знамена свои пронесли храбрецы
Сквозь лес, через реки, по горным отрогам...

Так сражались наши бойцы.
Так прокладывалась дорога.

Финский фронт, Раатевара
1940 г.

ДВОЕ И СМЕРТЬ

Отгремела буря огневая.
Тишина прозрачна и легка.
Ранним утром
вышла смерть седая
На полянку мирного леска.

Смерть устала. Смерти надоело
День и ночь размахивать косой.
На бугор костлявая присела
И умылась свежею росой.

Пели птицы. Копошились мухи,
Полз паук по шелковой сети...
Захотелось яростной старухе
Хоть на время душу отвести.

Рядом — танков смертные останки,
Ружья, трупы, касок серебро...
Хорошо бы здесь вот, на полянке,
Сотворить кому-нибудь добро!

Слышит смерть:
у дальнего пригорка
Два солдата стонут за кустом.
Черный крест у них на гимнастерках
И железный череп над крестом.

Как смешно!.. Для смерти выпал случай,
Обреченных на смерть возлюбя,
Их спасти от смерти неминучей,—
Это значит:
от самой себя.

Напугавши смехом хрипловатым
Певчих птиц, рванувшихся в простор,
Смерть подсела к раненым солдатам,
Завязала тихий разговор.

— Что ты хочешь? —
так она спросила,
Наклонившись к черному плечу,
И солдат ответил через силу:
— Помоги, старуха! Жить хочу!

Как бревно,
товарищ мой давнишний
Распростерся на спине моей.
Ты меня
избавь от ноши лишней.
Поскорей товарища убей!

Жить хочу...
Селение большое
Нам сегодня отдали во власть.
Я хочу сейчас же после боя
В магазины вовремя попасть.

Я могу
в домах и магазинах
Насладиться радостью войны.
Мне нужны
пятнадцать шкур звериных,
Шелк и обувь... платья для жены...
Жить хочу,
чтоб выполнить скорее
Тот приказ, что мне сегодня дан:
Поручили нашей батарее
Расстрелять бунтующих крестьян.
Я мечтаю видеть их мученья,
Бабьи слезы, жалкий детский рев,
Чтобы вновь
изведать наслажденье
Господина, бьющего рабов.
Жить хочу,
чтоб властвовать над всеми,
Попирая земли и тела!
Жить хочу,
чтоб ты в любое время
Убивать без устали могла...

Ты молчишь?
О горе! Я немею!
Пощади! Помилуй! Не убей!

Что я значу с силою моею
Пред тобой,
владычица людей?

Каждый день
встает виденьем страшным.
Я над миром властвовать стремлюсь,
Но живу
твоим рабом всегдашним,
Потому что... я тебя боюсь...

Неподвижно старая сидела,
Отвернув безглазое лицо.
На траве распластанное тело
Только тронешь — станет мертвецом.
Ну-ка, смерть! Раба уничтожая,
Насладись могуществом своим!
Почему
повисла, как чужая,
Та рука, что властвует над ним?

На земле, снарядами изрытой,
На пригорке, тонущем в крови,
В этот миг
семьею деловитой,
Строя дом, сновали муравьи.

Над ветвями леса молодого
Несся ветра ласковый напев...
Не сказала старая ни слова,
Словно смерть, от гнева побледнев.
Но, привстав,
заметила седая
Двух бойцов у дальнего пруда.
И на каждом метка золотая:
Серп и молот, красная звезда.

Поднялась костлявая старуха,
Подошла —
и сразу напрямки:
— Что ты хочешь? — вымолвила глухо,
Не скрывая злобы и тоски.

— Что ты хочешь? —
так она спросила

У того, кто мог еще ползти.
И боец ответил через силу:
— Я хочу... товарища спасти.
Я хочу опять изведать счастье
Быть врагом жестокости твоей.
Сделай так: вернусь я к нашей части,
Сдам его —
тогда меня убей...

Удивилась старая немало:
«Видно, этот — вовсе не из тех...»
— Хочешь жить? —
бойцу она сказала.
И боец ответил:
— Больше всех!
Я люблю
и солнышко и небо,

Я люблю
и землю и цветы,
Я люблю
веселый запах хлеба,
Вкус плодов и радость красоты.
Я хочу
помочь моей отчизне
Разгромить проклятого врага.

Я хочу
побольше сделать в жизни.
Потому-то жизнь мне дорога.

Я мечтаю
жить одним порывом
С той страной,
где сердцем молодым
Только тот зовет себя счастливым,
Кто приносит счастье всем другим.

Я хочу раздать богатство счастья
Тем, чья жизнь
сурова и горька.
Много счастья есть у нас во власти!
Хватит всем на долгие века!

Жить хочу
для дерзкого полета,

Жить хочу,
чтоб мир освободить,
Жить хочу,
чтоб смерть лишить работы,
Чтоб тебя,
костлявая,
убить!

Над грядущим нашим
ты не властна.
Мы бессмертны — в этом я клянусь!
Оттого,
что жить хочу я страстно,
Я тебя
нисколько не боюсь...

Не сказала старая ни слова,
Долго-долго стоя перед ним,
Пред бойцом, вперед поползшим снова
С дорогим товарищем своим.

Было стыдно смерти всемогущей
Ощутить бессилие свое,
Но боец,
едва-едва ползущий,
Стал сейчас
владыкой для нее.

На кустах, снарядами помятых,
Золотился
солнца луч косой...
. . . .
Смерть ушла,
фашистскому солдату
отрубивши голову косой.

1941

О ЧЕМ ГОВОРИЛО МОЛЧАНЬЕ

Ее допрашивал четвертый день подряд
Фашистский офицер, увешанный крестами.

Ей руки за спиной выкручивал солдат,
Ее хлестала плеть, ее гноили в яме,—
Но был упрямо сжат иссохший тонкий рот,
И только иногда
страданья человечьи
Невольно выдавал руки слепой полет,
Глубокий тихий вздох
да вздрогнувшие плечи.

Угрюмый офицер сказал, что больше нет
Терпенья у него;
что это лишь начало
Таких жестоких мук, каких не видел свет...
Но, желтая как воск,
она в ответ — молчала.

Угрюмый офицер схватил ее ладонь,
Склонился, хохоча, в насмешливом поклоне
И вдруг,
сигару взяв,
прижал ее огонь
К бессильной, но тугой девической ладони.

Прошло минуты две. Тончайший горький смрад
Наполнил полутьму высокого подвала.
Забился в уголок растерянный солдат...
Но, бледная как смерть,
она в ответ — молчала.

...Прошел недолгий час — а может,
много лет...
Казалось, полутьма от ужаса густела!
Но так же освещал
свечи дрожащий свет
На плитах кирпича распластанное тело.

Он знал, что режет нож. Он знал,
что пламя жжет.
Он взял сюда огонь и острие металла,
Но был все так же сжат
иссохший тонкий рот...
Выплевывая кровь,
она в ответ — молчала.

От пламени свечи, рябившего в глазах,
Плясали на стене чудовищные тени...
И вдруг почуял он,
что рядом ходит страх,
Берет его за грудь,
хватает за колени.

Проклятье! Что за бред?
Себе не веря сам,
Он ринулся вперед, сломив свою
усталость,
Оплывшую свечу поднес к ее глазам
И ясно увидал:
она над ним смеялась.

Не в силах отвести дрожащий свет свечи
От жутких черных глаз, прожегших
тьму подвала,
Фашистский офицер присел на кирпичи
И, в бешенстве дрожа,
проговорил устало:
— Все ясно до конца. Я сам тебя убью.
Не скрою: жуткий страх сейчас меня
тревожит!
Ведь я в твоих глазах
увидел смерть свою,
И мнится, что она уйти с тобой не может.
Но прежде, чем поднять
вот этот острый нож,
Я все-таки прошу сказать одно лишь слово.
Мы давние враги.
Но ты меня поймешь,
Хотя моя мольба бессильна до смешного.

Разведка донесла,
что пламенная речь
С далеких детских лет была твоей стихией,

Что сло́вом ты могла мильоны в бой увлечь,
Что этим ты была
известна всей России.

А ныне — ты молчишь, хотя и льется кровь!
Прошло четыре дня. Ты сло́ва не сказала!
Я бил тебя в лицо —
а ты молчала вновь!
Я жег твои ступни —
а ты опять молчала!

Я взбешен...
потрясен...
и я хотел бы знать:
Кто выучил тебя,
душой твоей владея,
Чудесно говорить
и так, как здесь, молчать?
Скажи мне: кто же он?
Скажи! Скажи скорее!
. . . .
Негромок был ответ,
был слабым взлет руки,
Но думал он, что гром
наполнил ширь подвала,
Когда, открыв глаза, она ему сказала:
— Большевики!

1941

ПИСЬМО, ВЛОЖЕННОЕ В ПОСЫЛКУ

Я бойцам хорошим, нашим,
Шлю большой-большой привет!
А зовут меня Наташа,
У Наташи мамы нет.

Я с бабусею родною
Очень-очень вас люблю!
Поделите меж собою
Все, что я для вас пошлю.

Покурите папиросы
И покушайте халву.
Мне принес их дядя Носов,
Из квартиры, где живу.

Баба варежки связала,
Чтоб мороз щипать не мог,
Я бабусе помогала —
Долго-долго ей держала
Ниток беленький клубок.

Баба все четыре штуки
На примерку мне дала.
Я надела их на руки —
Печкой варежка была!

Папа мой на фронте тоже...
Я открою вам секрет:
Мне, бабусе и Сереже
Он прислал вчера конфет.

И конфеты и рогалик
Разделив напополам,
Мы с Сережею гадали:
Что еще послать бы вам?

Я его перехитрила.
Мой кукленок мне помог!
Чтобы вам не скучно было,
Я вам куклу положила,
Завернув ее в платок.

Кукла тихая такая.
Глазки — кнопки. Носик мал...
А про ухо я не знаю,—
Это Жучка оторвал...

Я прошу вас: куклу эту
Не давайте обижать!
Если рядом дочек нету,
Можно куклу дочкой звать.

И меня ведь мама наша
Звала дочкой много лет.
А сегодня я — Наташа,
У которой мамы нет.

Мама в городе осталась,
Где стреляли восемь дней.
Мама пряталась, кидалась,—
А один бежал за ней,

Весь зеленый, мокрый, гадкий,
Хуже самых злых гадюк...
На руках его — перчатки.
А на рукаве — паук.

Наша мамочка схватила
Острый ножик со стола...
Я не помню, что тут было,
Нас бабуся унесла.

Мне сказала тетя Оля,
Что мамусенька больна
И что очень долго-долго
Не приедет к нам она.

И теперь девчонки наши,
И мальчишки, и сосед —
Все зовут меня «Наташей,
У которой мамы нет».

Там, где милый дядя Носов,
Я с бабусею живу...
Вы курите папиросы
И покушайте халву.

А когда придете снова,
Там, где мамочка моя,
Вы зеленого такого
Застрелите из ружья!

И еще одно желанье
Я скажу в конце письма:
Берегите куклу Маню,
Будто это я сама.

Станет Маня дочкой вашей,
Чтобы много-много лет
Помнить девочку Наташу,
У которой мамы нет.

1942

ТУЧКА

Утром солнечным,
                    вдаль улетая,
Над окопами тучка плыла,
Словно кудри твои — золотая,
Словно встречи с тобою — светла.

Я увидел за тучей летучей
Беспредельный простор синевы,
И шепнул я несущейся туче:
— Долети! Долети до Москвы!

Я хочу, чтобы, вечер встречая,
Подымаясь на Каменный мост,
Увидала тебя дорогая
У кремлевских рубиновых звезд.

Может, сердце подскажет любимой,
Что с зарею веселого дня
Ты в степях Украины родимой
Побывала в гостях у меня.

И притихнет столица на время,
И уляжется ветер над ней,
Чтобы голос, не слышимый всеми,
Был услышан любимой моей.

И тебе, золотой, будет любо
Передать порученье мое,
Рассказавши про сердце и губы,
Повторявшие имя ее.

И такое сердечное слово
Ты сейчас же услышишь в ответ,
Что ко мне возвратишься ты снова
Передать от любимой привет.

И зардеешься ты,
                    пролетая
Над костром золотой головы...
Дорогая моя! Золотая!
Долети! Долети до Москвы!

1942

КАМЕНЬ

Передо мной врагом разрушенные зданья,
Истерзанные улицы села.
Вдали пожар. Кругом меня — молчанье.
Зола и пыль. Предутренняя мгла.

Томясь тоскою, гневом напоенной
(Такой тоски не мог я побороть!),
Беру в ладонь осколок закопченный —
Разбитой школы каменную плоть.

Мы этот камень сильными руками
Несли на стройку, радостью полны,
Чтоб стать смогли бесчисленные камни
Жилищем счастья
всех людей страны.

Меся бетон и плавя тонны стали,
Ломая тишь пустынной целины,
Мы много дней и лет недоедали,
Чтоб стали сыты
люди всей страны.

В жестокий зной, под ливнем и в метели
Трудились мы, суровы и сильны,
Чтоб с каждым днем все больше веселели
И труд и песня
всех людей страны.

В забоях шахт, на нивах и заводах
У нас самих мы крали наши сны,
Чтоб легким был счастливый мирный отдых,
Чудесный отдых
всех людей страны...

Вот почему
безмерно дорога мне
Литая сталь оружия бойца.
Вот почему
простой осколок камня
Нам жжет ладони, мысли и сердца.

Вот почему
сегодня, в лихолетье,
У той страны, где ярких слов не счесть,
Все,
все слова, какие есть на свете,
Сейчас слились
в едином слове:
Месть!

1942

КАПИТАН ОСОРГИН

Шестнадцать машин довести до реки
Приказано было комбатом.
Сказал он любовно: — К рассвету, братки,
Доставьте снаряды ребятам!

И мигом братки повернули в лесок
Ухабистой, узкой тропою.
Лесок невысок. Но повсюду песок,
Машинам грозящий бедою.

У них по минутам рассчитан маршрут,
Но круты песчаные горы.
Колеса буксуют. И тяжко ревут
Уставшие за день моторы.

Не выйдет спасительный быстрый бросок
В минуту воздушной тревоги!
Повсюду песок. И лесок невысок.
Машины видны на дороге...

Под вечер за лесом послышался гул,
Противный, прерывистый, резкий.
Над самой тропою стервятник мелькнул
Со свистом, с гудением, с треском.

Казалось, что черный летающий гад
Садится деревьям на плечи...
Ушел на минуту, вернулся назад...
И скрылся.
...Наверно, разведчик!

— Братки! — закричал капитан Осоргин.—
Пусть Котов командует вами!
Скорей закидайте пятнадцать машин
Горами песка и ветвями.

А я на шестнадцатой ринусь вперед,
Пути эшелону открою,
И если его темнота не спасет,
Придумаем средство другое.

...Ревет, задыхаясь, упрямый мотор,
Толкая рывками машину
По склонам песчаных рассыпчатых гор,
По стрежню зыбучей стремнины.

Шоферу велел капитан Осоргин
Бежать в полутьму без оглядки,
А сам у машины остался один,
Готовясь к невиданной схватке.

Он бросил надежду на то, что в бою
Поможет удачливый случай.
Не страшно и смертью колонну свою
Спасти от беды неминучей!

Припомнив давнишний закон боевой
И вражьих повадок секреты,
Он выпустил в небо одну за другой
Четыре багровых ракеты.

И начали бомбы ложиться кругом,
То слева, то справа, то рядом,
Пока охватившим машину огнем
Не взорваны были снаряды.

Ушли бомбовозы, ревя и гудя,
Притихла лесная поляна.
Тяжелые, крупные капли дождя
Упали на грудь капитана.

Лежал Осоргин под разбитой сосной,
Спокойный, простой, величавый,
И ветер, летя над страною родной,
Венчал его песенной славой.

* * *

К утру боевые родные братки
Пятнадцать машин довели до реки.

1943

АТАКА

...У ночи — резкое дыханье.
Порою всем дышать невмочь...
Но хорошо твое молчанье,
Морозом скованная ночь!
Нам любоваться бы тобою,
Снегов сверкающих ковром,
Дымками, звездами, луною,
Лесным пушистым серебром,—
Но только времени на это
Нам не отпущено сейчас.
Вперед,
            на запад,
                                раньше нас
Летит сигнальная ракета.
Атака новая близка!
Быстрей, товарищи! Быстрее!

...И разом ухнул из леска
Удар тяжелой батареи,
За нею легкие пошли
Громить несчетные преграды —
И, грозный гром будя вдали,
Дремоту неба и земли
Наполнил свист и вой снарядов.
Уже стрекочет пулемет,
Швыряют пламя минометы,
Столбом огня летят вперед
«Катюш» грозовые налеты,

Мотор неистовый гудит
Над побелевшими лесами.
Осатанелый мессершмитт
Бомбит лесочек, взятый нами.
Громады дзотов разгромив,
Орудья бьют без перерыва.
Слились несчетные разрывы
В один огромный гулкий взрыв!

Гремят зенитки деловито.
Врагу и чудом не помочь!
Снарядом огненным подбитый
Летит бомбардировщик прочь...

. . . .

Тиха
украинская
ночь.

1943

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

1

Сизый дым на поле боя.
Смрад и пыль. Столбом земля.
Небо — утром голубое —
Стало днем черней угля.

Щепки бревен, камня груды
Круто смешаны с песком.
Бомбы ахают повсюду,
Мины ухают кругом.

Бьют из леса батареи.
Дом горит. Хлеба горят.
Но не вышел из траншеи
Красной Армии солдат.

Зной июльский мучит люто.
Где ты, капелька росы?
Часом кажется минута.
Мнятся вечностью часы.

Все огромней, все грузнее
Рядом падает снаряд.
Но не вышел из траншеи
Красной Армии солдат.

Из-за каждого пригорка
Нами занятых высот
Громовой скороговоркой
Тараторит пулемет.

Все назойливей, слышнее
Пули жадные жужжат.
Но не вышел из траншеи
Красной Армии солдат.

Не теряясь в знойном шквале,
Он, спокойствие храня,
Давит шторм огня и стали
Бурей стали и огня.

Нет приказа к наступленью,
Значит, время не пришло.
Терпеливо жди мгновенья,
Чтобы ринуться в село.

А уйти? Видать, смешнее
Люди слов не говорят!
Для того ль сидит в траншее
Красной Армии солдат?

Ведь кругом него — Россия,
Поймы солнечной краса,
И колосья золотые,
И высокие леса.

В мире нет святынь роднее —
Значит, нет пути назад...
И не вышел из траншеи
Красной Армии солдат.

2

Нет, не плугом поле взрыто,
Если облаком густым
Ходят двадцать «мессершмиттов»,
Сорок «юнкерсов» над ним.

Над заманчивою целью
Вьется смерть петлей тугой,
Огненосной каруселью,
Черной чертовой дугой.

Рассыпая грохот звонкий,
Бомбы грозного врага
Роют грузные воронки
Через каждых три шага.

Все сильнее ливень лютый
Нестихающей грозы.
Часом кажется минута.
Мнятся вечностью часы.

Быть живым — большое диво,
Если с неба бомбы бьют
Без минуты перерыва
Триста семьдесят минут.

Хлещет ливень, не слабея,
С лишним шесть часов подряд...
Но не вышел из траншеи
Красной Армии солдат.

3

Сколько танков? Двести? Триста?
Право, сразу не сочтешь!
До чего же золотиста
Колосящаяся рожь!

До чего ж несправедлива
И горька ее судьба,
Если топчет враг шкодливый
Ненаглядные хлеба!

Воздух грохотом распорот.
Танки лезут напролом.
Это едет целый город,
Где стреляет каждый дом.

Шквал огня ему навстречу
Мчат советские грома,
И пылают, словно свечи,
Броненосные дома.

Но дорвались до траншеи
Два ряда железных гор.
Повернув большие шеи,
Вражьи танки бьют в упор.

Танки тяжестью своею
Рвы траншейные громят...
Но не вышел из траншеи
Красной Армии солдат!

Ну так что же, если танки
Позади пошли греметь?
Грязным ломом их останки
Будут где-нибудь ржаветь.

Их в спокойствии могучем
Красной Армии солдат
Бьет бутылками с горючим,
Гробит связками гранат.

Вот раздроблен город гулкий.
Он распался на куски,
На косые переулки,
На хромые тупики...

Поля боя не оставит
Верный Родине боец!
Тяжесть танков не раздавит
Наших пламенных сердец!

Гордый силой человечьей,
Славой русскою богат,
Может небо взять на плечи
Красной Армии солдат.

4

О страна моя родная,
Солнце радости моей!
Мы по имени не знаем
Всех твоих богатырей.

Мы героями богаты.
По величию побед
Красной Армии солдатам
В целом мире равных нет.

Песню, лучшую на свете,
Сложит им моя страна.
Пронесем мы сквозь столетья
Их святые имена.

Но давайте не забудем
Самый длинный разговор
Посвятить советским людям,
Неизвестным до сих пор,—

Тем, чей подвиг в пекле боя
Всем увидеть довелось,
Только имя их родное
Нам узнать не удалось.

Эти люди не боялись,
Стоя насмерть, до конца,
Ни огня, ни острой стали,
Ни железа, ни свинца.

Напрягая все усилья,
Надрывался лютый враг,
Но они не отступили
Из окопов ни на шаг...

Так восславим пред веками
Имя гордое того,
Кто могучими руками
Подымает наше знамя,
Нашей славы торжество!

Солнце силы, гроздья света
В этом имени горят,
Потому что имя это —
Красной Армии солдат.

5

Через рощи, через степи,
Через пашни и луга
В бой пошли густые цепи
Разъяренного врага.

Пулю в грудь всадить врагу бы!
Пальцы щупают курок...
Но тихонько шепчут губы:
— Подожди. Еще не срок.

Всем сейчас услышать любо
Пулеметный говорок...
Но упрямо шепчут губы:
— Подожди. Еще не срок.

Чей-то крик доносит ветром.
Мысль томительно-остра.
Триста метров... Двести метров...
Может, все-таки пора?

Да! Пора! Слова приказа
Над окопами гремят.
Всем зарядом грянул сразу
Красной Армии солдат!

На растоптанные степи
Хлещет вражеская кровь.
Но по трупам вражьи цепи
В бой смертельный рвутся вновь.

Вот фашистские злодеи
В двух шагах от нас кричат...
Тут-то вышел из траншеи
Красной Армии солдат.

И устроила для гада
Богатырская рука
Праздник пули и приклада,
Праздник русского штыка.

По всему большому фронту
Прямо в огненный закат
Гнал врагов до горизонта
Красной Армии солдат.

6

Бой окончен.
На мгновенье
Наступила тишина.
Только где-то в отдаленье
Песня тихая слышна.

Кто поет в такое время?
Может, ты, товарищ мой?
Нет! Поется песня всеми,
Целым миром, всей землей.

Сила вражеская смята.
Натиск белгородский лют.
Красной Армии солдаты
В наступление идут.

Светит солнышко над ними.
Ветер радостен и тих.
Ветер солнцу шепчет имя —
Имя каждого из них.

Песню силы, песню славы,
Песню дивной красоты
Им в полях лепечут травы,
В рощах — шумные листы.

Их приветствует Россия
Светлым гимном боевым,
И колосья золотые
В пояс кланяются им.

1943

БАЛЛАДА ОБ ОРДЕНЕ

Еще не затих громыхающий бой,
И нам на стрельбу отвечали стрельбой,

И мины рвались, и снаряды рвались,
И «юнкерс» таранил небесную высь,

А в глиняной хате большого села,
Где только что наша бригада прошла,

Полковник седой выкликал имена
Героев, которым вручал ордена.

И в очередь пятым — по списку шестым —
К нему подошел лейтенант Кербештым,

Лихой комсомолец, храбрец, острослов,
Кудрявый красавец, любимец бойцов.

Он встал перед орденом, строен и строг,
Но руку поднять от волненья не мог.

И молвил, взметнув непокорную прядь:
— Товарищ полковник! Позвольте сказать!

Позвольте сказать о желанье моем,
Что сердце мне жжет негасимым огнем.

Товарищ полковник! За миг до меня
Был назван боец, Никодим Головня.

Не мог за наградой прийти Никодим,
Сидит он в леске с пулеметом своим.

С утра атакуют фашистов полки
Лесок Никодима у Ворсклы-реки.

С утра он стреляет в окопе своем,
С утра мы патроны ему подаем.

С утра не сумел окровавленный враг
Продвинуться к лесу хотя бы на шаг...

Я знаю, что к лесу не стало пути,
Что надо к нему не идти, а ползти.

Я знаю, что смертен боец Головня,
Что, может, погибнет он в гуще огня.

И я бы хотел, чтоб доверили мне
Награду страны передать Головне.

На радость родному бойцу своему
Хочу я сквозь пламя прорваться к нему,

Чтоб первый свой орден герой фронтовой
Сегодня в бою получил бы — живой!

...Полковник седой к лейтенанту шагнул,
Тяжелую руку ему протянул,

Прижал его нежно к широкой груди
И вымолвил тихо: — Ну что же? Иди!

...Назавтра под вечер закончился бой.
Нам враг на стрельбу не ответил стрельбой.

На белых сугробах советской земли
Три черных полка мертвецами легли.

...В бою завоевана Ворскла-река.
Бойцы пулеметы несут из леска,

И честь отдает им широкой рукой
Стоящий у хаты полковник седой.

...Окутала землю морозная мгла.
Бойцы разместились по хатам села.

А утром, по снежной дороге, вперед
Бригада героев рванулась в поход.

И первыми к западу шли напрямки
Бойцы, что сражались в леске у реки.

И шли Кербештым с Головней впереди...
Два ордена каждый имел на груди.

1944

РЕКВИЕМ

Когда наклоняется знамя
Над павшими в грозном бою,
Роняет печальное солнце
Слезу золотую свою.

На свежем высоком кургане
У черной могильной плиты
В глубоком и скорбном молчанье
Встают на колени цветы,

А ветер, летящий над чащей,
Разносит над ширью земной
Наш залп,
                    на кургане гремящий,
Как клятва отчизне родной...

...Но снова взвивается знамя,
И трубы оркестров гремят,
И пушки стальными стволами
Вбивают снаряды в закат,

И ветер, свистящий над чащей,
Разносит грозней, чем вчера,
На запад, как буря, летящий
Раскат громового «ура».

1944

НЕНЬКА УКРАИНА!

За одним из курских сел
Протекает речка Псел.

Вкопан в землю домик дзота
Над излучиной реки.
Там сидят у пулемета
Неразлучные дружки.

Говорит один дружок:
— Эх, Иртыш у нас широк!

Разве может с ним сравниться
Этот маленький ручей?
Возле горсточки водицы
Мы не спали пять ночей...

Говорит второй: — Иртыш
С Сырдарьею не сравнишь!

Ширину реки-царицы
Не представишь ты вовек!
Нужно рядом триста тридцать
Положить таких вот рек...

Третий вымолвил: — Друзья!
С вами спорить мне нельзя,

Но одной мечтой доныне
У меня душа горит:
Возле Псла на Украине
Город маленький стоит.

Там родился в добрый час
Я, Федорченко Тарас.

Если путь для наступленья
Мы проложим здесь огнем,
Продвигаясь по теченью,
Все мы в город мой войдем.

Там, в неволе изнывая,
Надрывается народ...
Там семья моя родная
От меня спасенья ждет.

Ждет меня моя дивчина,
Ждут родимые края,—
Золотая Украина,
Ненька нежная моя!

И ответил сибиряк:
— Извиняюсь, если так.

От моей недавней шутки
Разрывается душа.
Друг и брат реке-малютке
Сын большого Иртыша!

Псел, конечно, неширок,
Но ведь он — Днепра приток!

Я с тобой на Киев двину,
Драгоценный побратим!
Золотую Украину
Мы навек освободим.

Я и сам о ней тоскую
И во сне и наяву.
Я и сам ее, родную,
Ненькой нежною зову...

И сказал тогда узбек:
— Я нездешний человек.

Я не знаю, что такое
Слово «ненька», говорит;
Видно, очень дорогое,
От чего душа горит.

Я услышал это слово
От тебя, мой друг Тарас,
И его в бою суровом
Повторял я много раз.

Повторял я это слово,
В грудь врагу прицел беря.
Если ширь Днепра в оковах,
Бурей дышит Сырдарья!

Всем, что в жизни есть святого,
Все мы связаны, Тарас,
Потому-то это слово
Повторяем мы сейчас...

. . . .

За одним из курских сел
Протекает речка Псел.

Вкопан в землю домик дзота
Над излучиной реки.
Обнялись у пулемета
Неразлучные дружки!

Обменявшись долгим взглядом,
Все сказавшим до конца,
Залегли ребята рядом,
В поле бросив смерч свинца.

Каждый слышал в пекле боя,
Что товарищ говорит
Что-то очень дорогое,
От чего душа горит.

И дыханием единым
Вдаль неслось во все края:
— Золотая Украина,
Ненька нежная моя!

1944

1

Под ливнем бомб, хлеставшим все плотней,
У Прохоровки, в июле, в сорок третьем,
В одну из белгородских памятных ночей,
Тянувшихся немыслимым столетьем,

Собрались мы в каморке блиндажа
По вызову любимого комдива.
Горел фонарь, тихонько дребезжа,
И сыпалась земля
при каждом гуле взрыва.

Бывал немногословным наш комдив,
Седой боец, товарищ наш суровый.
А в этот раз, неспешно закурив,
Он просто не сказал ни слова.

Приблизивши свечи дрожащий свет,
Спокойными и умными руками
Он расстегнул простреленный планшет
И вынул
рябоватый камень.

От всех камней не отличался он.
Лишь черное пятно легло на край отбитый.
Как видно, порохом был где-то опален
Рябой комочек серого гранита.

Седой комдив ладонь свою простер,
С минуту подержал комочек перед нами
И поднял над собой осколок дальних гор,
Как будто нес вперед сияющее знамя.

— Из Севастополя! — сказал он.
И тотчас
Мы, взяв под козырек, невольно встали сразу.
Понятным стало все. Тот камень был
для нас
И стягом боевым, и пламенным приказом.

Мы вышли молча в ночь, в свистящий буйный ад,
Клокочущий огнем над Курскою дугою.
Ни шагу мы тогда не сделали назад
В чудовищном котле чудовищного боя.

И, немца измотав, мы ринулись вперед!
Дорога до границ
было в те дни пробита!
И каждый знал, что он,
как стяг, с собой несет
Рябой осколок серого гранита.

2

В тебя вошли мы вновь,
наш город-исполин!
Знамена развернув и преклонив колена,
Целуем мы гранит святых твоих руин,
Что сталью и огнем мы вырвали из плена.

Столетьям не забыть
шесть тысяч тех часов,
Что вынес ты в бою, в тугом кольце осады.
Мы помним имена родных для нас бойцов,
Умевших не давать и не просить пощады!

Любовь родной страны из пепла возродит
Ряды твоих цехов и солнечные зданья.
Садами расцветет священный твой гранит,
А светлый подвиг твой — векам войдет
в преданье.

А в грозный дивный час,
когда всемирный суд
Предъявит общий счет врагам твоим
разбитым,
Мы знаем, что бойцы
в судилище внесут
Рябой осколок серого гранита.

— Из Севастополя! — мы скажем.
И тотчас
Пред всеми оживут часы былой осады.
Тот возглас прозвучит как боевой приказ
Поднять жестокий меч, не знающий пощады.

И судьи замолчат, дыханье затая,
И все, что скажешь ты, решат они
без спора,
И ненависть войдет, как главный судия,
Чтоб подписью скрепить
Страницы приговора.

3

Пройдут десятки лет. В музейный
светлый зал
Когда-нибудь войдут счастливые внучата.
Пред ними грозный танк, траншеи,
аммонал,
Орудия, штыки, снаряды, автоматы.

Но больше, чем они,
о славе боевой,
О всем, о всем, о всем, что было пережито,
Поведает юнцам
невзрачный и простой
Рябой осколок серого гранита.

1944

Я БРАЛ ПАРИЖ

Я брал Париж! Я. Кровный сын России.
Я — Красной Армии солдат.
Поля войны — свидетели прямые —
Перед веками это подтвердят.

Я брал Париж. И в этом нету чуда!
Его твердыни были мне сданы!
Я брал Париж издалека. Отсюда.
На всех фронтах родной моей страны.

Нигде б
никто
не вынес то, что было!
Мечом священным яростно рубя,
Весь, весь напор безумной вражьей силы
Я принимал
три года
на себя.

Спасли весь мир знамена русской славы!
На запад пяля мертвые белки,
Успели сгнить от Волги до Варшавы
Фашистских армий лучшие полки.

Ряды врагов редели на Ла-Манше.
От стен Парижа снятые войска
Пришли сюда
сменить убитых раньше,
Чтоб пасть самим от русского штыка.

Тех, кто ушел,
никем не заменили,
А тех, кто пал,
ничем не воскресишь!
Так, не пройдя по Франции ни мили,
Я проложил
дорогу на Париж.

Я отворял парижские заставы
В боях за Днепр, за Яссы, Измаил.
Я в Монпарнас
вторгался у Митавы.
Я в Пантеон
из Жешува входил.

Я шел вперед сквозь битвы грохот адов,
И мой удар во фронт фашистских орд,
Мой грозный шаг
и гул моих снарядов
Преображали Пляс де ля Конкорд!

И тем я горд,
что в годы грозовые
Мы золотую Францию спасли,
Что брал Париж любой солдат России,
Как честный рыцарь счастья всей земли.

Во все века грядущей светлой жизни,
Когда об этих днях заговоришь,
Могу сказать я
миру и отчизне:
— Я брал Париж!

1944

СИЛЬНЕЕ АТОМНОЙ БОМБЫ

Послушайте!
Вы!
Господин Уолл-стрит,
Хозяин
хиреющих сити!
Всему, что работает,
мыслит,
творит,
Вы атомной бомбой
грозите.

Не спорю:
она и мощна и страшна.
Но вряд ли
вы верите сами,
Что вам
монопольно
возможность дана
Владычить
ее чудесами.
А если и впрямь
вы живете в плену
Подобной
нелепой надежды,—
Ну что ж?
Утешайтесь!
Не буду в вину
Вам ставить
надежду невежды.
Но вами
напрасно
смешной анекдот
Придуман
глупцам в утешенье,
Что будто бы
атомной бомбы полет
Решает
судьбу столкновенья.

Вы зря,
Уолл-стрит,
говорите о ней
С рекламным,
хвастливым апломбом.
Есть силы на свете,
что много сильней
Урановой
атомной бомбы!

Попробуйте мыслить.
Взгляните вокруг!
Вздымаясь,
как светлое пламя,
Грозят
миллионы
мозолистых рук
Войне,
затеваемой вами.
Как пламя, пылают
глаза матерей,
Встающих
на битву с войною;
Их ярость
охватит всю землю
быстрей,
Чем можно спалить
сантиметр полей
Урановой бомбы
волною.

Как пламя, пылают
людские сердца.
В них ненависть
вы раскалили!
Не видно предела,
не будет конца
Их взрывчатой
солнечной силе.
И если б
та сила
взорвалась вкруг вас,

Объемля
несчетные страны,
Поверьте,
что вам не помог бы
запас
Накопленных сгустков
урана!

Огонь бы взметнулся,
как смерч налетев,
И вас поглотил
целиком бы.
Народов земли
титанический гнев
Сильнее
атомной бомбы!

Но это не всё.
Побеждает века,
Сердца,
и пространства,
и вещи
Та сила,
которая так велика,
Что нам ее
сравнивать не с чем.

Сады коммунизма
уже зацвели
Под солнцем
советской власти!
Счастливою стала
шестая земли —
Всемирная
родина счастья.
Тот правильный мир,
что в мечте и во сне
Вставал, как мираж,
над веками,
Трудящийся может
в Советской стране
Увидеть
своими глазами.

А там,
где владычите вы,
лиходей,—
Душа
грабежа и насилий,—
Живут в нищете
миллионы людей,
Чтоб сотни
в роскошестве жили.

Повсюду, где вы
захватили бразды,
Всю жизнь
затянули тенета
Обмана и горя,
нужды и вражды,
Злодейства,
бесправья и гнета.

Вы держите,
к власти над миром стремясь,
Все виды смертей
наготове.
Все ваши дела —
это кровь или грязь.
Иль грязь,
обагренная кровью.

Вы — рветесь к войне.
Мы — упрочили мир.
Вы строите
планы наживы,
А мы —
города,
миллионы квартир,
Возводим
лесные массивы,
И нечего вам,
господин Уолл-стрит,
Пенять
громовыми словами
На то,
что повсюду
под вами горит

Земля,
оскверненная вами,
На то,
что трудящийся мира
не слеп
И хочет он,
крылья расправя,
Иметь вековечно
свободу и хлеб
Взамен
нищеты и бесправья!

Грядущую гибель
почуяли вы —
И гибель
в недолгие годы...
Ну что ж?
Вы, по-моему,
в этом правы.
Но в ней
обвиняйте
не руку Москвы,
А силу
законов природы,
Гласящих,
что путь ваш
исчерпан давно
И вызрело
время такое,
Когда человечество
сбросить должно
Оковы
прогнившего строя.

Вы миру мешаете жить и цвести,
И гнев
нарастает все шире.
Ведут к коммунизму
все пути
В окрепшем
сегодняшнем мире,
И вам не помогут
ни бомбы,
ни кнут,

Ни пактов иных
катакомбы...

Та правда,
что в мир
коммунисты несут,
Сильнее
атомной бомбы!

1949

НОЧЛЕГ 1919 ГОДА

Знойная ночь.
Душная ночь.
Спать невмочь.
И не спать невмочь.

Тихая песня
В саду слышна.
Песня задумчива.
Песня нежна.
Песня нежна.
Песня грустна.
Песня грустна.
Тяжесть грузна.
Тяжесть грузна.
Опасность грозна.
Дни без сна.
Ночи без сна.

Выстрел вдали.
Голос вблизи:
— В оба гляди!
В сердце рази!
Тихо вблизи.
Топот вдали.
Чоновцы наши
На обыск пошли.
Панику прочь
и беспечность прочь!
Грозная ночь.
Обычная ночь.

...Спи, дитя мое, усни,
Сладкий сон к себе мани.
В няньки жизнь тебе дала
Ветер, солнце и орла.
Солнце скрылось за горой,
Встал орел в рабочий строй,
Ветер ходит по полям,

Бьет смерчом в лицо врагам,
На коне в атаку мчится,
На биплане рвется ввысь...
Спи, студент, покуда спится,
Ты без няньки обойдись.
Обижаться нам негоже!
Ты нашел себе в углу
Замечательное ложе
Возле шкафа на полу.
В изголовье той постели
Энгельс, Пушкин, Гоголь, Кант.
Две измятые шинели
Одолжил нам комендант.
Отдал я тебе по-братски
Ту, которая длинней,
Показав прием солдатский,
Как устроиться на ней.
Ты, дитя, тайком вздыхая,
Разостлал свою шинель.
Получилась неплохая
Персональная постель!
Вот удобство мировое!
Гладь шинельного сукна
У тебя под головою,
НА тебе и ПОД тобою,
А шинель всего одна!
В мире есть постели краше?
Ну так что же! Грех роптать,
Коль должны девчата наши
На столе в обнимку спать.
Мы кровать такого склада
Не внедрим в советский быт,
Но она — уж если надо! —
Никогда не устрашит
Тех, кто радости желает
Всем — не только лишь себе,
Кто дорогу пробивает
Золотой людской судьбе!
Комсомолец — воин власти,
Утверждающей в веках
Мир свободы, царство счастья,
Песен солнечный размах,
Всей вселенной все богатства,
Все, что создал человек,
Хочет он отдать навек

Человеческому братству,
Чтоб нужды на всей Земле,
Чтобы гнета на Земле,
Чтобы горя на Земле
Вовсе не было в помине!..
Он и спит по сей причине
На морозе, как в тепле,
На столе, как на перине.

1963

РОДИНА СЧАСТЬЯ

Монолог

Золотому юбилею Советской Родины посвящается.

Я стою на башне Кремля.
Мне отсюда видна
Вся родная земля,
Вся страна...

Сердце мое полно радостью.

Я видел Россию, какой она была пятьдесят лет назад. Я видел ее шестьдесят лет назад. А сейчас передо мною сегодняшний, пятидесятый юбилейный день моего социалистического Отечества.

Мне очень весело. Я протягиваю руки навстречу солнцу советского рабочего дня и говорю:

— Дорогая товарищ Техника, созданная нами, помогающая нам! Дорогие товарищи Автомобили, Комбайны, Экскаваторы, Турбины, Поезда Метро, Синхрофазотрон, Троллейбусы, глобальные и неглобальные Ракеты, сонмы Машин, атомные богатыри, Самолеты-малыши, Самолеты-гиганты, Самолеты с обычными крыльями и с крыльями изменяющейся геометрии, Электровозы железных дорог, Спутники Земли и Космические Корабли! Полвека Советской власти это и Ваше торжество — торжество победы непрерывного могучего прогресса над былой вековой отсталостью, победы ума и света над неразумием и тьмой. Вас по заслугам чествуют в юбилейные дни. Но ни Вы, ни люди, создавшие Вас, не позабудут в эти дни отдать салют Вашим предшественникам,— как бы они ни были примитивны,— не позабудут выразить уважение им, честным труженикам России.

Товарищ Трактор!
    Взгляни на пашню,
На ниву колхозную,
    ниву труда.
Давай-ка припомним
    наш день вчерашний,
Которого ты
    не видал никогда.
Как друг и помощник
    голодных и босых
Могучих людей
    трудового села,
Соха
    на мильонах
        крестьянских полосок
Полвека назад
    властелином была.
Мизе́рна
    ее деревянная сила,
Невзрачен
    ее незатейливый вид,
Но честно соха
    всю Россию кормила,
Хоть не был
    сам пахарь
        от этого сыт.
Сегодня соха
    поселилась в музее,
Но мы,
    Советляне,
        забыть не должны
Все то, что хорошего
    сделано ею
Для нашей любимой
    великой страны.
. . . .

Наш друг Экскаватор!
    Взгляни на лопату,
Что рядом с тобою
    проста и мала.
Почти однолично
    лопата когда-то
В стране землеройным орудьем
                    была.

Она и сегодня
не вышла из строя
Домашнего быта
и мелких работ.
Лопату страна,—
созидая и строя,—
Повсюду почти
заменила тобою,
Но ты
за геройство ее трудовое
Воздать ей обязан
и честь и почет.

. . . .

Машин кибернетики
дивное диво!
Взгляни
на когдатошний
хилый станок.
Он выглядит нынче
не очень красиво,
Но был он ретивым
и делал, что мог.
Он тоже
в музее
навек поселился.
Но все мы,
увидя такой экспонат,
С почтеньем глядим
на того, кто трудился
На наших заводах
полвека назад.

. . . .

Творя
в наши дни
чудеса мировые,
Мы ценим всегда,
уважаем и чтим
Все то, что в столетьях служило России
Трудом и умом
иль дерзаньем своим.
И радостно нам,
что всего за полвека
Мы нашу страну
переделать смогли,

Да так,
что счастливый удел человека
Является
явью Советской земли.
Нам любо,
что словом
и песнею звонкой
Мы сравнивать вправе
в Отчизне родной
Космический лайнер
с давнишнею конкой,
Троллейбусы наши
с пролеткой былой.
Мы сравнивать вправе
с Россией неволи,
С Россией полосок,
мотыг и лопат,
С Россией лучины,
сохи и трехполья,
Соломенных крыш
и безрадостных хат —
Несчетность заводов,
дороги литые,
Электрогромад
грандиозный каскад,
Взнесенные нами
кварталы жилые,
Просторы пустынь,
превращенные в сад,
Всех клубов и школ
этажи молодые,
Мартенов и домен
огромный отряд —
Ну, словом,
сегодняшний облик
России
С обличьем России
полвека назад.

Мы многое сделали
за полстолетья.
Свободен и счастлив у нас
человек.
Мы первыми в мире,
впервые на свете,

Под Ленинским стягом,
на радость планете
Буржуйское иго
низвергли навек.
Земля, и леса,
и заводы, и воды,
Любая победа
и каждый успех
В Советской России —
богатство народа,
Сберкнижка для всех,
достояние всех.
И люди
мощнейшей на свете державы
Все силы и разум,
всю волю и страсть
Любовно вложили
в свой труд величавый...

Свершила все это —
Советская власть!

. . . .

Лежит сегодня перед нами
Простор дальнейшего пути.
Нам надо Ленинское знамя
До коммунизма донести.
Ну что ж? Вперед, страна родная,
Вперед, Отчизна Октября,
Все так же время обгоняя,
Все так же чудеса творя!
Пути к победе нам знакомы.
Я в юбилей страны родной
Кричу товарищу любому,
Что рядом трудится со мной:
— Товарищ! Мир людского счастья,
Каким ты насладишься всласть,
Живет в руках Советской власти.
А что такое эта власть?

Советская власть —
это власть
твоя.
Советская власть —
это ты и я.

Советская власть —
    это сила масс.
Советская власть —
    это разум масс.
Советская власть —
    это воля масс.
Советская власть —
    это творчество масс.

Советская власть —
    это каждый из нас.

Для великой творческой работы под Ленинскими знаменами во втором полустолетии Советской отчизны — РУКУ, ТОВАРИЩ!

Ноябрь 1967 г.

НА ТОМ СТОИМ

> Мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации на чистоту.
>
> *Ленин В. И., т. 43, с. 58.*

Нам правда не страшна.
Мы сдюжили такое,
Чего другим не одолеть вовек.
А коммунист —
такой уж человек,
Что он не любит зряшного покоя.
Мы столько делаем хорошего для всех,
Что нам нельзя,
мы не имеем права
Скрывать ошибку, неполадку, грех,
Собой пятнающие солнце нашей славы.
Нам нужно знать о всем,
чтоб в яростной борьбе
Не допускать ни промаха, ни фальши.
Опасней нет пути,
чем лгать самим себе:
Плохого не избыв, трудней шагать нам дальше.
В стране, что с каждым днем становится мощней,
Где миллионы рук сплели свои усилья,
Где люди обрели космические крылья,—
Счастливый мир труда,
мир братства всех людей
Стал ленинской, земною, зримой былью.
Те тысячи чудес, что смог народ свершить,
Превыше и прочней всех мировых рекордов.
О том, что есть у нас, мы можем говорить
С глубокой радостью, спокойно, просто, гордо.
Нам, право, ни к чему ни спесь, ни хвастовство.
Страсть позолачивать плохое неуместна.
Нам приукрашивать не надо ничего,
Всю правду обо всем выкладывая честно.
Мы не боимся никаких преград.
Нас не сломить врагам, дельцам, пролазам.
Лишь был бы зорким
наш партийный взгляд,

Лишь был бы ясным
    наш партийный разум.
Построит коммунизм родимая страна.
Наш путь великий прям и неизменен.
Мы зорки. Мы сильны. Нам правда не страшна.
На том стоим мы.
    Так учил нас
        Ленин!

1967

СТО МИЛЛИОНОВ

1

Детство,
детство мое золотое!
Неприглядная,
трудная быль...

Крепко-крепко
дружил я с тобою,
Керосиновой лампы фитиль!
Ты давал мне
лишь крохотку света,
Но, за книгами сидя,
я смог
Обойти всю страну,
всю планету
По тропинкам и мостикам строк.
Не забыть мне
о ссорах и спорах
С экономною мамой моей:
— Керосин,
понимаешь ли,
дорог...
Ты читать до рассвета
не смей...

Мне давали чуток керосина,
Но ведь все-таки был я богат!
Понимал я, что в эти годины
На просторах России горят
Лишь коптилки, а то и лучины
В миллионах крестьянских хат.

Был дружок мой
внезапно погашен
Через несколько тягостных лет,
Чуть в губернском городе нашем
Родился
электрический свет.

В города и заводы большие
Этот свет
понемногу проник,
Но, как прежде,
в селеньях России
Зажигались лишь лампы слепые
Да коптилки, лампады, ночник.
И зазря —
понимать не желая,
Что такой результат маловат,—
Похвалялась
Россия былая
Миллионом своих киловатт.

2

Я сегодня
иду по дорогам страны,
Самой лучшей и радостной в мире.
Мне турбины Каширы видны
И турбины Шатуры и Свири.
Зачинателям наших чудес
Я, привет посылая по-братски,
Улыбаюсь... Ведь стал Днепрогэс
Малышом перед станцией в Братске!
Вот Нурек, Бухтарма, Волгоград,
Дивногорской плотины высоты...
Всех гигантов назвать бы я рад,
Но куда там! Собьешься со счета!
Проложили мы трассы до звезд.
Чудеса нам сегодня в привычку!
До Иркутска на тысячи верст
От столицы идет электричка!
Исчезает и сходит на нет
Быт когдатошний, злой, несуразный.
Освещает нам
Ленинский свет
Наш сегодняшний будничный праздник.
В этот праздник,
до края полны
Честной гордостью, светлой отрадой,
Рапортуют
народам страны

Электрических станций громады.
От строителей этих громад
В день,
какого не выищешь краше,
Принимает
Отечество наше
СТО МИЛЬОНОВ
КИЛОВАТТ!

1968

НАВЕЧНО ЮНЫЙ

Не старея,
он прожил на свете
Пять десятков огромных лет.
Он красавец,
и взгляд его светел,
И морщин на лице его нет.

Неуемный, напористый, страстный,
Выбирает он долей своей
То сраженье,
что всех опасней,
То заданье,
что всех трудней.

Он почета и славы достоин,
Покоритель глубин и высот.
Он строитель. Он доблестный воин.
Он как песня по жизни идет.

...На знамени его
сияют серп и молот.
Он — молодая гвардия
заводов, шахт и сел.
По-ленински един,
по-большевистски молод
Пятидесятилетний Комсомол!

Октябрь 1968 г.

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ

Недавно
у внучки-малышки
со мною
Большой разговор
о минувшем зашел.
— Скажи ты мне, дедушка,
имя героя,
Что первым вступил в комсомол.—
Я тихо ответил: — Не знаю, родная,
Кому предоставить подобную честь.
В Москве, Петрограде, в Перми, в Барнауле,
В Донбассе, Одессе, Владимире, Туле
Товарищей первых
не счесть.
Не знаю, кто радостью этою взыскан
В селе, в городах, на несчетных фронтах,
Не каждый товарищ
был первым по списку,
Но каждый сражался
в первых рядах.
Всю волю и силу, все чувства и мысли
Мы все отдавали борьбе и труду.
Не каждый в ячейку
был первым зачислен,
Но каждый трудился
в первом ряду!..

1968

* * *

Бастуешь, сердце?..
                    Неужели
Ты замолчишь когда-нибудь?..

Знать, мы с тобою не сумели
Мне обеспечить долгий путь,
Без затрудненного дыханья
Меня валящего в постель,
Без принужденного молчанья
Болезнью отнятых недель.

Я жил тобой. Я стал поэтом
Огромных большевистских лет.
Я жил твоим огнем и светом.
Я не щадил тебя при этом
И не раскаиваюсь. Нет!

Но велики мои терзанья
И злость на слабость, на постель,
На затрудненное дыханье,
На принужденное молчанье
Болезнью отнятых недель.

А мне иначе жить охота.
Всю меру счастья мне дают
Вседневный поиск, смелость взлета
И непрерывная работа,
Непрекращающийся труд...

1968

НА АНГАРЕ

Посвящается днепростроевцам,
работающим на Братской ГЭС

Тяжелую руку
        сжимая по-братски
Товарищу славной минувшей поры,
Стою на плотине, воздвигнутой в Братске,
У синей, как небо, воды Ангары.
Напомнили нам
        говорливые воды,
Что в самом разгаре суровой страды
Нелегкого
        двадцать девятого года
Мы тоже стояли у синей воды
И видели первую кладку бетона,
Литые бадьи, поездов косяки,
По рельсам бегущие
        в бездне бездонной
Скалистого дна покоренной реки.

...Исчезла пред нами река Ангара.
Мы видим обрывистый берег Днепра
И грузный фундамент огромного зданья
У древней скалы, под названьем Кохання [1],
У древней скалы, где во славу труда
Горит по ночам золотая звезда.

...Над миром промчатся несчетные годы,
Но в будущем каждому вспомнится вновь,
Что путь большевистский
        в днепровские воды
Пошел от скалы,
        что зовется Любовь... [2]

Мы видим опалубок желтые горы
И толщу быков, нарастающих в них,—
Красивый, шумливый, невиданный город,
Стоящий на скалах меж стен водяных.

---

[1] Там, где плотина соединяется с электростанцией, была скала, издревле называвшаяся Кохання (Любовь).
[2] Из поэмы А. Безыменского «Трагедийная ночь» *(прим. ред.)*.

Мы видим несчетные тысячи рук
И вантовых дерриков
несколько штук.

На трактах широкой Днепровской равнины
Не часто пылят одиночки машины.
На двух берегах от зари до зари
Толпятся телеги, идут грабари,
В ладонях работников плотно зажаты
Мотыги, кирки, топоры и лопаты.
А там, в котловане могучей реки,
Такие на скалах трещат молотки,
Которые в мире лишь тем знамениты,
Что всеми давно и навеки забыты.
Снимает породы упористый слой
Один экскаватор на весь Днепрострой.
Оглохли участки от стука и звона
Старинных бурильных станков Сандерсона.
Станки слабосильны, в ходу тяжелы,
Им трудно ломать бастионы скалы...

Густою толпою
на дне котлована
Стоят лишь они — паровозные краны!
К высокому небу, гремя и гудя,
С платформы, как птица, взлетает бадья,
К опалубке мчится дорогой прямою,
Несомая крепкой железной рукою,
И льется бетон в неширокий загон,
Где ноги людей
уминают бетон.

Это не выдумка,
Это не сон,—
Люди в лаптях
Уминают бетон.
Люди в лаптях
Уминают бетон,
А все-таки песней
Весь мир напоен:

— Веселей ходи!
Подавай бадьи!
Спеши, пляши,
Не жалей души!

На тугой бочок
Подымай бычок...
Воля единая.
Тысячи рук.
Жестких дерриков
Несколько штук...

...Исчезли виденья давнишней годины.
Пред нами она —
Ангара! Ангара!
Не видно людей в котловане плотины,
Видны экскаваторы
и трактора,
Бульдозеры, буры, катки, самосвалы,
Машин безотказных густые ряды,
Чья мощь победила, смирила, сломала
Упорство земли и безумье воды.
Со дна убирая грунты и каменья,
Машины ведет человечья рука
Свободным, рассчитанным, легким
движеньем,
Нажатием кнопки, шажком рычага.
А там, на высоких путях эстакады,
Чей мост широченный машиной взнесен,
Стального портального крана громада
В чугунных ковшах подымает бетон,
Несет на быки, что растут над рекою,
И рослый бетонщик, вибратор держа,
Легко уминает умелой рукою
Густую тяжелую ношу ковша.
На берег лавиною движутся «ЯЗы».
Несчетные краны гремят и гудят.
Стоит у горы, у стены диабаза,
Гигантский машинный грабарь — земснаряд.
Он скоро вгрызется в речные глубины
И, грудью встречая ангарский поток,
До самых вершин
стометровой плотины
Подымет рассыпчатый грузный песок...
Богато живет
Река Ангара.
Бетонный завод
Я видел вчера.
Моторы свершали
Стремительный бег,

А в маленьком зале
Один человек
У пульта командовал
Всеми цехами...
Красавцы машины
Все делали сами.

Разумно живет
Река Ангара.
Я плотников здешних
Увидел вчера.
Они для работы
Несли на скалу
Электрорубанки,
Электропилу.
У многих из них
За плечами висели
Электродолбежники,
Электродрели...
Прекрасно живет
Река Ангара.
Я в Братске с людьми
Проводил вечера.
Богаты товарищи
Ширью души.
Беседы сердечны,
Умны, хороши.
Дружны эти люди,
Уютен их дом...
Но хочется мне
Говорить о другом.
Немедля увидишь,
Куда ни зайдешь,
Учебник, тетрадь,
Готовальню, чертеж.
Вечерней порой
(В облюбованный миг)
Склоняются люди
Над строчками книг,
И каждая комната
В эти минуты —
Частица
Заочного института...
Здесь царство труда,
Красоты и добра...

Красиво живет
Река Ангара!
...Стою на плотине,
простившись по-братски
С товарищем славной минувшей поры,
Мы виделись в Кичкасе,
встретились в Братске,
Шагнули с Днепра к берегам Ангары,
Мы видели трудные годы былые,
Мы видим
сегодняшний день трудовой...

Советский наш край! Дорогая Россия!
Ты к цели шагаешь дорогой прямой,
Ты счастье земное построить сумела
И бурной волною вливаешь в сердца
Ту силу,
которой не сыщешь предела,
Ту радость,
которой не будет конца...

1969

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА ЦК ВЛКСМ В ЧЕСТЬ 50-ЛЕТИЯ КОМСОМОЛА

Когда нам было всем
по восемнадцать,
А Комсомол
недавно лишь возник,
Привыкли мы
друг к другу обращаться
И весело и ласково:
«Старик!!»

Наш комсомол взрослел,
и мы взрослели,
И наконец настал
тот самый миг,
Когда мы поняли,
что в самом деле
Любой из нас
по возрасту
старик.

Но Комсомол
не постарел нимало.
Он тайну вечной юности постиг!
И пусть ему
полсотни миновало,
Никак
не назовешь его
«старик».

И вот что важно.
Если комсомолу
Необходимо нас
в свои дела вовлечь,
Мы в них включаемся —
мы,
комсомола первоселы,—
И грузный возраст
сбрасываем с плеч.

Ни грана дряхлости
у нас вы не найдете.
Шаги у нас
тверды и широки...
Мы старше Комсомола.
Но в работе
Он не старик
и мы не старики!

25 октября 1968 г.

ИЛЬИЧ НА КРАСНОЙ ПРЕСНЕ

1

Так вышло,
что даже на Красной Пресне
О случае этом не помнят сейчас.
А случай достоин
восторженной песни —
О Ленине, крепко любившем нас,
О людях труда,
о ткачихе-старухе,
О нашей стране, где чудесен народ...
В те дни
по стезе
Сыпняка и Разрухи
Голодный шагал
Восемнадцатый год.

2

Газетного репортажа несколько строчек:
«Пожеланиям краснопресненцев идя навстречу,
В Народном доме на конференции рабочей
Товарищ Ленин выступил с речью».

Был продолжительней доклада
В фойе сердечный разговор.
— Чем недовольны? Что нам надо
Исправить? Гнать? Взять под надзор?
В срок выдается ли зарплата?
Как партучеба? Чон? Ликбез?
Как ваши юноши? Девчата?
Пыл молодежный не исчез?
Над теми, кто за план в ответе,
Контроль не выпущен из рук?
Что дома? Учатся ли дети?
Чем заполняется досуг?
А что с дровами? А с базаром
Вы в зоне мира иль войны?
Как отношенье к кадрам старым?
Чем дети в яслях снабжены?

Как в цифрах выразиться может
Ваш личный месячный бюджет?
Что вас особенно тревожит?
Мне нужен лишь прямой ответ...

3

Ильич
побольше вызнать жаждал,
Когда беседовал с людьми.
Он говорил с любым из граждан
Как давний член его семьи,
Вникающий в ее заботы,
Печали, радости, мечты,
В сложнейший мир людской работы
И повседневной маеты,
Чтоб разобраться деловито
И в столкновениях идей
И в мелочах земного быта,
Что так влияют на людей.

Вопрос
о фабрике иль доме
Задав как будто на лету,
Он узнавал во всем объеме,
Как жизнь идет в любом
парткоме,
На производстве
и в быту.

4

Он к двери,
беседуя,
двигался тихо,
Людьми окруженный
со всех сторон.
И здесь-то ему
пожилая ткачиха
Отдать попыталась
земной поклон.
— Ну что Вы, товарищ?
Не надо!.. Не надо!..—
Ильич, огорченный,
промолвил не раз.

— Простите меня,
но уж очень я рада
От нашей Трехгорки
приветствовать Вас.
— А Вы о себе
расскажите мне кратко...
— Я многие годы ткачихой была.
Ушла — но вернули.
Ведь в людях нехватка!
Так быть не могло, чтобы я не пошла.
— Вы снова ткачиха?
— Нет. Так не случилось.
Пойти бригадиром в промывочный цех
Охотников мало. А я согласилась!
Работаем. Жмем. Не отстанем от всех...
— А как Вам живется?
— Не лучше, не хуже,
Чем людям. Паек-то у всех небольшой...
— А все-таки трудно?
— Живем, да не тужим!
И трудно — а дышится всей душой...

Она волновалась.
Как старый знакомый,
Стремящийся души людские постичь,
Беседовал с нею глава Совнаркома,
Тот Ленин,
что сердцем зовется
Ильич.
— Как в цехе дела?
— Ну, не так, чтобы очень,
Но мне на Трехгорке привольно сейчас.
Директор — рабочий. Начцеха — рабочий,
А Предсовнаркома
похож на вас...—
Ильич засмеялся.
— Спасибо. Спасибо.
Бесспорно похож. И при этом точь-в-точь...
А Вы откровенно сказать мне могли бы,
Не нужно ли
чем-нибудь Вам помочь?

— Есть просьба,— ткачиха ответила робко,—
Большущая просьба... Она не проста...

Первичный промыв загрязненного хлопка
В бадьях мы ведем.
В них вода... кислота...
Состав для мытья — ядовитей гадюки!
Смягчить бы его... и вода горяча...

Она подняла
изможденные руки,
Приблизила руки к лицу Ильича...
Они искорежены были жестоко
Кислотной водой,
подъяремной судьбой,
Те грубые руки,
что в жизни
до срока
Привыкли справляться
с работой любой;
Те нежные руки,
чье тихое
прикосновенье
Великую силу
давало сердцам,
Уставшему другу
несло утешенье,
Несло вдохновенье
бойцам и творцам;
Те умные руки,
что пряли и ткали,
Готовили пищу,
растили детей;
Те гордые руки,
что стяг подымали
В боях
за свободу и счастье людей;
Чудесные руки
рабочего люда,
Что жил в нищете,
бедовал в кабале,
Рабочие руки —
всесветное чудо,—
Создавшие все,
что есть на Земле.

Всю мощь этих рук,
их страданья и муки

Ильич
        доскональнейше знал,
                понимал...
Поднес он к губам
                эти славные руки
И крепко и нежно
                поцеловал.

1970

* * *

Все приближается мой смертный миг.
Придется умереть...
    Но, если мыслить здраво,
То я — поэт,
    Я — человек,
        Я — большевик,
На это не имею права.

Мне ясно видно,
    труженику-воину,
Как много в мире
Недочищено,
Недоделано,
Недостроено...

1972

ПОЭМЫ

СОЦИАЛИЗМ

Речь на IX съезде ВЛКСМ

Города. Города. Города.
Электричество. Нефть. Руда.
Ни бахвальства. Ни таинства тайн.
Экскаватор. Мотор. Комбайн.
Жесткий деррик. Турбина. Трос.
Катерпиллер. Совхоз. Колхоз.
Где ни взглянешь — в четыре пять...
Товарищи!
　　　　　　Не могу молчать.
Не могу,
　　　　　если я гляжу,
Не могу,
　　　　　если, глядя, вижу.
Не могу,
　　　　　если, видя, горю.

1

На просторы шара земного,
Где нужда и борьба сплелись,
Так недавно рванулось слово,
Светлое
　　　　слово:
Социализм.
Это слово ругали и гнали,
Это слово топтали в грязь.
Это слово на руки брали
И разглядывали
Смеясь.
Были прочны земные стены,
И ничьей не грозили судьбе
Неживые мечты Оуэна,
Сон Фурье да игрушки Кабэ.
Показалось вселенским витиям:
Слово
　　　　крошкой в руках улеглось.
Но однажды ладони земные
Это слово прожгло насквозь.
Бросив строчки томов Сен-Симона,
В жизнь ворвались чартист и Бабеф,

Ткач Силезии,
ткач из Лиона,
Как земной ощутимый гнев.
В развернувшейся схватке суровой
Не до хохота тьме мировой,
Если можно во имя слова
Камень
выворотить из мостовой.
Телеграммой грядущим наркомам
По земле, на которой дрались,
Перекатывалось громом
Яростное слово:
Социализм.
Этим словом страдали и жили,
Были словом восстанья полны.
Это слово сжигали и били
И расстреливали
У стены.
Но навстречу стихии бурливой,
Развевая повстанческий дым,
Человечище с львиною гривой
Встал и сделал то слово стальным.
Всех народов измученных ропот
В девять букв грандиознейших гроз
Он спаял. И над миром вознес,
Как науки отточенный опыт.
То, что раньше мечтою и мукой
Мы несли по застенкам лет,
Стало планом, программой, наукой
Битвы,
стройки,
восстаний, побед.
И тогда, может быть, впервые
Стало в жизни понятным для нас,
Что такое
вот мы, живые,
Мы как партия,
Мы как класс.
Пало слово мечты и молитвы,
По-иному за дело взялись!
Грозной армией ринулось в битву
Яростное
слово:
Социализм.
Это слово ковало юность

Небывалым ударом своим.
Это слово Парижской коммуной
Поднялось над землею живым.
Это слово пытали в подвале,
Рвали
        пулями «дум-дум».
Это слово стократ продавали
Бернштейн, Гомперс, Каутский, Блюм.
В этом слове гремели грозы
Красной Пресни моей страны.
Этим словом Карл и Роза
Голосовали против войны.
С этим словом гряда поколений
Крепла в битве, в тюрьме, у станка,
Чтоб родился великий Ленин —
Человек, в котором века.

Это тот, кто весь мир объемлет
Необъемлемой силой масс,
Тот, кто правду привел на землю
И заставил работать
На нас.
Все, что миру казалось нелепым
В неразгаданных буквах книг,
Мы ворочаем, строим и лепим
Каждый день, каждый час, каждый миг.
Нам, воинственным, нам, счастливым,
Под овации всех стихий
Ленин вымолвил просто и живо
Те слова, что грохочут взрывом
И читаются как стихи:

«...И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую...»

На земле, чью красу величавую
Мы стократ увеличить взялись,
Стало теплою вещною явью
Радостное слово:
Социализм.
Ой, товарищи!
Сердцу жарко.
Слово дышит, грохочет, поет.
Можно с ним
Поздороваться за руку,
Потому что слово живет.

2

Оно врывается в завод,
Оно грызет былое волком,
Оно бригадами живет
И вырастающим поселком.
Оно сбирает ржавый лом
И рукоплещет мысли меткой.
Оно грохочет чугуном
И расцветает пятилеткой.
Оно роднит село и ток,
Дает зарядку им обоим.
Оно приходит на кружок
Полюбоваться политбоем.
Оно врагов громит в упор,
Гремит в наркоминдельских грозах
И утепляет скотный двор
В животноводческих совхозах.
Оно прогулы бьет сплеча,
Водой течет к полям песчаным,
Ведет и учит избача
И жизнь вздымает встречным планом.
Оно несет в советский век
Величье стали и бетона,
Им дышит жизнь и человек —
Во имя счастья миллионов.
Оно живет! Оно живет!
И в том, что мир станков и пашен,
Земля, и шахта, и завод —
Все это
наше,
наше,
наше!

Руками партии моей
Приведена в движенье сила,
Что стала сердцем новых дней
И это слово оживила.

В городах,
все отдавших работе,
Где грядущего
нити
сплелись,
Стало явью,
и кровью,
и плотью
Радостное
слово:
Социализм.

3

Вот перед нами города,
Вот села. Разницу меж ними
Мы уничтожим навсегда
Делами,
ставшими живыми.
Там, где раньше
махновцы топали,
Там, где ветры
свой спор
вели,
Ходит медленный трактор
по полю,
Как хозяин
и вождь земли.
Пусть же небушко
злится бешено!
Революцией
нив и станков
Будет
иго погоды
повержено
И добито
на веки веков.
Племя тракторов!

Путь ваш
    не короток.
Вы не только машины
В полях,
Вы —
    живые полпреды от города,
Агитаторы,
    учителя.
Вы пройдете
    рядами бурливыми
Всю страну
    из конца в конец,
Чтоб, сметая
    межи между нивами,
Раздавить
    и межи
        меж сердец.
Мы
   все сорные травы
        вычистим!
Развевая воинственный стяг,
Мы рванемся в поля
    электричеством.
Будет смелым
    наш каждый шаг.
Мы окрепли
    колхозною новью.
Мы атакой
    в поля ворвались.
На полях
    стало плотью и кровью
Радостное
    слово:
Социализм.

4

Ой, товарищи!
    Сердцу жарко.
Слово дышит,
    грохочет,
        поет.
Можно с ним
    поздороваться
        за руку,

Потому что
слово
живет.
Оно врывается в сердца,
Людские чувства закаляет
И человека превращает
В неутомимого борца.
Оно велит надеть шинель,
Оно прикажет волей класса
Для шахты пыльного Донбасса
Покинуть мягкую постель.
Оно проснется рано-рано,
Чтоб малых подучить ребят,
А делу выполненья плана
Отдаст все тридцать шесть декад.
Оно за план пойдет стеной,
Программу выполнит до срока,
Для штурма среднего протока
Подымет мощный Днепрострой.
Оно растит иных людей,
Свои великие законы
И движет в жизни миллионы
Для дела партии своей.
Оно дает иной разбег
Всему,
что быстрит стройку века,
Творит иного человека,—
Каким быть должен
человек.

5

Города. Города. Города.
Электричество. Нефть. Руда.
Ни бахвальства. Ни таинства тайн.
Экскаватор. Мотор. Комбайн.
Жесткий деррик. Турбина. Трос.
Катерпиллер. Совхоз. Колхоз.
Что же может быть
Этого краше?
И все это —
Наше.

Все, что наше,—
Твое,
      Комсомол!
Ты подрос,
            ты окреп,
                        ты расцвел.
Ты врываешься
      в жизнь
            страны
Воплощеньем
Идущей
      весны.
Под водительством
      партии нашей
Ты ведешь за собою полки
Молодежи,
      узнавшей,
            понявшей,
Что такое
      большевики.
Рядовым
      большевистского стана
Весь ты
      в стройке своей заводской,
Чтобы стать
      и хозяином плана,
И хозяином цифры любой.
Там, где бой,
      где атаки,
                  разведки,
Там и ты,
      как боец,
            бригадир.
Ты —
      бурливая кровь пятилетки,
Переделывающей
Мир.
Ты бросаешься
      буйной лавиной
На учебные наши посты,
Чтоб с любою
      сложнейшей машиной
Разговаривать

На «ты».
По руслу
большевистского знанья,
По пути
большевистских громад
Направляешь ты
соревнованье
И потоки
ударных бригад.
На заводе,
на шахте
и в поле —
Ты везде,
где посты для бойца,
Где напор
нашей солнечной воли
Обновляет
и жизнь
и сердца.
Ты везде и всегда
нападенье,
Если даже
твой путь
каменист.
Это ты,
это ты, поколенье,
Что увидит
Коммунизм.

7

Все, что миру
казалось нелепым,
В неразгаданных
буквах
книг,
Мы ворочаем,
строим и лепим
Каждый день,
каждый час,
каждый миг.
Все твое,
все твое,
Комсомол!

Ты подрос,
ты окреп,
ты расцвел.
Ты врываешься
В жизнь
страны
Воплощеньем
Идущей
весны.
Но не все
свершено
тобою.
Ты сумей,
как сказали тебе,
Даже малое дело
любое
Воплощать
В ежедневной борьбе.
Помни:
каждое наше движенье
Миллионы врагов
стерегут.
Значит, надо
в любое мгновенье
Быть готовым
на битву
и труд.
Все для партии!
К ней!
С нею вместе!
Ей приносим мы
сердце свое.
Делом доблести,
славы и чести
Будет труд наш
во имя ее.
Комсомол!
В год невиданной схватки
Быть ударной бригадой
ты призван
Завершенья
воинственной кладки
Фундамента
Социализма.

Этот путь —
не мечта,
не подарок.
Это слово
идет
на завод,
С этим словом
Здороваются
за руку,
Потому что
слово
живет.
Большевик!
Ты наполнил нас солнцем!
Большевик!
Ты наш вождь на века!
Будет мир
боевым
комсомольцем,
Распевающим
песню
станка.
Лейся в жизнь,
животворный дождь!
Гряньте, вспышки
ликующих молний!
Расцветай,
расцветай, молодежь,
Родина моя,
Комсомол мой!
Расцветай,
чтоб дойти,
чтоб достичь,
Чтоб, утроив свой радостный натиск,
воплотить
в этом мире
наш клич:
«ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Январь 1931 г.

ПОЭМА ДНЯ

1

Утро приходит в страну окрыленным,
Бодрым, хохочущим, деловым.
Утро наполнено громом и звоном,
Утро вздымает фабричный дым,
Будит коров, тормошит пятитонки,
Гасит фонарь в переулке глухом,
Бегает с ветром лесным вперегонки,
Мчится трамваем, поет петухом,
Бродит повсюду юнцом синеглазым,
Дерзким,
        смешливым,
                щекочущим,
                        шарящим,
И миллионами рупоров разом
Гаркает:
        — С добрым утром,
        товарищи!
Бросьте постели! Немедленно слазьте!
Ждет вас работа,
                        страна,
                                Москва.
Быстро подняться, форточки настежь,
Коврики на пол
        и ать-два! —
Я просыпаюсь.
        Я очень доволен
Тем, что избавлен от власти сна.
Я просыпаюсь.
        Не оттого ли
Радостью комната всклень полна?
Я просыпаюсь.
        Туманом подернут
Утренний город,
        но весело мне,
Даже когда не найду я
        задорных
Солнечных зайчиков на стене.
Сердце и разум
        тепло и певуче

Мне возглашают великую весть:
— Если сегодня
 на небе тучи,
Солнце над нами
 все-таки есть!
Этого солнца
 нам хватит и на день,
Хватит и на год,
 на век,
 навсегда...—

Все это правда.
 Но пол прохладен
И без конца холодна вода.

Брызжется кран ледниковым приветом,
Форточка
 свежесть весны принесла...
В этой прохладе
 и в холоде этом —
Бездна веселья
 и бездна тепла.

День начинается ровно и бодро.
— Голову выше!..
 Расправьте грудь!..
Глубже дыхание!..
 Руки на бедра!..
Хватит зарядки.
 Счастливый путь!

Путь начинается радостным гудом.
День поместителен, долог, хорош.
День замечателен тем,
 что повсюду
Солнце увидишь
 и дело найдешь.

Солнце бушует во мне деловито
Натиском замыслов, резкостью чувств.
Мысли на взводе. Глазища раскрыты.
Значит, увижу,
 пойму,
 научусь,

Значит, задумаю,
значит, посмею,
Значит, создам, воплощу, сотворю,
Значит, отдам я
все то, что имею:
Мускулы, помыслы, чувства, идею,—
Все, что умею,
и все, чем горю.

Я расточителен в мыслях и чувствах!
Я расточителен в деле — втройне!
Самое высшее в мире искусство —
Это себя отдавать стране,
Жизни,
дерзаньям,
товарищам,
делу
И отдавать без остатка, вконец,
Так,
чтобы дело твое звенело
В тысячах дел,
в миллионах сердец.

Я расточителен очень.
И жаден!
Жаден я в жизни,
в труде и в борьбе.
Все, что Республикой создано за день,
Я забираю
себе.
Я не хочу,
не могу примириться
С тем, чтобы что-нибудь было чужим.
Передо мною
скупой рыцарь —
Это мальчишка,
ничтожество,
дым.
Сила моя
велика и рукаста,
Страсть грандиозна,
пронзителен взор.
Я собираю такие богатства.

Перед которыми
        деньги —
                вздор.

Мир создавался рукою моею.
Я не прошу,
Я беру,
        я велю.
Всем,
        что им создано,
                        я владею.
Все,
        что беру у него,
                        коплю.
Я воздвигаю дома и заводы,
Я проникаю в глубины вод,
Я раскрываю
        секреты природы,
Тайны земли
        и загадки высот.
Это работы невиданный вымах,
Большевиков боевые сердца,
Радости замыслов неисчислимых,
Тысячи подвигов неповторимых
И повторяемых
        без конца.
Не утаишь от меня,
        не спрячешь
Великолепия
        дел и вещей,
Мощи земли,
        молодой и горячей.
Страсти ума
        и ума страстей.
Не утаишь от меня,
        не скроешь
Даже дыхания птиц и листвы!

Каждая кроха моих сокровищ —
Непревзойденная
        песня любви.
...Песню поют за окном.

        Запевалу
Я не могу разглядеть из окна.

Песня несется напористей шквала,
Песня о Ленине, песня металла...
Кто запевала?
Должно быть, страна,
Видимо, улица,
кажется, воздух,
Может быть, трактор,
а может, гудок...

...Я прерываю свой утренний роздых.
День повелителен,
зорок и строг,
Надобно брать боевые высоты,
Делать и строить,
ломать и крушить.

Я погружаюсь в стихию работы,
Ради которой
стоит жить.

День окружает меня постепенно
Сотнями дел,
разговоров и встреч.
Необычайны
и обыкновенны
Улицы,
пашни,
дома и мартены,
Солнце и дождь,
и людская речь.
Мир осязаем,
и вещи весомы,
Руки теплы,
и простор обозрим.

Только я вижу теперь
по-иному
И по-иному
люблю
и любим!

Счастлив я красками
пальмы и льдины,
Пóля,
зари,
человеческих слов,

Музыкой ветра,
волны и машины,
Пением домен
и соловьев.

Наша земля
хороша и богата.
Дорог мне облик
земной красоты,
Шорохи сада,
цветенье заката,
Море и воздух,
леса и цветы.
Но к слепоте
никогда не приводит
Этой любви
величавый размах.
Я обожаю
цветы на заводе
И ненавижу
цветы в хлебах.

Я не могу
любоваться межою,
Ходом сохи,
перезвонами кос.
Если пороги
владеют рекою,
Я бы их вырвал,
взорвал или снес.
Вдвое красивее
ширь водопада,
Если турбину
ведет водопад.
Сердце взволновано,
сердце радо,
Если пустырь
превращают в сад.
Я обхожу котлован Днепростроя,
В шахту метро опускаюсь не раз.
Грохот машин оглушает порою,
Яростен мусор,
назойлива грязь,
Но до чего же
красиво все это

И до чего
некрасив и жесток
Отблеск зари
или лунного света
В лужах
кривых
немощеных дорог!

Сила земная
и счастье земное
С жизнью и волей моею слиты.
Вместе с землей
изменяются мною
Мера
и облик
земной красоты.
Сердце охвачено
страстным порывом
Сделать весь мир
до конца молодым!
Вижу все лучшее в мире —
красивым,
Вижу красивое в мире —
моим.

Стала земля
ощутимее,
ближе.
Стал я владыкой земли
Наяву...
Я по-иному
вселенную вижу
И по-иному
люблю и живу.

Любо и радостно
жить и творить мне
В гуще борьбы
большевистского дня.
Мира и жизни любое событье
Тесно касается
И меня.

Где-то задержка в весеннем севе.
Бьются бойцы Астурийских гор,

В Горловке садят цветы и деревья,
Дмитрова судят — а он прокурор.
Мало дождей,
        забастовка в Калькутте,
В Кытме купить самолет решено,
Атом расщеплен, Саар на распутье,
Строят в Клинцах звуковое кино,
Цифры удоя и выплавка стали,
Качество ситца, посев ячменя,
Домны Кузнецка, в Керчи, на Урале —

Это касается
        и меня.

Я обхожу города и деревни,
Вижу я улицы, тропы, дома.
Если жуки повредили деревья,
Борозды мелки, на площади тьма,
Если разорван костюм трактористки,
Избы малы, поврежден тротуар,
Стены облуплены, здания низки,
Молод автобус, но обликом стар,
Если забор наклонился зловеще,
В клубе села не хватает огня,
Если взывают о помощи вещи —

Это касается
        и меня.

Каждый из тех,
        кто работает рядом
Или вдали,
        но для цели одной,
Дорог мне опытом,
        дорог мне взглядом,
Дорог мне жизнью,
        огромной, родной.
Кровно близка мне
        работа любого,
Замыслы,
        радость,
                печаль,
                        торжество,
Каждое дело
        и каждое слово
Неповторимого сердца его.

Дороги мне
и беседы и встречи
С теми,
кто мне
по работе родня.

Мысли, сердца и глаза человечьи —
Это касается
и меня.
Любо и радостно
жить и творить мне
Вместе с людьми
большевистского дня.
Люди, вселенная, вещи, событья
Тесно касаются
и меня.
Силы растут,
горизонты все шире,
Я создаю,
я борюсь,
я учусь...
Вот почему
я живу в этом мире
Всей полнотой
человеческих чувств.

В каждом дыхании,
в каждом движенье
Жизни,
гремящей в труде и в бою,
Я ощущаю свое сердцебиенье,
Я узнаю боевое горенье,
Радость и горе,
любовь и презренье,
Ненависть,
гордость
и нежность мою.

Чувства такие
как будто знакомы.
Старыми выглядят
их имена...
Бросьте!
Живут они
в нас
по-иному!

Сердце иное
дала им страна!

Ленинский голос
я слышу, ликуя:
— Рушь!
Воздвигай!
Наслаждайся!
Живи! —
Знамя
и путь большевистский
люблю я,
Новое строя,
старье атакуя
И ненавидя
во имя любви.
Значит, и радости
стали иными,
Горе иным
и презренье не тем.
Чувства,
носящие старое имя,
Стали другими,
другими совсем.
Так величаво
людьми не владели
Гнев,
огорченье,
восторг,
торжество...

Полностью отданы
ленинским целям
Годы борьбы
и труда моего!
Значит, размах
стародавних героев
Перед нашим
ничтожен и пуст.
Вместе с землей
изменяется мною
Облик
и суть
человеческих чувств.

Чувства-гаденыши,
чувства-бандиты,
Чувства-стяжатели,
чувства-скопцы
Нами разгромлены,
частью убиты
И похоронены,
как мертвецы.

Мы не устанем
орудьями грохать,
Мы не устанем
развеивать в прах
Зависть и злость,
себялюбье и похоть,
Жадность и ложь,
подхалимство и страх.

Чувства-враги
убиваются нами,
Чувства-друзья
обновляются вновь.
Социализм
подымают, как знамя,
Ненависть наша
и наша любовь!
Силы растут,
горизонты все шире,
Я создаю,
я борюсь,
я учусь...

Вот почему
я живу в этом мире
Всей полнотой
человеческих чувств.
Слава тебе,
большевистское племя,
Радостный труд городов,
деревень!
Отдано мне
их могучее время,
Я отдаю им
свой радостный день.

...День превращается
в трепетный вечер.
Вечер наплывом
вливается в ночь.
Дело исчерпано.
Кончены встречи.
Надо заснуть,
а вот это
невмочь.
Жалко уйти от работы и битвы,
Жаль опуститься в безделье и тьму...
Ладно!
Мы солнцем своим не забыты.
Будут и завтра глазища раскрыты,
Значит, увижу,
пойму и возьму,
Значит, задумаю,
значит, посмею,
Значит, создам,
воплощу,
сотворю,
Значит, отдам я
все то, что имею:
Мускулы, помыслы, чувства, идею,
Все, что умею,
и все, чем горю.

Сердце могучее
завтра проснется,
Будет любить,
ненавидеть вновь,
Жить,
побеждать,
добиваться,
бороться...
. . . .

2

Так
понимаю я
любовь.

1935

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КУЗНЕЦ

Предисловие

Происшествие, описанное в этой повести, основано на истине. Всенародную казнь бронзового пешехода автор видел своими глазами. Эта казнь запечатлена на фотографиях, предоставленных автору Всеукраинским фотокиноархивом. Автор лично был в числе тех, кто повесил памятник Столыпину. Подробности подавления одного из крестьянских восстаний весны 1907 года взяты из многочисленных материалов киевского областного архива.

Часть первая

Они ворвались на рассвете
В полудремотное село.

Бряцали сабли, выли дети,
Привычно взвизгивали плети,
Звенело хрупкое стекло,
Была копытами изрыта
Кривая улица села,
И глухо падали тела
Под лошадиные копыта.
К большому дому старшины
Штыки мучителей страны
Сгоняли пасынков России.
Полуодетые, босые,
Угрюмо думая о том,
Что сгинут в пытках и мученьях,
Они стояли на коленях
В грязи, подернутой ледком.

К рядам телег
                    из каждой хаты
Несли жандармы и солдаты
Шкафы, диваны, зеркала,
Картины, крышку от рояля,
Ковры, меха, цветные шали,
Куски огромного стола,
Шелка портьер...
                    И сам помещик,

Сухой высокий человек,
Стоял со списком у телег,
Сердито проверяя вещи.

Часы бежали за часами,
Никто не смел ни сесть, ни встать.
Казак с белесыми усами
Устал нагайкою хлестать
Крестьян империи великой,
Со стоном падающих в грязь.
Он бросил плеть — и, разъярясь,
Подкалывал упавших пикой.

Но вот солдат сыграл отбой,
И на крыльце перед толпой
Явился, вслед за пышной свитой,
Кичливый, хищный, сановитый
Исправник,—
                    местный Кавеньяк,
Жестокий вестник царской мести.
Он поднял яростный кулак
И в тот же миг затопал так,
Как будто бы бежал на месте.
Он криком начал речь свою,
Собой от злобы не владея:
— Мерзавцы! Разины! Злодеи!
Убью! Скручу! Сомну! Сгною! —

Но вот исправник по-другому
Повел все тот же разговор.
Он повернулся к становому
И к офицерству золотому,
К толпе погон, кокард и шпор.
— Нам надо смуту кончить быстро.
Вот полномочье, господа.
По предписанию министра
Мы обойдемся без суда.
Кто в царской службе неусыпен,
Тот разберет, с чего начать!
Сам Петр Аркадьевич Столыпин
Сюда прикладывал печать.
Мужчин в ряды. Людей по десять.
Взять в каждой кучке одного.
Арестовать. Связать его.
И всех отобранных
                              повесить.

Заголосили мужики.
Завыли бабы и старухи,
Попадав ниц. Но были глухи
Нагайки, пики и штыки.
Немилосердными пинками
Людей заставив встать с земли,
Солдаты, звякая штыками,
Мужчин в сторонку отвели.
Но чей-то звонкий чистый голос
Внезапно бросил в дрожь солдат:
— Солдаты! Может, вашу волость
Вот так же ироды громят! —
Тогда рубнул остервенело
Кривою саблей эсаул,
И кровяной фонтан хлестнул
Из обезглавленного тела.

От ужаса оцепенев,
Толпа замолкла.
                    Лютый гнев,
Тоску, и боль, и жажду мщенья
За все обиды и мученья
Тугим узлом соединив,
В атаку ринулось молчанье,
Молчанье,
            злое, как рычанье,
Молчанье,
            страшное, как взрыв.
Оно разрозненных сплотило,
Оно взвинтило храбреца,
Оно вернуло слабым силу
И оробевшим пыл бойца.
Оно настолько было дико,
Настолько с жизнью шло не в лад,
Что офицеров и солдат
Перепугало больше крика.
Солдаты встали в полукруг,
Нестройно взяв на изготовку.
Молчанье каждую винтовку
Почти что вырвало из рук.
Толпа молчала. Лица подняв,
Молчала даже детвора.
      Так стали взрослыми сегодня
      Детьми уснувшие вчера.
Молчали все односельчане

Своим насильникам в ответ,
И прозвучали в том молчанье
Проклятье, клятва
и завет.
...Снеся ружья удар жестокий
Да плети огненный ожог,
Стоял в толпе зеленоокий
Двадцатилетний паренек.
Он думал в злобе и печали,
Что покарала их судьба
За то, что обществом решали
Не выходить на отруба,
За то, что тщательно
все вместе
Громили графское поместье
И освящали всей толпой
Луга, леса и водопой.
Он тут же вспомнил, чуть
не плача,
Пример поддубовской удачи,
Когда казачий эскадрон
В глухую ночь, в селе Поддубье,
С налету наскочил на зубья
Ста перевернутых борон.
Он не был выбран из десятка,
Чтоб стать ответчиком за всех.
Он не слыхал команды краткой,
Когда, избив, связали «тех»...
В кольце штыков он шел со всеми
Туда, к высокому холму,
Где было радостно ему
Играть в лапту в былое время.
А на холме теперь стоят
Семнадцать виселиц подряд.
В глазах усталых тьма густела.
Он шел с поникшей головой.
А где-то рядом
то и дело
Кричал и злился становой.
Он говорил, что слишком мало
Гуляла хлещущая плеть;
Что в эти годы не пристало
Пеньковых галстуков[1] жалеть;

[1] Пеньковый галстук (или столыпинский галстук) — так в народе назывались виселицы.

Что надо сжечь ряды хибарок,
Что счет сегодняшний неплох,
Но он столыпинский подарок
Вручал бы трем из четырех...
И на лужайке, рядом с пашней,
Увидел согнанный народ
Семнадцать входов смерти страшной,
Семнадцать дарственных ворот.
О, бег минут неумолимых!
Когда хорунжий даст свисток,
У всех семнадцати казнимых
Подмостки выбьют из-под ног.

Свисток раздался.
                                        Громкий голос
Тоскливо вскрикнул: — Мужики! —
Тогда молчанье раскололось
И разлетелось на куски.
Такого крика, воя, плача
Еще не слышала земля.
И встала в строй орда казачья,
Кривые сабли оголя.
И вдруг
                дорогою прямою
К воротам смерти —
                                        нем и строг —
Прошел с протянутой рукою
Русоволосый паренек.
Его глаза налились кровью,
Он стал белее мертвеца,
Когда увидел
                                с небом вровень
Лицо отца — его отца!
Земля пропала под ногами.
Пропало все: и боль и гнев.
Он крепкий столб обвил руками
И сполз к земле окаменев.
Казак свирепый,— страж законов,—
С оружьем бросился к нему,
Но поглядел в глаза ему
И отошел,
                    его не тронув.

Но чуть казак успел шагнуть,
Все повернулось по-иному.

Тяжелый камень
                    становому
Был кем-то брошен прямо в грудь.
Лицо хорунжего сияло.
Клинок был тут же обнажен!
Ведь только этого сигнала
Все время ждал и жаждал он.
Команда! Залп! Казачьи кони
В людскую гущу ворвались
И за толпою понеслись
В тяжелом бешенстве погони.
Летели кони напрямую.
Свисали всадники с седла...
И даже улицы села
От них пустились врассыпную.

Спустилась ночь. Густая тьма
Заполонила ширь холма,
Где, столб рябой обвив руками,
Один остался с мертвецами
Русоволосый паренек.
Он скорбных глаз поднять не мог,
Не мог освоиться с бедою,
Оставшись в мире сиротою
И все на свете потеряв.
Опять в поместье грозный граф,
Опять в цепях село слепое,
Опять не пустят к водопою,
Опять беда со всех сторон...
И все Столыпин. Кто же он?
Должно быть, он царя главнее...

Вдруг ветер с места взял разбег,
И закачался человек
С пеньковым галстуком на шее...
Казалось, кто-то говорит,
Казалось, мертвый рвется к хатам,
А может быть, туда куда-то,
За ветром, плачущим навзрыд.
И сын его,
                    приняв решенье,
Сбежал с высокого холма.
Минуя хилые строенья,
Минуя мертвые дома,
Все проверяя взглядом зорким,

Порой легко, порой с трудом
Он пробирался по задворкам
На край села, в знакомый дом.
От нетерпенья замирая,
Вошел он в тихий темный двор...
Легко отыскан был в сарае
Надежно спрятанный топор!
Скорей напрячься, что есть силы!
Скорей прийти туда, назад,
И дать отцу покой могилы,
Его запрятав от солдат!
Скорей бы кончилась дорога
И эта страшная гоньба!..

Он, отдышавшись понемногу,
Остановился у столба,
Стальной топор поднял с налета,
Хотел рубнуть, что было сил,
Но,
    в ту секунду вспомнив что-то,
Его тихонько опустил.
Был очень прост привет печальный.
Земной поклон...
                                прощальный взор...
Он в лес пошел,
                              к сторожке дальней,
В руках усталых сжав топор.
Утихло ветра буйство злое.
Луна плыла. Дымился лес.
Он оглядел село родное,
Луга, речушку, ширь небес,
Увидел нищенские хаты,
Знакомых уличек ходы,
Плетни, заборы и сады,
Строений жалкие заплаты
И холм высокий, где стоят
Семнадцать виселиц подряд.
Ему казалось, будто пушки
Грозят из окон всех домов.
Куда-то в сторону врагов
Глядели темные клетушки...

Назавтра
                 у лесной опушки
Был найден пристав становой
С раздробленною головой.

Часть вторая

На перекрестке трех дорог,
Размытых вешними ручьями,
Стоял с котомкой за плечами
Русоволосый паренек.
Вокруг него была Россия:
Поля... поля... и вновь поля.
Вчера прошли дожди косые,
Земную жажду утоля,
Но в этот день никто не вышел
С лукошком, ветхим дочерна,
И юный путник не услышал
Знакомых шорохов зерна.
Стоял он в скорби и тревоге,
Склонивши голову на грудь.
Пред ним простерлись три дороги,
И был опасен каждый путь.
Но даль тянула и манила,
И страха не было почти.

Влекла неведомая сила
К прямому, торному пути,
Который вел в столицу, к дяде,
К чугунке, в Питер, в города...
Не зря, как видно, ветер
сзади
Его подталкивал туда.

Пока грызут его сомненья
У перекрестка трех дорог,
Я расскажу без промедленья,
Откуда родом паренек,
Несущий тощую котомку.

Его мы будем звать — Иван.

Он был законнейшим потомком
Большой династии крестьян,
Чей род, издревле благородный,

Прославлен песнею народной
Во всех концах родной земли.
Но только мы узнать смогли,
Что та династия сомкнула
Потомство Муромца Ильи
И Селяниныча Микулы.
Детей любезных поженив,
Илья с Микулой были теми,
Кто создал кованое племя
Богатырей крестьянских нив.
Но их бесчисленные дети
В тенетах барской кабалы
Влачили долгие столетья
Бесправной жизни кандалы.
Из поколенья в поколенье
Они, поля и труд любя,
Кормили всех без исключенья —
За исключением себя.
Они в приказанные сроки
Платили подати, оброки,
Несли аренду или дань.
Своих господ, попов, монархов
Они одели в шелк и бархат,
А на себе носили рвань.
Их руки строили остроги,
Шоссе, трактиры, города,
Дворцы, железные дороги,
Форты, соборы и суда.
Плененье родины изведав,
Они частенько в нужный миг
Вздымали вилы или штык,
Ломя поляков, немцев, шведов
И рать двунадесяти язык.
Они увязывали койки
Во всех флотах страны своей.
Немало умерло на стройке
Санктпетербургских крепостей.
То без мундира, то в мундире
Пришлось походы делать им
По Туркестану и Сибири,
В Литву, Хиву, Кавказ и Крым.
Но все опять пришли уныло
К полоскам скорбных, жалких нив,
Земли в награду получив
По три аршина для могилы.

Потомки Муромца Ильи,
Назло насилью и обману,
К Иван Исаевичу[1] шли,
Бежали к Разину Степану.
Одни,— врагов своих губя,—
С Емелей Пугачевым вместе
Сжигали барские поместья,
Другие — сами жгли себя.

Штыков дрекольем не осилишь!
Крестом —
со смертью не борись!
Пытал их царь Иван Васильич,
Тянул на дыбе царь Борис,
Шляхетство Дмитрия-злодея
Живьем палило на костре,
Душили их при Алексее,
Колесовали при Петре,
Петлю из самых крепких вервий
Для них несли из края в край
Екатерина, Павел Первый,
Три Александра, Николай.
Цари менялись на престоле,
Менялась жизнь больших держав,
И вот крестьянам дали волю,
Их до конца обворовав.
Прошло почти что полстолетья,
Но были домики ветхи,
Бедны полоски, босы дети,
И счастья не было на свете
Сынам трехполья и сохи.
Тиранил их все так же рьяно
Господ безжалостный мирок...

И он же выбросил Ивана
На перекресток трех дорог.

Поправив тощую котомку,
Иван отправился в поход
И про себя,
не очень громко,
Но твердо вымолвил: — Вперед!

---

[1] Болотникову.

Вперед! —
              и вспугнутые птицы
Над ним подняли небеса.
Вперед! —
              и площади столицы
Пред ним раскрыли чудеса.
Вперед! Вперед! —
                        за счастьем пашен,
Желанным, подлинным, своим...

И путь, лежащий перед ним,
Ему нисколько не был страшен.

Пустынны площади столицы.
Ночные улицы мертвы.
Темны дома,
                    и глухо злится
Вода закованной Невы.
Мрачны лачуги и палаты,
Мутна стена осенней тьмы.
Земля и небо
                    грязноваты,
Как потолок и пол
                              тюрьмы.
Тюремщик-ночь молчит жестоко,
Свои владенья обходя,
И закрывает стекла окон
Решеткой частого дождя.
Цепями вьются мостовые
Вокруг пригнувшихся громад.
У всех домов, как часовые,
Столбы навытяжку стоят.
И выглядит весь город сирым,
Забитым, тусклым, неживым,
А ветер так свистит над миром,
Как будто стал городовым.

Был ветер взбешен и встревожен.
Он совладать никак не мог
С одним-единственным прохожим,
Что не пустился наутек
От этой непогоди адской,
От этой мертвенной тоски
И шел спокойно вдоль реки
По плитам площади Сенатской.

Прохожим этим
                         был Иван.
Уже четыре с лишним года
Былой крестьянин — сын крестьян —
Работал в кузнице завода.
Столичных будней новизна
Привычной стала для Ивана.

Он просыпался слишком рано,
Чтоб разглядеть хоть облик сна.
Он засыпал настолько поздно,
Что все казалось трудным сном...
Но мир был узнан и опознан
Назло всему, что было в нем.
Ивану помнились обновки
Санктпетербургских первых дней:
Газеты, митинги, массовки,
Полет знамен, поток людей.
На эту сутолоку глядя,
Он потерялся бы вконец,

Но тут повел Ивана
дядя,
Седой путиловский кузнец.

Я знаю твердо:
есть на свете
Людьми творимая чреда
Минут, вмещающих года,
И лет, вскрывающих столетья.
Он наступает, этот час,
Они бывают, эти годы,
В судьбе страны, в судьбе народа
И в жизни каждого из нас.
Неописуемо большие,
Они малы,
чтобы обнять
Все то, что понято впервые
И передумано опять,
Все то, что заново открыто,
Все то, что снова найдено,
Со всей землей судьбою слито
И лишь тебе иметь дано.

Иван, в раздумье погруженный,
Пустынной площадью бредя,
Забыл докучливость дождя
И ветра посвист разъяренный.
Он шел, взволнованный слегка,
И восстанавливал по звеньям
Года, вместившие века
И пролетевшие мгновеньем.

Но все события и дни
Пред ним вставали в беспорядке.
Мелькали книги и тетрадки,
Цвели заводские огни,
Слова подпольщиков звучали,
В лесу беседовал кружок,
Простерлось множество дорог
До типографии в подвале.
Он снова шел по вечерам
На Ушаковскую двенадцать[1],
В Народный дом спешил пробраться
И бой давал меньшевикам.
Перемешавшись, оживали
Десятки выполненных дел.
Сменялись мысли.
Но едва ли
Он все припомнил, что хотел...

И разве сыщешь те минуты,
Найдешь ли сразу
точный час,
Когда прорвал он в первый раз
Крестьянской скованности путы?
Найдешь ли в прошлом точный год,
Когда исчезла без остатка
Его мужицкая оглядка,—
Большой души слепой полет?
Земля по-старому знакома,
Но сердцем радостным своим
Он видит землю по-иному
И сам навеки стал иным.
Он стал наследником и сыном
Людей, стоящих за станком;
Он стал вселенной властелином
И рядовым большевиком;
Он стал прозревшим в битве зрячих,—
Прямой потомок, друг и брат
Вождей борьбы,
героев стачек

[1] Ушаковская, 12 — вечерняя школа для взрослых рабочих в Нарвском районе. Весь набор учащихся был проведен большевистской организацией. Помещение школы было центром организационной работы нарвских большевиков в 1907—1909 годах. (См. «Историю «Красного путиловца».)

И знаменосцев баррикад.
Он на земле родился снова.
Он понимал, куда идти.
Ему раскрыли путь былого,
Прочли грядущего пути...

Бывало, он домой придет,
Зажжет огонь; ему не спится,
И он шагает взад-вперед
По говорливым половицам,
Давая Ленину
                    отчет.

Он говорит о каждом цехе,
Перечисляет все бои,
Все неудачи,
                все успехи,
Мечты
        и замыслы свои.

Мигает лампочка слепая.
Сырая комната тесна.
Куда ни взглянешь — тьма густая.
Куда ни двинешься — стена.
Скрипучей крошечной дорогой
Ходить смешно и тяжело...
Но в этой комнатке убогой
Теперь просторно и светло!
Как солнце, вспыхивает слово,
На все века бросая свет.
Ильич любовно и сурово
На всё дает прямой ответ.
Ведя беседу о заводе,
О штрафах, мастере, шрифте,
Он незаметно мысль уводит
К всечеловеческой мечте,
К судьбе земли, к путям былого,
К тому, с чем связан каждый шаг,—
И по-иному видишь снова
Борьбы извилистый большак,
Событий ход необычайный,
Вещей начало и конец,
Миров невидимые тайны
И тайный мир людских сердец...
. . . .

Над ширью мерзнущей земли
Уставший ветер выл тягуче,
Но исковерканные тучи
Куда-то к северу ушли,
И серость ночи непогожей
Была теперь освещена
Овалом бледного пятна
Луны,
        продрогшей, как прохожий.

Иван капель с картуза стряс
И засмеялся. В самом деле!
Он обходил четвертый раз
Большую площадь — мимо цели.

Он прежде часто здесь бывал,
Почти всегда под воскресенье,
И пьедестал для наблюденья
Себе на ней облюбовал.
Он направлялся не впервые
Туда, где дремлет старый дом,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
И не считал большим грехом,
Когда сгустится тьма ночная,
Сидеть, куря и размышляя,
На звере мраморном верхом.

Куда спешить, сказать по чести?
Свободно время до утра!
Как хорошо с луною вместе
Узнать, что вновь на том же месте
Стоит
летящий конь Петра.
Все так же грозен Всадник Медный,
Недвижно скачущий в века.
Озарена луною бледной
Царя простертая рука...

Гигантской глыбою гранита
Лежит скала под ним.
Она
Была костьми в болото вбита,
Слезами горькими омыта,
Народной кровью скреплена.

Во все года его правленья,
В жестокий, жадный, хищный век,
По всем заводам и селеньям
Хлестал, страшнее наводненья,
Бурливый вал кровавых рек.
Он смело плыл по этим рекам
И шел по трупам напролом!..

Он был великим человеком,
Но был помещичьим царем.
Для богачей подножьем стала
Страны гранитная скала...

Но не забудутся нимало
Его победы и дела!
Он свет науки мощно двинул
В просторный дом родной страны,
Давя с жестокостью звериной
Зверье боярской старины.
Он создал город величавый,
Направив к морю гений свой.
Он сделал мощь России —
славой,

Цареву вотчину —
                    державой
И ту державу —
                    мировой.
Он правил круто и умело,
Сумев страну свою потрясть.
Как этот конь,
                    вперед летела
Его строительная страсть!
Он совершил свой путь победный.
Он с боем смог его пройти...

Но что же видит Всадник Медный
Теперь
          на пройденном пути?

Рука простерта по-былому,
И хорошо, что это так!
Великий может сделать шаг —
И он притронется к смешному!
Смешное страшно и мертво,
А два столетья — шаг немалый.
Но этот царь — ездок бывалый,
А конь вынослив у него!

Послушай, царь!
                    Не возвратится
Потухший свет былой зари!
Ты оглянись и посмотри:
На площадях твоей столицы
Застыли всадники-цари.

Но разве сила в них сокрыта?
Но разве есть в конях огонь?
Проверим строго и открыто,
Куда он скачет,
                    гордый конь,
И где опустит он копыта.
Пришла пора. Иди скорей.
Проверку можно кончить разом.
Не брезгуй, царь, моим приказом!
Не много всадников-царей.
Ты за Исакьевским собором
Из них увидишь одного.

Он ворон сам,
и черный ворон
Сидит на каске у него.
Над ним жестокость реет стягом!
Страну в казарму превратив,
Он не спешит. Он едет шагом.
Бездушный конь нетороплив!
Другой — страшнее.
У вокзала[1]
Торчит последний царь-седок.
Взгляни, Великий, на итог!
Не смерть ли рыло показала?
Ты рвался к битве и к труду,
Ты был мятущимся и юным,
А он
у мира на виду
Бездумным чучелом чугунным
Застыл, молчание храня,
И спит —
чудовищно дебелый,
В лицо Европе ошалелой
Уставив задницу коня.
На землю конь глядит убито.
Навек погас в коне огонь.
К дубовой сытости корыта
Приплелся вялый,
сонный конь
И опустил свои копыта.

Ну что, Великий? Ты сердит?
С таким далеко не уедешь?
Но где же сын его стоит,
Российский царь
и твой последыш?
Кровавый пес еще живет,
Но кто рискнет его прославить!
Кому, скажи, на ум придет
Николке памятник поставить?
Смердит дворянское житье!
Трещит помещичья Россия!

---

[1] Памятник Александру III стоял у Николаевского (ныне Московского) вокзала.

Столыпин! —
вот кто для нее
Лакей, приказчик и мессия.

Кривые руки палача,
Не столь надежные, как прежде,
Он протянул в слепой надежде
Навстречу сворам кулачья.
Он, в меру сил и разуменья,
Хотел в грядущее взглянуть!
Он указал последний путь
Своим хозяевам к спасенью!..
Столыпин в Киеве убит,
Но смерть его не охладила
Того помещичьего пыла,
Которым был он знаменит.
Он смог немногого добиться,
Но я помещиков пойму,
Когда (взамен царя-тупицы)
Они решат
в твоей столице
Поставить памятник
ему.

. . . .

Пора. Закончено свиданье.
Привет свидетелю-царю!
Я пред тобою на прощанье
С другим Петром поговорю.

— Ты умер, вешатель Столыпин,
А власть помещичья жива.
Ее мы года через два
Землей могильною засыпем.
Пусть эта власть еще сильна
(Она стреляет умирая!),
Но смерть ее предрешена.
От наших рук умрет она,
И вместе с нею
смерть вторая
Тебе, помещик, суждена.
Хитро ты выискал дорогу,
Но смерть не менее хитра.
Гнилому строю не помогут
Ни царь, ни бог, ни хутора.
Ни панихидам, ни обедням
Не сделать вновь тебя царем!..

Тот всадник
                    первым был Петром,
А будешь ты
                    Петром последним.
Ужо тебе!..

                    Шумит Нева,
И ветер взвизгивает снова...
Иван спускается с большого,
Немого, мраморного льва.

Ушел одиннадцатый год...
А в этот год казалось многим,
Что человеку нет дороги,
Что каждый заживо сгниет,
Живя вседневным прозябаньем,
Слепой, растерянный, немой,
Привыкший к жертвам и страданьям
И к безнадежности самой.
Но неизбежны в мире этом
Такие дни и времена,
Когда внезапным ярким светом
Бывает жизнь освещена,
Когда глухие слышат снова,
Когда слепые видят вновь,
Когда у каждого немого
Священный гнев рождает слово,
И это слово мстит за кровь,
За все страданья человека,
За то, что мучают народ
И царь-урод,
                    и мир-калека,
И жизнь —
              калека и урод.

...Раскаты выстрелов на Лене
В стране умолкнуть не могли.
Пошли заводы в наступленье,
Ведя трудящихся земли,
А большевик
                    повел заводы.
Великим гневом всей страны
Мгновенно были сметены
Молчанья горестные годы.
Весна взорвала грузный лед
Безмолвья, страха и терпенья,
И грозно тронулась вперед
Река народного движенья.
Но, как могла, боролась с ней
Тупая свора Николая,
Коварной хитростью своей

Себя от гибели спасая.
И эта хитрость потрясла
Завод за Нарвскою заставой,
Куда простер
орел двуглавый
Два обессиленных крыла.

. . . .

Листок, наклеенный на стену,
Оповестил кузнечный цех
О том, что завтра просят всех
Прийти во двор за час до смены.
Узнав, что этот же листок
В других цехах расклеен тоже,
Иван с друзьями был встревожен,
Но ничего узнать не мог.

И вот,
заполнив двор заводский,
Стоит огромная толпа,
А перед нею —
мир господский,
Под предводительством попа.
Господ пришло не очень много!
Пожалуй, меньше десяти.
Но рядом выросла подмога
Из тех, кто был у них в чести.
У стен часовенки старинной,
В углу заводского двора,
Застыли чопорно и чинно
Директора и мастера.
Стянув редеющие силы
Когорты рыцарей своих,
В сторонке млели воротилы
Иконостасов цеховых [1].
Они стояли наготове,
Надежно помня свой закон:
«Где запах ладана силен,
Там неизбежен запах крови...»

Не зная, что за торжество
Должно сегодня совершиться,

---

[1] В цехах крупных петербургских заводов создавались иконостасы, являвшиеся центром сплочения черносотенных сил. Деятелей цеховых иконостасов звали «лампадниками».

Народ лениво стал креститься,
Не понимая, для чего
Зеленой ломаной чертою
Столы дубовые стоят,
А старый поп кропит водою
Пустых тарелок длинный ряд.

Коротким было ожиданье.
Широкоплечий генерал
Нетерпеливо оборвал
Попа тупое бормотанье.
Он снял фуражку,
сделал шаг,
Взглянул налево и направо
И, покачнувшись величаво,
Заулыбался кое-как.
— Здорово, братцы! К вам сегодня
Мы обращаем голос свой.
Благословение господне
Над вами, люд мастеровой!
Седую голову солдата
Я обнажил сейчас не зря.
Для нас незыблемо и свято
Желанье нашего царя!
Он повелел напомнить людям
Всех городов и деревень,
Что мы вовеки не забудем
Невыразимо страшный день,
Когда, от ужаса немея,
Россия плакала навзрыд...
Ведь год назад
рукой злодея
Столыпин в Киеве убит.
Его дела и ум прославить
Я в краткой речи не берусь.
Достойный памятник поставить
Ему должна святая Русь!
Увековеченья достоин
Самодержавья верный страж,
Неутомимый божий воин
И боевой защитник наш.
Я первый радостно и смело
Кладу в тарелку сто рублей.
На это праведное дело
Своей копейки не жалей!

Подымет Русь копейки эти,
Других на подвиг позовет
И напечатает в газете
Про верноподданный завод.
Будь в царской службе неусыпен,
В молитве будь неутомим...
Учил любого быть таким
Наш Петр Аркадьевич Столыпин.
Он мил отечеству всему,
И за дела его большие
Поставит памятник ему
Вся благодарная Россия.
Он близок богу самому,
И за дела его святые
Поставит памятник ему
Вся благодарная Россия...

Многоречивый генерал,
Свои желанья подытожив,
Проникновенно повторял
На все лады одно и то же.
Он понемногу изнемог.
Сказав «Россия» раз пятнадцать,
Он стал все чаще заикаться,
Но кончить речь никак не мог...

Среди толпы на камне стоя,
Чуть возвышаясь над толпой,
Иван напряг весь разум свой
И сердце, гневом налитое.
Он видел дядю в стороне...
Нашел друзей пытливым взглядом...
Но кто ручался бы вполне
За всех людей, сто́ящих рядом?
Он видел головы вокруг,
Простые лица человечьи,
Слегка ссутуленные плечи
И сотни крепких, грубых рук.
Быть может, нынче люди эти
Сожмут неистовый кулак
И по-рабочему ответят
На все, чем клялся подлый враг...
Быть может, вздрогнувши от страха,
Они положат не спеша
На ту, фарфоровую, плаху

И стыд, и честь, и медь гроша...
Быть может, в сердце у любого
Упорство гневное растет
И порох ненависти ждет
Лишь искры пламенного слова...
Конечно, так!

Суровый день!
Ты будешь грозен и прекрасен!
Крутя веревочный ремень,
Которым был он подпоясан,
Иван его внезапно снял
И стал рассматривать неловко,
Как будто в первый раз держал
Витую крепкую веревку.

Снося покорно крик тупой,
Толпа стояла зло и вяло,
И лишь молчанье бушевало
Над неподвижною толпой.
Но дрогнули ряды немые,
Когда охрипший генерал
В последний раз пролепетал
Про благодарную Россию.
Уже спешили мастера
Обычным шагом, злым и мелким,
К большим столам среди двора,
К пустым фарфоровым тарелкам.
Уже «лампадники» пошли
Сдавать с готовностью похвальной
Вчера полученные в спальной
Чужие, легкие рубли...
Но вот, чеканно и сурово,
Какой-то голос произнес:
— Дозвольте мне задать вопрос!
Хочу и я промолвить слово!

Невольно руша тайный план
Лихих бойцов царя и бога,
Толпа раздвинулась немного,
И сразу виден стал Иван.
Издевкой речь его звучала,
И полыхающим огнем,
Как знамя яркое,
пылала
Рубаха красная на нем.

— Ты говорил сегодня, барин,
Самой России не спрося...
Ведь если я не благодарен,
Тогда Россия-то
не вся?
Всегда хлебал я щи пустые,
Но я кормлю весь белый свет.
Я победней тебя одет,
Но почему
не я — Россия?
Поставить памятник ему
Твоя Россия приказала.
И я участие приму,
Да только жаль, что денег мало.
Ты знаешь сам, что беден я.
Кошель рабочего велик ли?
Но мы давно для вас привыкли
Снимать последнее с себя!
Недавно галстук мне прислали
На радость нашему царю.
Но он сгодится мне едва ли.
Не в мерку он! —
Я без печали
Его Столыпину дарю!

И тут Иван, взмахнув рукою,
Да так, чтоб видеть все могли,
Высоко поднял над толпою
Кольцо веревочной петли.
Врагу очнуться не давая,
Иван швырнул петлю вперед,
Где подхватил ее народ,
Из ряда в ряд передавая!..
Неся подарок всей страны,—
Ко всем столам
прибойным валом
Рванулись в гневе небывалом
Плененной родины сыны.
Столы свалились друг на друга,
Тарелки хрустнули, как лед.
Смешалась в кучу от испуга
Шеренга взбешенных господ.
А старый поп,— господня сводня,—
Как будто черта видя въявь,

Отбросил крест
и руки поднял,
По-поросячьи завизжав.
И только звери черной сотни,
Узрев такую благодать,
Взвились, как псы из подворотни,
Хватать,
не зная что хватать.
Заверещал свисток условный.
Когда раскат его затих,
Во двор
из отпертой часовни
Вбежал наряд городовых.
В толпу ворвалась шашек свора
И все, имевшие «конька» [1];
Толпа была густа, крепка,—
Вперед протиснешься не скоро!
Застрять пришлось городовым.
Со всех сторон на них насели.
Глаза захлестывало им
Людей лукавое веселье.
Они с мерзавцем заодно!
За их сплоченными рядами
Мелькает красное пятно,
И почему-то не одно!
Сильней работай кулаками!
И через несколько минут
Народ увидел, что злодеи
Рубаху красную ведут,
Ударов крепких не жалея.
Суровый, точный долг бойца
Забыла красная рубаха
И, как дитя, в порыве страха
Руками скрыла часть лица.
Устав от яростной погони,
Шпиков ликующая рать
С трудом сумела оторвать
К лицу прижатые ладони.
Почти задохся генерал
В припадке злобы и печали:
Пред ним смирнехонько стоял
Совсем не тот, кого искали...

---

[1] Металлический знак с изображением Георгия Победоносца на коне. Значок черносотенного «Союза русского народа».

Остервеневшие шпики
Забрать парнишку не посмели,
Но изорвать на нем сумели
Рубаху красную в клочки.

И не узнал никто на свете,
Когда и как, назло шпикам,
Попали вдруг лоскутья эти
В цеха, к машинам и станкам.
Везде, на каждом перепутье,
Смеясь, приветствуя, грозя,
Пылали красные лоскутья,
Да там, где их достать нельзя.
И столько всюду их висело,
Как будто кто-нибудь в цехах
Сумел пустить на это дело
Полсотни пламенных рубах.
На помощь вызвав полуроту,
Рассвирепевший генерал
Цеха и склады проверял,
Везде велев закрыть ворота.
Он видел сотни острых глаз,
Он видел руки, спины, лица.
Ему невольно стало мниться,
Что он безумен.
Каждый раз,
Когда к рабочим подступал он,
Пред ним свершалось колдовство!
Из них любой — хотя бы малым —
Напоминал ему... того!
А в новой кузнице завода
Заря багровая текла
И ровным отсветом легла
На вырастающие своды,
На обнаженные тела.
И генерал увидел чудо,
Хотя не верил в мир чудес:
Рубахи красные повсюду.
Иваны все!
. . . .
Иван исчез.

Над миром, желтым от недуга,
Разгул июльской духоты.
Она к земле прижалась туго
И душит тусклые цветы.
Она покрыла пылью плотной
Худые стебли мертвых трав.
Она ползет в тиши дремотной,
Ручьи покорные сожрав.
Она дыханием тлетворным
Сжигает в поле рожь дотла
И превращает в камень черный
Стволов иссохшие тела.
Она безумствует, как вьюга,
Хотя медлительна,
густа...
Над миром, желтым от недуга,
Победно бродит духота.

Под крышу длинного перрона
За дымом, серым и густым,
Вползли визгливые вагоны,
От пыли серые, как дым.
Из всех дверей рванулись люди,
Галдя, толкаясь, торопясь,
Детей и вещи в кучу сгрудив
И переругиваясь всласть.
Водоворот шумливой свалки
Иван легко сумел минуть,
Кой-где прокладывая путь
Концом дубовой толстой палки.

Он прибыл в Киев налегке.
Скрипел баул в его руке
И звякал чайничек негромко;
Пустая, вялая котомка
Спокойно висла за спиной;
Зато с жестокостью двойной
Сварливой страсти не жалея,
Давил на плечи тучный зной
Любого груза тяжелее.

Уже второй кончался год
С тех пор, как питерский завод
С позором выгнал генерала.
Иван попал в цеха Урала,
Потом на Волгу и в Сибирь,
В лесную глушь, в степную ширь,
Спускался в шахты, лазил в горы,
Обрыскал реки и моря,
Зовя к свержению царя
Страны безмерные просторы.

Страна бурлила.
                                        Шла волна
Неисчислимых забастовок,
И всем казалось, что страна
Была к восстанию готова.
Иван узнал в пути сюда,
Что стачка лодзинцев тверда,
Что Питер строит баррикады,
Что крепко держится Баку,
Уральцы связаны с Москвою,
Везде партийцы начеку
И надо быть готовым к бою.
Хотелось двигаться быстрей,
Смелей рвануться в бой кровавый...

...Так вот он, Киев,
                                        светоч славы
И колыбель богатырей!
Так вот он,
                                песня исполина,
Крутая родина орлов,
Краса раздольной Украины
И матерь русских городов!
К его сверкающим высотам
Иван направил ум и взор,
И с каждым новым поворотом
Был грандиознее простор.
Закрыв дома броней зеленой,
Красавец-город нес вперед
Своих подъемов гордый взлет,
Свои стремительные склоны.

Спросив дорогу на Подол,
Иван, задумавшись, пошел

От пыльной оперы налево
И без особенного гнева
Глядел на пышных щеголих,
На офицерские погоны,
На вынос «явленной» иконы,
На полусонных постовых.
Глава огромного собора
И чей-то памятник вдали
Почти совсем не привлекли
Его рассеянного взора.
Чудесный Киев заслоня,
Пред ним носились вереницей
Большие площади столицы,
И три царя, и три коня...
В тиши глубокого раздумья
Он слышал смех, он слышал гул...

Иван спустился прямо к Думе
И на Крещатик повернул.
В средине площади красивой
Глядел на мир с больших высот
Огромный, бронзовый, кичливый,
Полузнакомый пешеход.
На постаменте из гранита,
Куда-то в сторону смотря,
Он наклонялся деловито,
Похожий сбоку на царя.

Ужели выказать желая
Подобострастья подлый пыл,
Кретин-помещик
Николаю
Поставить памятник решил?
Но почему в такой одежде
И свиток бронзовый в руке?
Никто царя не видел прежде
В широкополом сюртуке!
Нет, нет! Не идол обреченный!
Ведь это он!.. Удав!.. Удав!..

Иван застыл, как пригвожденный,
Петра Столыпина узнав.

— Так вот где, бронзовый убийца,
Вплотную встретиться пришлось?

Тебе, как видно, удалось
Увековеченья добиться!
Но сгинь, помещичий пророк!
Тебе твой галстук возвращу я,
Некоронованный царек
Его Величества буржуя!
Июль... Четырнадцатый год...
Мы этим годом завладели...
Отец, ты видишь? Вот он, вот!
Свои последние недели
Его Ничтожество живет!
И вдруг почудилось Ивану,
Что где-то рядом, за Днепром,
Прогрохотал желанный гром
И хлынул ливень долгожданный.
Он, торжествуя, поглядел
На зноем выжженные кручи,—
Но ливень хлынул не из тучи,
А гром не в небе прогремел.
Из-за угла толпа большая
Шагала к статуе Петра,
Просторы улиц оглашая
Нестройным, сдавленным «ура».
Над разношерстными рядами
Купцов, мещан, офицерья
Проплыл, украшенный цветами,
Портрет бесцветного царя.
Толпа у памятника встала,
И кто-то, поднятый толпой,
Кричал на вышке пьедестала,
Обняв Столыпина рукой:
— Войну сегодня объявили!
Война для русских не страшна!
Вручим себя господней силе!
Ура! Да здравствует война!
Вертясь на скользком пьедестале,
О русском знамени крича,
Купцы чиновников сменяли
И адвокат сменял врача.
Крикливый меньшевик ручался
За то, что встанет вся земля.
Он без конца единством клялся,
У ног Столыпина юля.
На губы идола литого
Коварный свет улыбкой лег...

. . . .

Иван был ночью арестован,
Попал, неузнанный, в острог
И, в тюрьмах высидев с полгода,
Был царской челядью тупой
Под стражей послан на свободу,
На фронт австрийский,
на убой.

Часть седьмая

Суровым ратником войны
Иван проделал за два года
Неисчислимые походы
Геройской армии страны.
У ней патронов не хватало,
И пулеметов, и рубах;
Ее обкрадывали с тыла
И предавали на фронтах;
Над нею, знаменем режима,
Летал фельдфебельский кулак,
Ее косил неутомимо
Незатихающий сыпняк;
Ее громили тонны стали,
Ее морили, били, жгли,
Мильярдом пуль уничтожали —
И уничтожить не смогли.

Со всеми вместе нес тяготы
Солдатской жизни трудовой
Правофланговый третьей роты
Иван — окопный рядовой.
В стенах землянок и бараков,
Где тосковала молодежь,
Он был с другими одинаков,
На всех как будто бы похож.
Но почему-то очень скоро
Он стал в среде своей родной
Врачом тоски, судьею споров,
Солдатской совестью земной.
Он мог язвительною шуткой
В минуту грусти вызвать смех.
Он мог рассеять правдой жуткой
Мираж, обманывавший всех.
В часы унылого безделья,
Когда тоске пределов нет,
Он был зачинщиком веселья
И строгих, длительных бесед.
Его понятные беседы
О каждой мелочи земной
Раскрыли цель и путь победы

Над тем, кто сделал мир тюрьмой.
Уже близка пора такая,
Когда истерзанный народ,
Свою неволю убивая,
Ружье направит на господ!
Кому свободы нет на свете,
Кому Россия дорога,
Не в подневольных должен метить,
А в настоящего врага!..

Бывало, спорили солдаты,
Но, вспоминая жизнь свою,
Свои разваленные хаты,
Свою несчастную семью,
Свою неволю, злое горе
И беспросветное житье,
Почти всегда смолкали вскоре,
Невольно трогали ружье,—
И вместе с тяжестью приклада
Сердца и пальцы людям жгла
Курка железная прохлада,
Стальная выправка ствола.
Ружье свободу принесло бы!
Дало бы землю мужику!..

Чеканный гнев
сменил тоску,
И стала ненавистью
злоба.

Шаталась царская тюрьма!..
Бурлила грозная Россия!..
Но третья жуткая зима
Была такой же, как другие.

. . . .

И ночь, и день, и ночь опять,
И завтра день начнется снова...
Близка весна — и трудно спать,
И не с кем ночью молвить слово.
Иван один. Молчит окоп.
Молчит и ночь, всему чужая.
Февральский ветер дует в лоб,
Незлобным снегом окружая.
В окоп теплынь пришла вчера.
Она, быть может, скоро схлынет,

Но хорошо бы до утра
Дышать веселием теплыни,
На время скрыться одному
В полуразрушенном окопе,
Не отгоняя только тьму
И снега ласковые хлопья.
Густая тьма лежит кругом,
Но в этой тьме живешь, как дома.
Окоп извилистый знаком,
И все кругом — давно знакомо.
Вон там — листовки нес Иван
И прятал их среди опилок.
Вот здесь — валялся капитан,
Убитый пулею в затылок.
Туда, где проволоки стык,
Брататься вышли целым взводом.
И всем солдатам, всем народам
Понятен был один язык.
Вон там сказали командиру,
Что полк в атаку не пойдет,
Что выдают им, на смех миру,
Винтовки три на каждый взвод,
Что нет патронов, нет носилок,
Снарядов, обуви, бинтов,
Что голодать любой готов,
Но дохнуть с голоду не в силах,
Что, если в полк прибудет суд
И одного хоть пальцем тронут,
В любой обойме
                        по патрону
Солдаты все-таки найдут.
А там, где стынут часовые,
Седой полковник
                        на стене
Увидел буквы грозовые:
— Долой царя! Война войне!..

Куда ни глянь — встают виденья.
Они ясны. Им нет числа.
Какая сила их несла
И где начало их движенья?
Они встают из темноты.
Они весь мир заполонили.
Они смелей любой мечты.
Они прекрасней всякой были.

Такое сниться не могло.
Оно пришло! Оно свершилось!
Прозрачно небо, как стекло.
Стена окопа расступилась.

Родная кровная страна
Пред ним раскинулась широко.
Она была ему видна
До синих гор Владивостока,
Во все концы,
во весь размах
Ее величия земного,
Ее страданья векового,
Ее бессмертия в веках.
Не подыматься ли сегодня?
Над Петербургом красный флаг!..

Иван помедлил,
руку поднял
И сделал первый
властный шаг.

Он шел, стремительный и строгий,
Прямой дорогой завладев,
Он шел —
и с ним одной дорогой
Шагали ненависть и гнев.
Призывом,
вызовом,
приказом
Гудело сердце, как набат!
Во всех окопах
встали разом
Большевики — вожди солдат.
Они сумели в миг единый
Повзводно вывести полки,
И вот солдатские штыки
Стальною ринулись лавиной
Под знамя поднятой руки!
Винтовки взяв на изготовку,
Сплотились мощные ряды.
Сыта патронами винтовка!
Обоймы полные тверды!
Но если б вдруг
в разгаре боя

Весь полк патронов был лишен,
Любой солдат
в ружье пустое
Вложил бы сердце, как патрон.
Иван идет широким шагом
Среди разгневанных солдат.
Ломая льды,
по всем оврагам
Ручьи февральские звенят.
Своих тиранов за борт бросив,
Суда срывая с якорей,
В атаку ринулись матросы
Разбушевавшихся морей.
Но раньше всех
свои колонны
Смогли заводы бросить в бой,
Ведя и строя за собой
Победоносные мильоны.
Страну путиловцы ведут,
Уральских домен горновые,
Донецких шахт бойцы седые,
Бакинских вышек черный люд.
Идут спокойно и сурово
С далеких гор, со всех равнин
Вожди несчетных забастовок,
Потомки пресненских дружин.

Иван идет широким шагом
Среди рабочих и солдат.
Ломая льды,
по всем оврагам
Ручьи свирепые гремят.
Необозримым океаном
Залив поля родной земли,
Одной дорогой с ним, Иваном,
Деревни грозные пошли.
Сегодня не было разброда
Среди бойцов бедняцких сел.
Их в битву строили заводы,
Их большевик на приступ вел,
И всей Руси стальная сила,
Сквозь пятый год в боях пройдя,
Врагов по-новому громила,
Найдя и знамя и вождя.

Иван идет. Он жаждет боя.
Войскам народным нет числа.
И отовсюду
страшным строем
Другая армия пошла.
Она ползла на деревяшках,
Она брела на костылях,
Ничем не скрыв
ожогов тяжких
И ран, полученных в боях.
Она была грозы суровей!
Взывали к мести, как приказ,
Обрубки рук,
и сгустки крови,
И белизна ослепших глаз.
Ползла громадина немая,
Полки без рук, полки без ног,—
Но каждый брел, не уставая,
И нес оружье
тот, кто мог.

Проснулся гром —
и вдруг вдали,
Где висла туча грозовая,
Шеренги виселиц пошли,
Столбами грузными шагая.
Из всех веков пришли они!
Они над миром вырастали
Везде, где землю оскверняли
Царей кровавые ступни.
Они пришли толпой сплоченной
Топтать господ на всей земле,
Когда в стране освобожденной
Повиснет вешатель в петле.
Над серой вышкой пьедестала
(Вон там, где площадь чуть видна)
Лицо Столыпина мелькало
Виденьем тягостного сна.
И надвигались на злодея
Рябые, грубые столбы
Безмолвней смерти,
тьмы грознее,
неотвратимее судьбы.

Иван рванулся к черной туче,
Загромоздившей небосклон.

Она громадиной могучей
К нему пришла со всех сторон.
Она стелилась по равнине!
Она была земли плотней!

И миллионы молний синих
Внезапно вспыхнули над ней.
Кривые сабли —
ярче молний!
Светлее солнца —
топоры!
Все так же грозен свист раздольный,
Ножи по-прежнему остры.
Блестят отточенные косы!
Наклонены трезубцы вил!
Войска бесчисленные босы,
Но кто бы их остановил?
Из тьмы веков
гигантским станом
Они пришли в страну свою,
Чтоб рядом с ним,
родным Иваном,
Свои места занять в бою.
В родные русские равнины
Пришли
освобождать раба
Плебеи,
чернь,
простолюдины,
Холопы,
смерды,
голытьба.
Идут страдальцы барской пашни,
Рабы несчетных Салтычих,
Рабочий люд Невьянской башни,
Жильцы застенков заводских.
Идут мечтанья поколений,
Не успевавшие расцвесть,
Идут — народов гордый гений,
Свободолюбье, страсть и честь.
Шагают разинцы сурово.
Летят булавинцы вперед.
Подходит плотный разворот
Несметных полчищ Пугачева.
С бойцами русскими идут

Бок о бок
дети Украины,
В плечо с татарином якут,
В плечо с таджиками грузины;
А впереди лавины всей,
Что беззаветно в битву рвется,
Ряды народных полководцев,
Гроза помещичьих царей.
С Кармелюком, любимцем славы,
Идет Арсен — кунак и брат.
Идет с Хлопушею Микава
И с Калиновским Салават.
Неся пылающие стяги,
В несметной движутся толпе
Полки Кулибиных в сермяге
И Ломоносовых в тряпье.
Сплоченный волей дерзновенной,
Преграды приступом берет
Хозяин жизни и вселенной —
Всепобеждающий народ.
Народ над миром знамя поднял,
Начав поход великий свой,
И он сметет царя сегодня,
А завтра —
весь проклятый строй.

Иван идет. Он жаждет боя.
Пред ним высокая гора,
Простор застывшего Днепра,
Красавец-город над рекою.
Иван по улицам пустым
Спешит на площадь. Злым потоком,
В молчанье, страшном и глубоком,
Россия движется за ним.
В кольце домов
у зданья Думы
Все так же в мир глядит с высот
Огромный, бронзовый, угрюмый
И ненавистный пешеход.
Несется грозная Россия.
Штыки звенят. Земля гудит.
И вот качнулись, как живые,
Литая бронза и гранит.
Рука злодея задрожала.
Петля железная кругом!

И вдруг, сорвавшись с пьедестала,
Столыпин бросился бегом,
Кидаясь в глубь страны суровой,
В лесную глушь, в степной
простор,
По плитам площади Петровой,
По закоулкам гулких гор...
Бежал всю ночь куда попало
Дрожащий, злобный истукан —
И всюду смерть его встречала,
За ним Россия грохотала,
И вел ее
кузнец Иван.

Иван очнулся.
Темноты
Не стало.
Стихла непогода.
В быль превратил его мечты
Февраль семнадцатого года.
К нему товарищи спешат.
Сияют радостные лица:
— Включиться в грозный штурм
столица
Зовет рабочих и солдат!
Восстанье начато сегодня!
Над Петербургом красный флаг!..

Иван помедлил,
руку поднял
И сделал первый
властный шаг.

Часть восьмая

С восьми часов никто не мог
Пройти на площадь возле Думы.
Был караул рабочий строг,
Солдаты вежливо-угрюмы,
И только жителям домов,
Что эту площадь окружали,
Был слышен лязг визгливой стали
И гулкий говор топоров.

Навис над Киевом весенним
Вечерний мертвенный туман.
У зданья Думы
темной тенью
Застыл на вышке Истукан.
На грузном сером пьедестале
Столыпин бронзовый стоял,
И плотно люди обступали
Его гранитный пьедестал.
...Когда над чучелом взлетели
Прямые, прочные леса,
Иван впервые за неделю
Сумел присесть на полчаса.
Он был задумчив и взволнован.
Царя проклятого смели,
Но власть врагам досталась снова —
И нет ни мира, ни земли.
Легко продолжить наступленье
И победить наверняка!
Но враг нашел себе спасенье,
В народ послав меньшевика.
Иван припомнил вражьи лица,
Испуга яростную страсть,
Припомнил бантики в петлицах,
Всегда готовые упасть...
Душили подлые кликуши
Страны воинственный порыв,
Пунцовой тряпочкой прикрыв
Свои столыпинские души...

Но страстен ленинский поход!
Не прекратится наступленье!

Не остановится в движенье
Вперед рванувшийся народ!
Он все узлы в бою развяжет,
И даже завтра,
тут,
с утра,
Судьбу врагов его покажет
Судьба последнего Петра.

...Веселый говор топора
Ивана вывел из раздумья.
Он выступал сегодня в Думе,
Ее смешно благодаря
За то, что в сроки меньше года
Назначен праздник в честь свободы
И в честь свержения царя.
Но демонстрации придется
По думской площади пройти!
Неужли город не возьмется
Убрать Столыпина с пути?
Смутилась Дума.
При подсчете
Иван глядел во все глаза.
Никто руки не поднял «против»,
Но мало рук поднялось «за».
И чтобы выполнить решенье,
Иван за дело взялся сам.

...Кипит веселое движенье
По вырастающим лесам.
Проносят бревна, цепи, доски,
Стальной мерцающий канат —
И тверже каменных оград
Стоит на каждом перекрестке
Кордон рабочих и солдат.

...Всю ночь цепями грохотали.
Всю ночь,
до самого утра,
Был слышен лязг визгливой стали
И бодрый говор топора.
Всю ночь, работу направляя,
Ходил по площади Иван...

Тихонько скрылась тьма ночная.
Уполз мечтательный туман.
Зарей раскрашивая стены,
Пришел медлительный рассвет.
Но там, где жил он столько лет,
Он не увидел перемены.

Все так же памятник стоял.
Он стал как будто больше вдвое!
Но был закрыт он с головою
Десятком серых покрывал.
Солдаты
плотными рядами
Кольцом стояли вкруг него
И наклоненными штыками
Не подпускали никого.

Пылали алые знамена.
Толпа шумливая росла.
И скоро
первая колонна
По плитам площади пошла.
Тогда, шагнувши деловито,
Иван стремительно сорвал
С лесов, таинственно закрытых,
Полотна серых покрывал.
Столыпин был на пьедестале!
Но караульными судьбы
С боков Столыпина стояли
Рябые, грубые столбы.
И перекладина большая
Все небо срезала над ним,
Сердца злодеев устрашая
Существованием своим.
На перекладине,
мертвея
Лицом, уставившимся вниз,
Цепями схваченный за шею,
Столыпин бронзовый повис.
И щит огромного плаката
Был меж столбами прикреплен.
«Твой галстук,
вешатель проклятый,
по назначенью возвращен».

Оркестры маршем прогремели.
Запел восторженный народ.
Неудержимое веселье
Лавиной хлынуло вперед.
И, знамя ленинское славя,
Среди рабочих и крестьян
Стоял Иван,
                    кузнец Иван,
Повесивший самодержавье.

Заключение

В огромной зале теснота
И напряженное вниманье.
Иван спокоен. Речь проста.
Идут к концу воспоминанья.
— Ну, мы Столыпина тогда
В соседний двор свезли — на свалку.
Прошли немалые года,
И нам металла стало жалко.

Я предложил заняться им,
Создав бригаду горсовета,
И собралась бригада эта
Под председательством моим.
Мы все обдумали в бригаде
Судьбу злодея моего,
И в тиглях грузный труп его
Похоронили бронзы ради.

Июнь 1937 — февраль 1939 г.

КРЕМЛЬ. 1918

1

Россия. Москва. Тишина кабинета.
Апрельская ночь. Восемнадцатый год.
Ложится полоска неяркого света
На пальцы, на стол, на открытый блокнот,
На груду конспектов, на книг переплеты,
На ручку, что рядом с конвертом легла,
На только что вырванный листик блокнота,
Придвинутый к самому краю стола.

Апрельская ночь. Половина второго.
Рука неподвижна. Бумага чиста.
Еще не видать ни единого слова
На узенькой белой полоске листа,
Но время давно затаило дыханье
И ждет появления первой строки,
Как солнца — земля, как солдат — приказанья,
Как пахаря — пашни, как тока — станки.

Без четверти три. Без чего-то четыре.
Белеет бумага на глади сукна.
Неистовый ветер безумствует в мире,
А в комнату эту вошла тишина,
Овеяв теплом негустые потемки,
И светлый паркет, и лепной потолок,
И кресло со спинкой из тонкой соломки,
И вытертый войлок, лежащий у ног.

Все шумы и шорохи чувствуя чутко,
Стоит тишина в карауле вон там,
У запертой двери, скрывающей будку,
Где провод прямой к городам и фронтам.

И в будке молчанье. Молчанье такое,
Как будто весь мир тишина обняла!
И, значит, ничто не мешает покою
Того, кто в раздумье сидит у стола.

Но вот он встает. Он шагает, сутулясь,
Рассеянно трогает взлетом руки
Тяжелые книги, высокие стулья,
Раскидистой пальмы тугие ростки.

Он медленно ходит в тиши кабинета
От кафельной печки до карты стенной.
Вот пальцы его за бортами жилета,
Вот скрéщены руки его за спиной.

Он замер у карты. Минута. Другая.
Пятнадцать минут. Двадцать пять. Полчаса.
Стоит он и смотрит, почти не мигая,
На пашни, деревни, заводы, леса,
И времени мнится, что солнце искрúтся
Во взоре, в котором слились до конца
И сила титана, и мудрость провидца,
И страсть человека, и воля бойца.
Вот стрелы на карте. Прямые. Косые.
Разруха. Фронты. Всенародный поход...

Россия! Россия! Россия! Россия!
Апрельская ночь.
Восемнадцатый год.

2

Угрюмы воды Баренцева моря...
Стране Советской целя прямо в лоб,
Вошли в Мурманск британский крейсер
«Глори»,
Французский крейсер «Адмирал Ооб».
Метельный шторм возник на финском фланге.
В недолгий срок огромный край отмерз.
Десант немецкий высадился в Гангё.
Белогвардейцы-финны взяли Таммерфорс.
Всю Белорусь терзают когти волчьи.
У южных нив стоит стена штыков.
Стальные орды кайзеровских полчищ
Ворвались в Харьков, Белгород и Льгов.
Со всех сторон наносит враг удары,
Чтоб старый строй воспрянул на крови.
В Батуме — штаб турецких янычаров.
Полк Денстервилла прибыл в Пехлеви.
Владивосток японцы захватили
Плечом к плечу с десантом англичан.
На поводке у этой камарильи
Опять возник Семенов атаман.
Встает Америка над фронтом силы вражьей.

Как давний шеф, снабженец и банкир
Всей интервенции, блокады, шпионажа,
Всего, что двинул на Россию старый мир.
Послы Антанты в Вологде засели
Гнездом убийц. Попробуй предскажи,
В каких местах чрез месяц иль неделю
По их указке вспыхнут мятежи!
Британский лев с германским волком в ссоре,
Но сообща на службу ими взят
Кулак и поп, Каледин, Гегечкори,
Дашнакцутюн, Петлюра, Муссават.
Хоть каждый враг свои лелеет планы,—
В одном клубке сегодня сплетены
Все главари буржуев иностранных,
Все палачи и выродки страны...

3

Итак,— кольцо. А в нем она,— Россия,—
Земной судьбы опора и броня.
А люди в ней — пока полубосые.
А в ней паек — восьмушка на два дня.
Не стало дров. На санки и подводы
Расчет плохой. С дорогами — беда.
Едва дыша, работают заводы.
Едва плетясь, уходят поезда.
В квартирах спали, платья не снимая.
Был холод лют, а печки так малы!
Пошли в огонь заборы и сараи.
Попали в печь диваны и столы.
Свиреп сыпняк. Пусты любые склады.
Война за хлеб —остра как никогда.
По всей стране кулацкая блокада
Вторым кольцом зажала города.
Не разберешь, увидя фронт звериный,
Кто в нем подлей: разруха иль войска,
Вудро Вильсон, иль Сухаревский рынок,
Иль саботаж чиновного мирка.
Да. Грозен враг. Но правде, не робея,
Глядят в глаза, чтоб выбрать путь в борьбе.
Ведь нет врага опасней и страшнее,
Чем слово лжи народу и себе!
А путь один: поднять массив народа,
Его учить хозяйствовать в стране,

Вести учет, налаживать заводы,
Работать так, чтоб все давать втройне.
Страна теперь — *Советская* Россия,
Где правят люди плуга и станка.
А с нею в жизнь
пришла такая сила,
Какой вовек не ведали века.

4

Миру не надобен взор ясновидца,
Чтобы сказать, не боясь ошибиться:
Где-то в России
В это мгновенье
Армии Красной
Пришло пополненье.
Где-то в России
В это мгновенье
Школою стало
Былое именье.
Где-то сегодня
В это мгновенье
На спекулянтов
Идут в наступленье,
И командиры
Фабричной заставы
Входят в квартиры
Чекистской облавой.
Шарь по закутам
Мечом народным!
Обувь — разутым,
Хлеб — голодным!
Где-то сегодня
Семья пролетарки
В солнечный дом
Перешла из хибарки.
Где-то сегодня
В тьмутаракани
Землю помещика
Делят крестьяне.
Бродит по жилам
Дивная сила:
Власть рабочая
Землю вручила!..

Питерцы снова
Этой ночью
Двинут в провинцию
Сотни рабочих.
В села — ижорцы,
Путиловцы — в город,
Людям помощники,
Власти опора.
Всюду сейчас
В партячейки, в Советы
Толпы людей
Пришагали с рассвета.
Этому дай
Керосин и железо,
Этому — книги
Для школы ликбеза,
Этим — оружие,
Этим — одежу,
Этому выдай
Союз молодежи.
Где-то декрета
Понять не сумели
Иль разобраться
В банковском деле.
Требуют где-то
Правил подхода
И к инженеру
И к счетоводу.
Людям нужны
Мастера многополья,
Зоркая помощь
В рабочем контроле,
Ясность дороги,
Четкость заданья,
Опыт и навык,
Уменье и знанье.
Каждый приходит
Учиться и слушать,
Силы набраться,
Выложить душу.
Все эти люди
В советской отчизне —
Воины власти,
Хозяева жизни.
...Вот из ячеек

И комнат Совета
Воины власти
Выходят с рассвета.
Всем уголкам
Необъятной России
Счастье приносят
Их руки стальные,
В трудной работе
И в пламени боя
Старое руша,
Новое строя.
Делом и волей
Мильонов несчетных
Спаян Совет
Ежечасно и плотно
С каждою улицей,
Фабрикой, домом,
С каждым трудящимся,
С каждым наркомом.
Люди труда,
Бедняки, санкюлоты,
После веков
Подневольной работы,
Гнусного гнета
И злого мытарства
Строят сегодня
Свое государство.
Люди такие
Не выронят знамя,
В мир принесенное
Большевиками!
Всё это люди
С размахом орлиным,
Острою сметкой
Да умным почином,
С ласковым сердцем
И твердой рукою,
С разумом зорким,
С красивой душою.
Неисчислимость
Талантов России
С властью советской
Вскрылила впервые.
В ней миллионы
Рукой трудовою

Правят районом,
Страною, судьбою.
Мир Прометеев,
Разбивших оковы,
Создал отечество
Счастья людского.
Сколько опоры
Любому мечтанью!
Сколько простора
Любому дерзанью!
Спаяны люди
Единым наказом:
Битве и стройке —
Все сердце и разум!
В дело родное —
Вся сила и страсть!..

Вот что такое
Советская власть.

5

Он снова шагает в тиши кабинета
То к печке остывшей, то к карте стенной.
Вот пальцы его за бортами жилета.
Вот скрéщены руки его за спиной.
Прищурясь, встречает он ласковым взглядом
Вплывающий в окна веселый рассвет.
Он долго стоит с этажеркою рядом
И смотрит на Маркса — на светлый портрет.
Как будто бы что-то сказавши портрету,
Он медленно-медленно руку свою
Кладет на тома совнаркомских декретов,
Декретов победы, добытой в бою.

6

Вспомнились комнатки дома в Симбирске.
Комнаты в Шушенском, в Лондоне, Берне,
Зори парижские, холод сибирский,
Тюрьмы и веси российских губерний.
Вспомнились дни, и рассветы, и ночи
Лет, вдохновленных могучим стремленьем
Выковать партию рати рабочей,
Двинуть рабочую рать в наступленье.

Вспомнился первый кружок в Петербурге,
Годы борьбы и упрямой заботы,
Чтоб металлисты, ткачи, металлурги
В партии стали ядром и оплотом,
Чтоб — как вожатый заводов и пашен —
Каждый партиец был в цели уверен,
Стоек, надежен, упорен, бесстрашен,
Узнан, испытан, стократно проверен.
День ото дня, человек к человеку
Собрана партия, спаяна делом.
В славные битвы двадцатого века
Шла эта партия твердо и смело
И пронесла сквозь грозу и метели
В тяжкой борьбе, в каждодневной тревоге
Знамя единственно правильной цели
Ширью единственно верной дороги.

7

Дальний гудок все призывней гудит.
Радостно дрогнуло сердце в груди.
Прошлое знай, а назад не гляди!
Главное дело — всегда впереди.

8

Ложится свет зари на карту.
Гудят гудки над всей Москвой.
...Он полон радости азарта,
Он всей душой нацелен в бой.
Он весь — напор и напряженье,
Хоть сдержан взмах его руки.
В глубоком взгляде — размышленье
И озорные огоньки.

9

Работать, драться — вот где счастье!
С программных строчечных высот
В реальный мир советской власти
Товарищ Коммунизм идет.
Приятно собственной рукою
Творить и строить каждый миг
Все то, что было лишь мечтою
Да умной мыслью в строчках книг.

Пришла пора, когда на свете
Осуществим во весь размах
Тот план, что зрел десятилетья
В конспектах, в замыслах, в статьях.
Вот необъятная Россия.
Вот цель. Вот партия. Вот власть.
Сумеют руки трудовые
Величьем стройки мир потрясть!
И пусть кругом войска вторженья,
Разруха, голод и нужда,
К несчетным подвигам свершенья
Советский строй готов всегда.
Решает он рукой державной
Лишь две задачи каждый раз:
Вон ту, что главная сейчас,
И ту, что завтра станет главной.

10

С протянутой вперед рукой
Он к карте подошел вплотную.
Он видит Русь совсем другой,
Совсем другую жизнь земную.

Пред ним большой советский мир,
Где власть — слуга и друг народа,
Где государство
командир
Над всеми силами природы.
И можно смело рвать межу,
Взрывать старье до основанья,
Все создавать по чертежу,
Для всей страны давать заданья.
Что ж? Цель ясна. Продуман путь.
Есть сила власти. Есть просторы,
Где нужно жизнь перевернуть...
Наметим точки для опоры.

11

На карту России
пальцы легли
И движутся тихо
от края до края,

Могучую силу
родимой земли
Вбирая в себя
и на бой собирая.
На карту России
пальцы легли
И движутся тихо
от края до края,
Великим просторам
советской земли
И силу свою
и тепло отдавая.

Солнце прокралось в окно кабинета,
Тронуло золотом кромку стекла,
Груду конспектов, сборник декретов,
Листик блокнота у края стола.
Снова часы прозвенели стенные.
Гул их торжествен, весел, певуч...

Движутся пальцы по карте России.
Следом за пальцами — солнечный луч.

12

И в тихой комнате Кремля
В тот миг,
что для вселенной вечен,
Была озарена земля
его улыбкой человечьей,
Когда тугие пальцы рук,
Пройдясь по карте всей России,
На ней
наметили впервые
Опорных точек точный круг.

13

Дорога от карты к столу — коротка.
Придвинуто кресло. Итак, за работу!

Открытый конверт шевельнула рука
И сразу придвинула листик блокнота.

Гудели гудки. Просыпалась Москва.
По проводу мчалась военная сводка...
Вот в эти минуты простые слова
Легли на бумаге убористо-четко:

НАБРОСОК ПЛАНА
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТ

Академии Наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил * *России, следует немедленно дать от Высшего совета народного хозяйства поручение*

образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию.

В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).

Апрель 1918 г.

---

* Надо ускорить *издание* этих материалов изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в Союз типографских рабочих, и в Комиссариат труда.

14

Он вновь задумался на миг
И улыбнулся. Есть начало!..
Пред ним огромный мир возник
И солнце будущего встало.
Нет, не сумеет вражий стан
Предотвратить свое крушенье!
Рукой рабочих и крестьян
Зажжен маяк освобожденья.

Народы в русском образце
Свое грядущее увидят.
Из плена мыслей о конце
Капитализм уже не выйдет.
Он по наклонному пути
К разверстой пропасти могилы
Приговорен судьбой ползти,
Теряя зренье, разум, силы.

Его стремительный распад
В стократ усилится сегодня.
Его устоев черный ад
Уйдет на место — в преисподню!
Он будет кровь народов лить,
Он будет яростно бороться,
Но на земле — ему не быть,
Ему — чудовищу-уродцу!

Неумолимо-грозен меч
В руках Истории. Народы
Капиталистов сбросят с плеч
Во имя мира и свободы.
У жизни — четкий, твердый шаг.
Неотвратима эта кара!
Народ всего земного шара
Победно вскинет алый стяг.
Да будет так!

Да.
Будет так.

15

В конверт положен лист блокнота —
Набросок, первая строка,
Большой замах большой работы
Большевика.
Бурлит войной, разрухой скован
Простор страны. И в этот год
Отчизне ленинское слово
Чертеж грядущего дает.
Страны сверкающие крылья
Его сквозь битвы пронесли.
Великой ленинскою былью
Он стал в делах родной земли.
Один листок. Одна страница.
Свобода. Счастье. Свет. Добро.

16

Так начал явью становиться
План ГОЭЛРО.

1950—1951 гг.

ТРАГЕДИЙНАЯ НОЧЬ

Владимиру Ильичу Ленину,
Партии Ленина,
делу Ленина,
знамени Ленина
посвящается эта поэма

ВВЕДЕНИЕ

Кружок на карте...
(Степь.
Река.
Десяток хат.)
Старинное село.
Одна из точек в плане...
Наискосок зачеркнуто названье,
А сбоку надпись:
Днепроград.

Часть первая

1

Словно боги, без тревоги
Для дороги за пороги
Тут седали на дубы
Запорожские чубы.
Любо ситцам проноситься
По загривкам Ненасытца!
А потонешь — не беда:
Понесет тебя вода
По протокам по глубоким,
То ли плешью, то ли боком,
То ли месяц, то ли год,
То ли задом наперед.
В тихий вечер с тихой речью.
Донесет тебя до Сечи
Мимо Кичкаса-села,
Где работа весела,
Мимо камня
острого
У Хортицы-
острова.

2

— Жив ли берег твой, вода?
  — Жив.
— Что ж ты слышала, вода?
  — Взрыв.
— Что не можешь ты, вода?
  — Течь.
— Что хоронишь ты, вода?
  — Сечь.
— Кто владыка твой, вода?
  — Мир труда!
— Ты довольна ли, вода?
  — Да.

3

Ой, Дніпро! Кто придвинул твой
берег?
Что за дым,
что за грохот везде?
Кто такой этот жесткий деррик,
Мощный хобот склонивший к воде?
Как посмел этот бык упираться?
Почему лишь один канал?
— Соцзмагання [1].
— Геть ухили
в праці! [2] —
Этих слов запорожец не знал.
Днепр несет свои полные воды.
Взрыв!
Упала куда-то скала...
. . . .
Подошли трагедийные годы,
К миру старому смерть подошла.

4

Как зверь, воровато
Ползет экскаватор.
По рельсовой ветке
Летят вагонетки.

---

[1] Соцсоревнование *(укр.)*.
[2] Долой уклоны в работе! *(укр.)*

Подносит свой чан
Паровозный кран.
Движенье налево.
Движенье направо.
Ну что за напевы?
Ну что за орава?
В правый проток.
В средний проток.
В левый проток.
Днепр изнемог!

На береге левом,
На береге правом,
То с лаской, то с гневом,
То с грохотом ржавым
И гулко и пылко
Идет перепалка:
Камнедробилка,
Бетономешалка.
Тут не до спячки
(Коль с непривычки)
В шуме откачки
У перемычки!
Грохают краны
У котлована.
Воют сирены.
Дыбятся стены.
Все неизменны
В эти три смены!
Грохот и стон:
— Подава-а-ай бетон! —
Стройка и схватка.
Взрывы и кладка.
Что за повадка
У Днепра?
В правый проток.
В средний проток.
В левый проток.
Днепр изнемог!

5

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух.

Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.

В ту ночь мы вышли на посты
Рубить оставшуюся рощу
На свежевзорванной скале,
Чтоб экскаваторною мощью
Электротоку и земле
Пропеть торжественные мессы
Днепра,
рукой рабочей
схваченного...
. . . .
В эту ночь
застрелился
профессор
После взрыва
скалы
Сагайдачного[1].

6

В протоколе:
«Обычное дело.
Пуля в сердце — и смерть проста.
Есть письмо. Бумага белая,
Одна восьмая листа.
Историографические материалы новые
Постановлено изъять».
Приписка:
«Написано письмо украинскою
мовою
С явным привкусом буквы ять».
Сбоку надпись кого-то из властей:
«Приписка остроумна, но суть
важней».

7

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО

«Стало пусто в моем углу.
Может быть, я не прав? Едва ли!
Нет, не эту родную скалу —
Это сердце мое взорвали!

---

[1] Имя одного из запорожских гетманов.

Умирает моя душа...
Сагайдачный... Порог...
Запорожье...
Нечем жить!
Нечем мыслить. Дышать.
Значит, ползать нам незачем тоже.

Руки варваров этих сильны.
О, проклятье их яростным планам!
У реликвий родной старины
Я последним паду могиканом.

Много пало друзей дорогих,
А ушедших считать я не стану.
Сколько их, сколько их, сколько их
Отошло к большевистскому стану!

Пыль и пепел. Печаль и тоска.
Где ты, где ты, моя Украина?
Раздавила твои века
Электрическая машина.

Где могучая сила Днепра?
Где сыны запорожского стана,
Что умели от плеч до бедра
Разрубить москаля или пана?

Где ты, порка Дурной скалы? [1]
Где чубов залихватские змеи?
А машины проклятые злы,
А идти против них — не сумею.

То судьба. Не уйти от нее.
Это смертные наши годины.
Нет, не Днепр, это горло мое
Перерезали бритвой плотины!

Украина! Ты стала не та.
Улетел соловей твой, отщелкав.
Деревенек твоих нищета
Мне нужнее грядущих поселков!

---

[1] Скала, на которой секли запорожцев.

Города превращают нас в прах,
Зубров тракторных
в степь
перебросив.
Не видать нам огней на церквах,
Васильков у межи средь колосьев.

Не видать нам порогов седых,
Не услышать бандуры у нищих...
Будь ты проклят, машиновый дых!
Ты разрушил мое пепелище!
Меч в руках моих сломан и ржав.
Мы бессильны. Бесчестье! Бесчестье!
Но не раз я, из гроба восстав,
Отплачу вам неистовой местью!

Умирают со мною века.
Мир безрадостен. Рок беспощаден.
Нечем жить.
Пыль и пепел.
Тоска.
Не екажу — до свиданья.
Прощайте».

8

Ой, Дніпро! Не печалься, не дуйся,
И на солнце бывают пятна.
Ну не стало ученого гуся.
Все проверено
и понятно.
Это старого мира обломок.
Это зверь, копошившийся в яме.
Это враг,
чей кровавый потомок
Ежедневно сражается с нами.
Он из тех, кто крестьян и рабочих
Истязал бы и рвал бы на части,
Кто бы с радостью выклевал очи
Всем бойцам за народное счастье.
И мечтал он на пухе перины,
Чтобы сгинули краны и трубы,
Чтоб сменили мы пояс плотины
На изгиб запорожского чуба.

Чтоб земли не менялось обличье.
Чтоб звучало бы слово: грабьте!
Чтоб воскрес царедавний обычай
Щи хлебать умилительным лаптем.
Жаль ему васильков и трехполья,
Жаль бандуры, былого наряда...
Эх, не будет гопацкая воля
С перепоя плясать до упаду!
Эх, не грянет погром у соседей,
Чтобы пух разлетался по селам!

. . . .

. . . .

О, как много
жестоких трагедий
В этом мире,
таком веселом!

9

Грохают краны
У котлована.

Часть вторая

1

Бахают бомбы у бухты.
    ...Ухх, ты!
Крепок удар днепростроевской вахты.
    ...Ахх, ты!
Запад, услышь! Неужели оглох ты?
    ...Охх, ты!
Эхо звенит переливами флейты...
    ...Эй, ты!
Ну-ка держись, мировые Детройты!
    ...Ой, ты!
Мы перекроем вас дважды и трижды!
    ...Ишшь, ты!
Бахают бомбы у бухты.
    Ух, ты!
Крепок удар днепростроевской вахты.
    Ах, ты!
Запад! В неистовой злобе зачах ты!
    Ах, ты!
Вот наши домны, колхозы и шахты!
    Ах, ты!
   Ах, ты!
  Ах, ты!
 Ах, ты!

Ах ты, д'сукин сын, камаринский мужик,
Задрал ногу да по улице бежит...

Балалайка тонко тенькает струной.
Молодайка бойко бухает ногой.

Трынды-брынды, серебристый воробей!
Голос грома перебором перебей.

Наподдай-ка, балалайка, для души!
Грохот взрыва тонким звоном заглуши.

...Кто-то третий разрывает разговор.
Кто-то третий вносит голос в жаркий спор.

В этом споре
Каждый лют:
— Ой, на го-о-рі
тай женци
жнуть...
Вот и сплелись
у растущей плотины
Звень балалайки та дзвін України
С грохотом бомб,
чей неистовый дым —
Слава седым и весна молодым.

А вдалеке,
у высокого дома,
Новая песня — ударница грома,—
Песня такая,
как взрыв на скале,
Песня такая,
как жизнь на земле...
— Весь мир
насилья
мы разрушим!..
— Лонг лив
Тзы пролетэриен революшн![1]

Как перепутались песни? Когда?
Бахают бомбы.
Лопочет вода.

2

— Лонг лив революшн! — сказал человек,
По-нашему Яков, по-ихнему Джек,
По славе работник, по слухам делец,
По-старому янки, по-новому спец,
По мысли философ, инструктор по штату,
По отзывам умный, по сплетням богатый,
Хаустон по фамильи, по батюшке
Самыч...
О всем остальном
вы узнаете сами.
Когда он приехал, чудак-человек,
По-нашему Яков, по-ихнему Джек,

[1] Да здравствует пролетарская революция! *(англ.)*

Он долго смотрел на большую страну,
Как смотрит зима на растрепу весну.
Но вскоре он понял, большой человек,
По-нашему Яков, по-ихнему Джек,
Что буйно рождает советская степь
По-ихнему чудо, по-нашему темп,
Кузнецк, Волховстрой,
Сельмашстрой, Дніпрельстан,
По-ихнему нонсенс, по-нашему план,
По-ихнему чушь, несуразность, курьез,
По-нашему факт, соцударник, совхоз,
По-ихнему прихоть, по-нашему стиль,
По-ихнему сказка, по-нашему быль.

3

Встает этот янки
Ранешенько-рано
И прямо идет
К паровозному крану.
Погладит его,
Кашлянёт,
постоит,
Немедленно примет
Рассеянный вид,
За чем-нибудь
Вниз позовет
машиниста:
Вот это, мол, плохо,
Вот это нечисто,
Взойдет на площадку,
Как будто случайно,—
И вот уже
тайны машины —
Не тайны.

Взлет
и взмах,
Поворот
и разбег.
Ходит
кран,
Как живой
человек;

Вверх,
или вниз,
или вкруг,
или вбок,
Ловок,
горяч,
осторожен,
жесток.
Хватож,
да зряч,
да умен,
да силен.
Грохот и стон:
— Подава-ай бетон!
Эй, впереди,
веселей
гляди!
Эй, позади,
погоняй
бадьи!
. . . .
Взгляд на часы.
Остановка.
Пожатье.
— Сэнк ю, комрэд! [1]
Продолжайте.

4

Ой ты гой еси,
добрый молодец,
Машинист лихой,
Дема Токарев!
Посрамил тебя
басурманище,
Басурманище —
янки прозвищем.
Ты ль в ударниках
не стараешься,
Много норм давать
умудряешься,
Но не ходит он,
паровозный кран,

[1] Благодарю вас, товарищ! *(англ.)*

Как ходил в руке
Хаустоновой.

5

Давно уже скрылся напористый Джек,
Но долго у крана стоит человек,
И смотрит ушедшему янки вослед,
И мнет почему-то тугой партбилет.
О Токарев Дема! О Токарев Дема!
Ты очень растерян. Ты очень сердит.
Четырежды выбран ты членом райкома,
Но ты Хаустоном четырежды бит.
— Четырежды бит! — перебой
барабанов.
— Четырежды бит! — грохотанье
стрелы.
— Четырежды бит! —
и, четырежды
вспрянув,
Задергались руки,
упрямы и злы.
У сердца
подчас открываются двери,
И входит чужак,
и рывком
и тайком.
Трагедию зависти дал нам Сальери,
Но разве Сальери
попал бы в райком?
Кто сердце упрямое вырвет из плена?
У зависти плен
и нелеп и жесток...
Смена.
Гудок.

О полку Дніпробуда
Былинное слово
Придет к человеку
Могучею песней труда.

Нечудесного чуда
Величья такого

От века до века
Земля ожидала всегда.

Большевистским столетьем
Этот век будет назван;
Он гремел пулеметом
Во имя всемирной весны.

Буйной песней греметь им,—
И восторгам и думам,
И дерзаньям и взлетам,
И героям Советской страны.

Пусть же,
пусть на восходе
Старых дней Ярославны
Проклинают моторы,
Славя негу ползучей струи:
Чуден Днепр
при тихой погоде,
Когда вольно и плавно
Мчит сквозь леса и горы
Полные воды свои...

Но Дніпро
внес поправочку в быт:
Не зашелохнет,
но гремит!

7

Как вставала заря,
заря алая.
Собиралась толпа
небывалая.
Состязанье открыл
Громов Митенька.
Он речугу развел
вроде митинга.
Он кричит-говорит
речи грозные,
Где два крана стоят
паровозные.
Поднимался до неба
жестокий рев.

На площадку взошел
Дема Токарев.
Дема дюже сердит,
входит в раж никак!
Он зовет своего
такелажника.
На бетонщиков — крик,
на бадейников — кряк,
А себе самому —
богатырский кулак.
Поднимается снова
восторженный стон.
На площадку другого
идет Хаустон.
Янки ручкою раз,
Дема ручкою два:
Потягаемся, мол,
удала голова.

Полсмены
Дан срок.
Зов сирены,
Знак, рывок,—

И вот, повернувшись,
черны и багряны,
И землю обшарпав,
и небо затронув,
Пошли
грохотать
паровозные краны
Раскатистой
дробью
крутых фрикционов.
Полетом бадьи
перегнало бы птицу,
Удара стрелы
не снести бы
и дубу.
В неистовом вихре
звенеть и крутиться
Машинам и людям
невиданно любо.

Поддай! Налетай!
Нашей силы не жалко!
Работать —
так буйно,
Работать —
так пылко.
И крутит быстрее
бетономешалка,
Раскатистей грохает
камнедробилка.
И поезд летит за бадьями
в тревоге.
Вчерашнюю вялость
попробуй
найди в нем!
А там,
на бычке,
мускулистые ноги
На тесто бетонное
рушатся ливнем.
. . . .

Идет разговор у Петряя
с Митяем.
А рядом раздоры у Петина
с Митиным.
Один говорит:
— Шапками закидаем! —
Другой говорит:
— Никогда не вытянем! —
И каждый солидно чихнул
на зарю.
Кто слева, кто справа
прижавши ноздрю.
. . . .

Так бы
да всем бы
Класть
бетон.
Буйные
темпы
Взял
Хаустон.
Спорит, орет

Шумный народ:
— Дема сдает!
— Янки берет! —
Ропот восторженный
Смешан с обидой:
— Янки, поддёрживай!
— Дема, не выдай!
Новым
героям
Новых
былин —
Новые
песни
Новых
машин:
Ве-
сель-
ем
пьян
От
сил
сво-
их,
Мо-
гу-
чий
кран
Ле-
тит,
как
вихрь.
В сталь-
ной
ку-
лак
Раз-
бой-
ный
свист,
Гре-
мя-
щий
гак [1],

[1] Крюк паровозного крана.

Что
кор-
шун,
свис.
Ле-
тя-
щий
гак,
Что
кор-
шун,
свис,
Ба-
дья
пу-
стяк,
Хва-
тай,
не-
сись!
Ле-
тя
к во-
де,
Гу-
дя
в тру-
де,
Ба-
дья
к ба-
дье,
Ба-
дья
к ба-
дье!
Крут,
прям
Злой
гак,
Не кран,
А маг.
Вот
маг

Сверг
высь,
Взлет,
взмах,
Вверх,
вниз.
Кру-
гом
Вос-
торг,
Звон,
гром,
Встрях,
вздёрг —
И янки сошел на последней минуте,
Оглох, потерявшись
в приветственном
громе,
И руки,
как будто бы полные ртути,
Навстречу понес
побежденному Деме.
А Деме казалось, что это для смеха.
Он в землю врастал,
молчаливо и гордо,
И страшно хотелось
немедля заехать —
По-ихнему «кик хим»,
по-нашему
в морду!
По жилам от сердца метнулся огонь,
Он поднял кулак
. . . .
и подал ладонь.

9

Дема ты, Дема,
Экий медведь!
Такого подъема
Не смог одолеть.

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер! Ветер!
На ногах не стоит человек.

И сне́га
нет,
И ветер
обман.
На ногах не стоит —
Потому что пьян.
...Пылая весь, как зарево,
С рожденья первый раз
Наш Дема разговаривал
С бутылкой глаз на глаз.

Бутылочная нация!
Огромные глотки!
Давняя
вариация
на тему тоски.

10

Бала-
лайка
тон-ко тень... ка... ет
Стру-
ной.

11

Вопрос через день на партийном
собранье:
— А что, если ты победил бы, дружок? —
И Дема,
докладчик о соревнованье,
На это
не сразу
ответить
смог.
Смешно и неверно:
— Ну, был бы я
первым!
— А дальше?
— Ну, так бы работал
всегда!
— А дальше?..—
Молчание било
по нервам.
Казалось, летят не минуты — года...

Есть правда в ответе:
«Я дал бы...», «Я рос бы...»,
Но правды борьбы
Тут не меньше,
чем лжи!

Собранье молчит,
и недавняя просьба
Гремит, как приказ:
— Говори!
Расскажи!
— Товарищ! — внезапно рванулось
навстречу,
Как якорь,
как бич,
как сигнал,
как завет!

И Дема,
Вглядевшись в глаза человечьи,
Под шумные всплески
сказал свой ответ.

12

Мы наш...
мы новый...

13

Блиндажами
воинственный вечер
Чье-то войско припрятал хитро.
Водяною размеренной речью
Говорит перед войском Дніпро:

— Будь ударной бригадой плотины,
Дожидайся приказа, вода!
Сквозь невиданной силы турбины
Жаркой кровью рванись в провода,

И пойдет по всему Приднепровью
Небывалых заводов посев.
Напоим
электрической кровью
Долгожданный машинный запев!

Горе наглым врагам Украины!
Смерть тебе,
злой петлюровский сказ!
Мы кулацкие эти былины
Ликвидируем скоро как класс.

Нам теперь дожидаться недолго.
Нетерпением сердце полно.
Дальний брат наш,
проснувшийся Волхов,
Смелый вызов прислал нам давно.

Эй, страна! Подымайся все выше!
Слышишь ты
мой приветственный гром?
И откуда-то мощное
«Слышу!»
Пронеслось
Над притихшим Днепром.

14

Все гуще, все круче
Бетонные дни.
Но зависти жгучей
Не выжгли они.

Крадя у райкома
Свои вечера,
С тетрадкою Дема
Сидит до утра
И учит, упорный,
От зависти нем,
Лингвистику формул,
Язык теорем.

И кажется Деме
Сквозь утренний сон,
Что в маленький домик
Вошел Хаустон.

Помедлив минуту
В махорочной мгле,
Он азбуку чью-то
Раскрыл на столе.

И Дема читает
По буквам слова.
А зависть не тает.
А радость нова.

Как рветесь из рук вы,
Как мощен ваш зов,
Упрямые буквы
Технических слов!

Чуть букву не вставил —
Пускаются в пляс
Премудрости правил
Технических фраз.

О техники школа!
Раскрой, покажи
Причастья, глаголы,
Роды, падежи
Твоих интегралов,
Квадратных корней,
Чтоб сердце взыграло
Строительством дней,
Чтоб техники говор
И темповый лад
Помножить на слово
Ударных бригад,

На сердце, на волю
Партийных рядов,
Чтоб не было боле
Неведомых слов.

...По воле райкома
Оставив дела,
С тетрадкою Дема
Сидит у стола.
Тайком пробираясь,
Вползает луна...

Индустриальный язык.
Зависть.
Тишина.

15

ПИСЬМО ХАУСТОНА В АМЕРИКУ

«Май дир![1] Не проси. Ни за что
не приеду.
Не злись. Не зови... Ни за что! Никогда!
Ты лучше узнай
про большую победу:
Я целый абзац прочитал без труда!
Какие открытья на каждой странице!
Какие миры
для сердец и для глаз!
И даже мой Риджи,
мой сын,
сторонится,
Когда я от радости
вскрикну подчас.
Какая страна! Потрясающий эпос...
Конечно, нелепостей много и здесь,
Но в эпосе этом
любая нелепость
Возвышенней
наших великих чудес.
А здешних чудес вы совсем не поймете:
Ударник.
Товарищ.
Боец.
Большевик.
Язык индустрии — мой брат по работе,
Но меч мой,
но вождь мой —
партийный язык.
Богат я, как мастер.
Богаче не сыщешь.
Мне говор машин
до предела знаком.
Но с этим богатством
стою я, как нищий,
У двери, где надпись:
«Партийный райком».
И тут-то встает
побежденный мой Дема.
Я тайно ему эту горечь несу.

[1] Мой дорогой (*англ.*).

В партийных вопросах
он, Дема, как дома,
А я — как ребенок в дремучем лесу.

На азбуку я,
словно хищник, бросаюсь.
Мне горько. Во мне шевелится старье...
Мне стыдно сказать,
но великая зависть
Лисицей вгрызается в сердце мое.
Нет, это не зависть!
Тут чувство иное...
Я весел,
я счастлив,
я верить привык,
Что Дема с указкой стоит надо мною,
Чтоб я изучил
этот русский язык.

К своим не зови меня.
Я не чета им.
И сына вы тоже торопите зря.
Мы Ленина с ним
до конца прочитаем,
Хотя бы при помощи
словаря.
Пусть руку сожгу я,
как римлянин Муций,
Пусть обе руки
я о дверь разобью,
Но выучу
русский язык революций,
Чтоб стать рядовым
в большевистском строю.
Д ж е к».

16

Этой ночью устала луна
Контролировать кладку бетона.
Убежав от плотины,
она
Заглянула в окно Хаустона.
Янки медленно пишет письмо.
Рядом — Риджи над грудой тетрадок.

О, никто бы поверить не смог,
Что у янки такой беспорядок!
На столе у него — кутерьма,
Книг бесчисленных столпотворенье!
Наступают на листик письма
Дикшьонэри [1].
Букварь.
Маркс и Ленин.

Повернулся на миг Хаустон:
— Риджи! Сэн! Ду ю уонт э пис [2]
хльеба? —
Но сынишка,
забывший про сон,
Хладнокровно ответил не в тон:
— Ні, батько!
Не треба.

17

Это вытворил год боевой,
Год борьбы у Днепровской плотины.
Риджи знает
— и лучше, чем свой,—
Полнозвучный язык Украины.
Нет!
Язык стал для Риджи своим,
Стал обычным оружием сло́ва,
Стал партийным,
любимым,
таким,
«Як для батька ро́ссійська мова».

Риджи счастлив, приехав сюда.
Но сегодня
сидит он, терзаясь.
Влезла в сердце лихая беда —
Огневая мальчишечья зависть.
Риджи в Кичкасе будет весь век,
А батько́ —
сто плотин будет ладить!
У коммуны ведь множество рек:

[1] Словарь *(англ.)*.
[2] Сын! Хочешь ли ты кусочек... *(англ.)*

На Урале,
в Москве,
в Ленинграде.
Риджи вспомнил размашистый кран.
Эх и грохает!
Ну и летит же!
Батько с Демой зажгли Дніпрельстан...
Им обоим
завидует Риджи.

На пути у него
столько школ.
Этак вырастешь, тут же завянув.
Риджи хочет скорей в комсомол,
Хочет быть повелителем кранов.
Батька с Демой счастливцы теперь:
Им учиться, как Риджи, не надо.
Знай строительство тоннами мерь
В честь и славу
радянской влады.

Задрожало перо в руке.
Путь полета мечты
неизменен.
На любом,
на любом языке
Одинаково пишется
«Ленин»!
Помоги, украинский язык!
Помоги,
украинская школа!
Риджи кто? Инженер-большевик.
Риджи будет бойцом комсомола...

Встал у горла тяжелый комок.
Натиск зависти —
гадок и сладок!
Стынет Риджи над грудой тетрадок.
Янки медленно пишет письмо.

18

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь

Не хочет воздух.
Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
В ту ночь, суровы и просты,
Сжимая водные глубины,
Гремели краны у плотины,
И нес Днiпро свои мечты.
Со дна небесного колодца,
Луна, засмейся! Не томи!
И вот уже луна смеется,
Смеется над тремя людьми,
Что у столов сидят, терзаясь,
Листают толстые тома
И называют словом «зависть»
Веленье сердца и ума.
Луна им подсказать готова
Слова, которые нужны...
Но автор говорит сурово,
Что прения
прекращены!

Ночь ходит с фонарем в руке
И освещает котлованы,
Где говорят сердца и краны
На большевистском языке.

19

«Хроника. Дело доблести,
Геройства, славы и чести!

Токарев и Хаустон организовали бригады.
Показатели соревнования третьей
декады:
Бригада Токарева — на первом месте.
Уложенное количество кубометров
бетона
Доказывает реальность
намеченных
планов...
Одновременно
в индивидуальном
состязании кранов
Полная вторичная победа Хаустона».
Вопрос редакции:
«В чем тут сила?

Бригадир побежден,
а бригада —
победила...»

20

О полку Дніпробуда
Былинное слово
Придет к человеку
Могучею песней труда.

Нечудесного чуда
Величья такого
От века до века
Земля ожидала всегда.

Звуки песни нависли
Над громадой плотины.
Мы мотива не знаем,
Но симфония песни жива.

Током сердца и мысли,
Мощью рук и машины
Мы по букве слагаем
Этой песни слова.

О всемирном заводе,
О всемирной победе
Грянет песнь Дніпрельстана
Строй рабочих колонн:

Чуден Днепр
при всякой погоде,
Когда вольно и плавно
Могучие краны
Несут на плотину бетон.

21

Грохают краны
У котлована.

Часть третья

1

Мерный гул владычит над порогом,
Ровный рокот мчащейся воды.
Рассекли днепровскую дорогу
Скользких скал гранитные ряды.

Между ними — узкие ворота,
И клокочет в тысячах ворот
Белопенный смерч водоворота,
Черной смерти буйный заворот.

Говорит правдивое преданье,
Что слились в один протяжный вой
Душ людских тоскливые стенанья,
Плач погибших в бездне роковой.

Пробиваясь через грохот адов,
Что стеной над скалами навис,
В эту пропасть сотни водопадов
Побросались головою вниз

И на дне увидели такое,
Что, из бездны вынырнув речной,
Потекли за каменной грядою
Онемевшей в ужасе волной.

Ничему на свете не сравниться
С ненасытной яростью воды!..
И прозвали люди
Ненасытцем
Скользких скал гранитные ряды.

2

Солнце безумствует.
Ну и жара!
Хаты сбежались
На берег Днепра,

Видно, тела
Истомившихся хат
В тихой воде
Освежиться хотят.

Только все ниже
Спадает вода.
Хатам волну
Не догнать никогда.

Глухо гудит
Разморенный порог.
День раскаленный
На хаты налег.

Пламенем зноя
Объято село.
Даже деревьям
Дышать тяжело.

Пашням опасна
Такая пора...
Солнце безумствует.
Ну и жара!

Медленным шагом
В назначенный час
Вышел на улицу
Дед Опанас.

В синей чумарке[1],
Что ниже колен,
Тихо идет он
Вдоль глиняных стен.

Вышит барвинками
Пояс тугой.
Люлька из губ
Лебединой дугой.

Палка буравит
Пуховую пыль.
Солнцем сияет
Соломенный бриль[2].

Пышной волной
Запорожской красы
Виснут на плечи
Седые усы...

---

[1] Род верхней одежды.
[2] Соломенная шляпа с огромными полями.

Гордо шагает
Медлительный дед.
Люди из окон
Глядят ему вслед.

Что-то случилось
На шаре земном,
Если в жару
Покидает он дом,

Если во вторник
Напялить он мог
Пару скрипучих
Воскресных сапог...

— Здравствуйте,
здравствуйте,
Дід Опанас!
Просимо дуже,
Заходьте до нас!

Не изменился
Торжественный шаг.
— Дякую щиро,
Не можу ніяк.

Вежливо поднят
Соломенный бриль.
Топчет старик
Пятислойную пыль.

В длинной дороге
Он слышит не раз:
— Просимо дуже,
Заходьте до нас!

Дед отвечает
Своим чередом
Тихим поклоном,
Приветным кивком.

С каждым у деда
Особая стать:
Этому слово,
А этому пять.

Разным бывает
Учтивый ответ:
Этому громкий,
А этому нет...

Вот неширокая
Площадь села.
Деду дорога
Сюда пролегла.

Ус покрутив,
Направляется дед
В дом,
        где на двери доска:
        «Сельсовет».

3

Краснея, следит за двумя стариками
Лицо изумленного солнца в окне.
Все чаще и чаще разводят руками
Червленые стрелки часов на стене.

Седой головы утомленного деда
Вечерние тени коснулись легко,
Но длится у деда все та же беседа
С главою сельрады Остапом Чишко.

Глядят старожилы один на другого,
Как будто впервой повстречались они,
Вздохнут, помолчат, перекурят — и снова:
— Не верите?
            — Нi.
                    — Не поедете?
                                — Нi.

— Пойми, Опанасе! Потонет селенье,
Потонут просторы прибрежной земли.
И мы переносим дома и строенья
Туда, где участок для нас отвели... [1]

---

[1] Днепровская плотина подымала воду верхнего бьефа на 51,2 метра и создавала подпор, распространяющийся на сто пятьдесят километров вверх по течению реки. Пятьдесят шесть селений полностью или частично должны были оказаться под водой. Жители этих селений переселялись на новые участки, получив широкую помощь Советского государства деньгами и строительными материалами.

Молчит Опанас, на Остапа не глядя.
Большими делами он занят теперь:
То крутит усы, то рубаху разгладит,
То вычистит люльку, то взглянет
на дверь...

— Пойми, Опанасе! Подымутся воды,
Зальют Ненасытец, потопят село.
Мы прожили рядом немалые годы,
Но, видимо, двигаться время пришло.

Ты первым поедешь. Постройся.
Не мешкай.
Для общества нужен хороший почин!..—
В устах Опанасовых вьется насмешка
И бродит в извилинах тонких морщин.

— Остапе! Мені допомоги — не треба.
Вважаю, що розумом дід не ослаб.
Не може вода підийматись до неба,
И знову потопу не буде, Остап!

Казо́к[1] я наслухався — дуже богато.
Даремно хвилюється сердце твое.
На згірку збудована дідова хата,
І хвиля дніпровська його не зал́е[2].

— Тебе, Опанас, не поможет пригорок,
Когда от плотины рванется вода!
И день этот близок!
— Якій же? Вівторок?
Неділя? Субота? Четвер? Середа?

Глядят старожилы один на другого,
Как будто впервой повстречались они,
И весь разговор начинается снова:
— Не верите?
— Ні.
— Не поедете?
— Ні.
Смеется Шевченко в багетовой раме.
Пора бы устать говорить об одном!..
Червленые стрелки всплеснули руками,
Да так и застыли в раздумье немом.

---

[1] Сказок.
[2] На пригорке построена дедова хата, и волна днепровская его не зальет.

4

До утра у порога седого
Просидел опечаленный дед.
Неужели подымется снова
Приднепровский обычный рассвет?

Неужели обычные птицы
Прилетят щебетать, как всегда,
Если скоро горбы Ненасытца
Оседлает лихая вода?

Нет! Неправда! Не сыщется сила,
Чтобы воды Днепра подняла
И любимый порог затопила,
И пригорок родного села.

Не случится несчастье такое!
Да к тому же сегодня жара
Придавила железной рукою
Присмиревшие струи Днепра.

...Уходила в потемки тревога.
Веселел успокоенный дед.
Поднялся над могучим порогом
Приднепровский обычный рассвет.

Прилетели обычные птицы
Над рекой щебетать, как всегда.
Как всегда, у камней Ненасытца
Ворковала и выла вода...

5

Побледнел от ужаса
Месяц в небесах.
Всюду тучи кружатся.
Скрылся звездный шлях.

Золотому кажется:
Сбился он с пути.
Как ему отважиться
Небо перейти?

Ветерка горячего
Слышен тихий вскрик:
«Месяц! Не сворачивай!
Шествуй напрямик!»

Но тому, заблудшему,
Видно, невдомек,
Что идет он лучшею
Из любых дорог,

Что не очень плотная
Тучи пелена
Бурей быстролетною
Будет сметена,

И пред ним, нарядная,
Полная чудес,
Ляжет неоглядная
Синева небес...

Бродит месяц пó небу,
Утро или ночь?
Хочется, чтоб кто-нибудь
Смог ему помочь...

6

Мчатся днепровские воды.
Тускло мерцают огни.
Быстро проносятся годы,
Медленно тянутся дни.

Семьдесят лет Опанасу.
Ясен ли пройденный путь?
Жалко, что не было часу
Сверху свой путь оглянуть
Так,
      чтобы жизнь его сразу
Встала пред ним, стариком,
Видная сердцу и глазу
Вся, до конца, целиком,—

Так,
      чтобы горькая, злая,
Жгущая сердце дотла,

Мелкая мелочь дневная
Мир заслонить не могла...

Знает старик, что немало
Сделано в несколько лет.
Хилых полосок не стало.
Хищных помещиков нет.

Зорьку заветного счастья
Труженик видит вдали.
Стал он хозяином власти,
Стал он владыкой земли.

Только не слишком ли круто
Старь хоронить решено?
И неужели кому-то
Право судьбою дано

Сердце его приневолить
Бросить село над Днепром,
Жертвуя призрачной доле
Милый, непризрачный дом?

Нет! Неужели отсюда
Надо уйти навсегда,
Веря, что сделает чудо
Гибель родного гнезда?

Тлеет полоска заката.
Пламень коптилки погас.
Возле окошечка хаты
Молча сидит Опанас.

Встали стеной мутноватой
Сумерки знойного дня.
Деду
          простор перед хатой
Виден не дальше плетня...

Что же творится на свете
Возле родимой реки?
Выглядят взрослыми дети,
Стали детьми старики.

Всё на окрестных дорогах
Тронулось, встало, пошло.
Гаснут огни у порога,
Быстро пустеет село.

Не было горше утраты!
Всюду, куда ни глядишь,
Голые, мертвые хаты,
Стены без окон и крыш.

Скоро здесь будет светиться
Только его огонек.
Он у камней Ненасытца
Станет совсем одинок.

Нет! Не боится потемок
Сын украинских полей,—
Он —
        запорожцев потомок,
Он —
        Опанас Джалалей! [1]

Видеть пустые строенья —
Это еще не беда.
Он не изменит решенья
И не уйдет никуда.

Внук с молодою женою
С ним остаются в селе.
Будет жилище родное
Вечно стоять на земле.

Будет порог красоваться
Тысячи весен и зим.
Ой, как он сможет смеяться
Над неразумьем людским!

Хаты священные своды,
Дерзкий Остапе, не тронь!
Мчатся днепровские воды.
Тускло мерцает огонь.

---

[1] Полковником Кропивенского куреня войск Богдана Хмельницкого был Филон Джалалей.

7

От Хортицы,
                    чья плоская гора
Вмещала капище славянского Даждьбога,
Поедемте по берегу Днепра
До буйного Кайдакского порога.

Тут все найдешь:
                    невзрачный серп
                                        древлян,
Могил сарматских каменные плиты,
Шляхетский меч, турецкий ятаган,
Останки мамонта, стоянки неолита.

Здесь киммерийцы двигали войска,
Здесь бушевали скифские отряды,
Здесь воск, меха, рабынь, янтарь,
                                        шелка
Везли купцы от Ильменя к Царьграду.

Здесь проходили Ольга и Олег,
Неслась Орды жестокая орава,
Здесь, у порогов, хитрый печенег
Убил в засаде князя Святослава.

Здесь, на пригорке, возле синих вод,
Под кроной дуба у глубокой балки
Князья Руси задумали поход,
Что был закончен битвою на Калке.

Здесь те места, где каждый клок земли
Достался кровью, мужеством и болью.
Здесь те места, чью летопись вели
Мечи и стрелы, вилы и дреколья.

По берегам красавицы реки
Огонь войны хлестал неутомимо.
Их разорвать хотели на куски
Владыки Польши, Турции да Крыма.

Сюда гнала крестьянская судьба
Крипацкий [1] люд, изнывший от неволи.

---

[1] Крепостной.

Со всех сторон бежала голытьба
В степной простор, что назван Диким
Полем.

И не однажды были палачи
Разметены налетом соколиным
Козацких сабель Хортицкой Сечи
И всех Сечей встающей Украины.

Здесь пополнялись грозные ряды
И шли на бой повстанческие силы
Отрядов Жмайлы, Гуни, Лободы,
Зализняка, Косынського, Трясылы.

Здесь игу иноземному был дан
Отпор большого спаянного стана.
Отсюда толпы яростных крестьян
Пошли в войска Хмельницкого Богдана.

Здесь праздновали ратью боевой
Родных степей земные именины,
Когда с сестрою кровною — Москвой —
Соединилась ненька Украина...

Не счесть боев, походов и побед!
Не перечислить подвигов народа!
Но труженик
за много сотен лет
Не раздобыл ни хлеба, ни свободы.

Мошна старши́ны [1] — всклень была полна.
Зимовник [2] жил без думы и заботы.
Но, как всегда, бесправна и бедна
Была в Сечи козацкая голота.

Неслись года. Менялись времена.
Помещик жил без думы и заботы.
Но, как всегда, бесправна и бедна
Была она — крестьянская голота...
. . . .

---

[1] Запорожская верхушка казачества, занимавшая выборные командные посты.

[2] Фактическое поместье, каких было немало у запорожской атамании.

От Кичкаса,
где грузные бычки
Бетонным строем ринулись в дорогу,
Мы движемся по берегу реки
К далекому Кайдакскому порогу.

Пред нами то,
что было здесь века.
Мы видим землю, небо голубое,
Гряду порогов, балки, облака,—
Но все вокруг
совсем, совсем иное!

Кругом легли колхозные поля,
Земной оплот всеобщего богатства.
Кругом цветет советская земля,
Труда и песни радостное братство.

Лишь этот мир
легко и просто мог
На волны встать бетонною твердыней,
Чтоб превращать
слепую воду — в ток,
В тугую сталь, в звенящий алюминий.

Он мог легко
занять любой простор,
Хотя б на нем стремнина затопила
Именье графа Стейнбока-Фермор
Да три поместья князя Михаила [1].

Лишь этот мир
легко задумать мог
И возводить заводы Приднепровья.
В нем нет грызни
за прибыльный кусок,
Что пахнет потом, золотом и кровью.

Лишь этот мир
мечту столетий мог

---

[1] Один из проектов строительства плотины на Днепре был провален царским правительством по той причине, что, в случае осуществления проекта, воды Днепра затопили бы именье графа Стейнбока и поместья великого князя Михаила Александровича.

Осуществить громадою плотины.
Ну что пред ней Петровский ручеек?
Ну что пред ней канал Екатерины?

Настанет миг —
строитель молодой
Закончит труд, с водой и камнем споря,
И корабли
из Балтики седой
Пройдут Днепром
к заливам Черноморья.

8

Хороша у деда хата,
Только сгорблена слегка,
Да чуть-чуть подслеповата
И немножечко низка.

Весела у деда хата:
Круглый год холодновата,
Темновата и тесна,
И в простенках не богата,
И углами не красна.

Глинобитные покои
Неуютны и малы,
Потому что печка
вдвое
Больше Хортицкой скалы.

Дует с пола земляного.
Потолок не очень цел...
Но искать угла другого
Дед и раньше не хотел.

Год назад решил для деда
Хату строить сельсовет.
Но и тут согласья не дал
Погрустневший гордый дед.

Правда, старая хорома
Хуже нового жилья,
Черепица не солома,
Половицы не земля.

Но в хороме все знакомо
До последнего кутка.
Даже черная солома
Сердцу давностью близка.

...Тем лишь хата хороша,
Что привыкла к ней душа...
Одного ли Опанаса
Тянет сердце жить в глуши?
Одному ли Опанасу
Непривычно для души
Бросить хату-невеличку?

Что же делать? Как же быть?
Душу надобно сменить?
Или, может быть, привычку?..

Подымаясь рано-рано,
Не присевши дотемна́,
В хате возится Оксана,
Внука младшего жена.

Внук над книгой хмурит брови,
Ладит все, что скажет дед,
А Оксана им готовит
Их сніданок [1] и обед,

Шьет, стирает, колет, мелет,
Гладит, чинит и прядет,
Мажет ко́мин [2], печку белит,
Животине корм несет,

Тащит воду, моет миски,
Красит сво́локи [3] под медь,
Чтобы в будущем колыске
Было радостней висеть,
Рушникам места находит,
Чтоб они ласкали взор,
И на припечке наводит
Тонкой кисточкой узор,
Старых лыцарей портреты
Держит в холе и в чести...

[1] Завтрак.
[2] Дымоход.
[3] Потолочные балки.

Только жаль, что в хату эту
Просто некому зайти.

Как-то утром глянул дед,
А в селе народа — нет.

9

Не скрипит журавель у криницы,
Не шумит за окном детвора.
Никуда от печали не скрыться,
Ни на печке,
ни там, у Днепра.

Опанасе! Ой, лишенько-лихо!
Кто кусты и деревья унес?
Кто похитил на улице тихой
Золотые следы от колес?

Редко-редко заглянет прохожий,
И опять никогошеньки нет.
Мир стоит, ни на что не похожий,
Непонятною дымкой одет...

Не смирились упрямые очи,
Хоть в тоске проводили они
Утомительно длинные ночи,
Несусветно тягучие дни.

И когда погостить в воскресенье
Завернули сюда старики,
Опанас товариству селенья
Ни полсловом не выдал тоски.

Необычно живой, говорливый,
Он дышал глубоко-глубоко
И, сияя улыбкой счастливой,
Неустанно шутил над Чишко:

— Ну, Остапе! Легка моя доля!
Мы живем в незабутнії дні.
Ненаситець, і небо, і поле
Неподільно налéжать[1] мені...

---

[1] Безраздельно принадлежат.

Старики посидели за чаркой,
Похвалили хозяйку и дом,
Говорили и спорили жарко
О погоде, о том и о сем,

Но в ответ на веселое слово
(Про себя улыбнувшись не раз)
Ничего не сказали такого,
Что слыхать не хотел Опанас.

...Вот и пыль над бугром закружилась,
Опустел приднепровский простор,
И молчанье над хатой сгустилось,
И погас Опанасов задор.

Опанас поглядел на дорогу,
На следы от тяжелых колес
И побрел к водопадам порога,
На широкий безрадостный плес.

10

Тот день пришел
      к пожухлым толщам жита,
Как званый гость,
      давно желанный друг.
Еще с утра
      он начал деловито
Зерном дождя
      кормить пшеницу с рук,
И увидал,
      что птенчиком беспёрым
К нему тянулся
      каждый колосок,
Ему в глаза
      глядел с немым укором,
Глотал,
      глотал,
            глотал чудесный корм
И все никак
      насытиться не мог.
И вот тогда
      над горестью дремотной

Поблекших нив
и пожелтелых рощ
Хлестнул живой,
стоцветный, звонкий, плотный
Не просто дождь,
а украинский дощ.
Он был шумлив,
широкий, щедрый, щирый,
Он весел был,
певучий, проливной,
Он был могуч,
как благотворец мира,
И был красив
без всяких, сам собой.
Как солнца свет,
лучи его косые
Поили мир,
деревья, пашню, луг,
И ветерок,
летящий из России,
На крыльях дружбы
нес его на юг.
...В тот самый день,
прохладный, моложавый,
Едва над хатой
ливень отшумел,
Упрямый дед
склонился над канавой,
Где ручеек
звенел, мурлыкал, пел
И так бурлил
среди гранитных кочек,
Сбегая вниз
с высокого бугра,
Как будто он
не камушки ворочал,
А воевал
с порогами Днепра.
И вдруг Петро
могучими руками
Легко-легко,
как древний богатырь,
На ручеек
огромный бросил камень,
Загородив его литую ширь.

Тогда воды
    неистовая сила
Метнулась вверх,
    дороги не найдя,
И до краев
    канаву затопила,
Хотя над нею
    не было дождя.
Отпрянул дед.
    Событие такое
В родном селе
    бывало сотни раз,
Но в этот раз
    он видел пред собою
Самой земли
    прямой ответ,
                приказ...

И Опанас,
    как громом пораженный,
Шагнул вперед,
    от хаты, от села.
Он увидал,
    что солнечной короной
Над юным внуком
    радуга плыла.

11

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух.
    Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
В ту ночь
        канавы и мосты,
Вода и камни снились деду.
Родной пригорок затопив,
Ручьев немыслимый разлив,
Ликуя, праздновал победу.
Слепая, наглая волна
Рывком сорвала печь с причала
И ложе глиняное мчала
По перепутаницам сна.

Был с детства деду страх неведом,
Но сердце дрогнуло,
когда
Старик увидел, что вода
За ним стеной несется следом,
Гоня неведомо куда.

Срезая поле водяное,
Земля раскинулась вдали.
Но дед, влекомый к ней волною,
Никак не мог достичь земли.
Как только близко вырастала
Крутого берега скала,
Земля куда-то уплывала
И вновь далекою была.
Но встал над темной полосою,
Едва заметной вдалеке,
Петро,
несущий пред собою
Цветную радугу в руке.
Вот размахнулся он широко,
Задев рукой десятки звезд,
И бросил к деду над потоком
Дугою выгнувшийся мост.
Утихла буря водяная.
Дорога близкая проста.
Теперь легко доплыть до края
Необычайного моста.
И дед плывет ему навстречу,
Гребя привычною рукой,
Но вдруг взлетает вместе с печью
Над многоцветною дугой,
К седым порогам птицей мчится,
Глядит назад, глядит вперед
И мест родных не узнает,
Нигде не видя Ненасытца.
От водопадов нет следа.
Нет Монастырко[1]. Нет канала.
А там, где издавна вода
За Волчьим Горлом[2] клокотала,
Совсем спокойна ширь Днепра,

[1] Самая большая скала Ненасытца.
[2] Самое узкое место Днепра у села Кичкас, за которым строился Днепрогэс.

И меж крутыми берегами
Лежит гигантский серый камень,
Ничуть не меньший, чем гора.

Дед притаился, замирая.
Сквозь толщу камня видит он
Дела и жизнь такого края,
Что и во сне похож на сон.
Чудесным светом пламенея,
Легла пред ним речная даль.
Гора прозрачна, как хрусталь,
И мир, открывшийся за нею,
Для Опанаса был таким,
Как будто явью стали сразу
Все сказки, басни и рассказы,
От внука слышанные им.

Давно знакомые просторы
Земли и неба — не узнать.
Шагают хаты. Пляшут горы.
Текут ручьи и реки вспять.
Землей становятся утесы,
Ковром цветов — песок равнин.
Неслышно крутятся колеса
Неописуемых машин.
Вокруг машин прохладой дышат
Сады невиданной красы.
Растет пшеница выше крыши
И выше тополя овсы.
Рядами легкими, прямыми
Встают нездешние дома,
И человека между ними
Проносит улица сама.

Едва дыша,
        на это чудо
Глядит усталый Опанас.
Десятки солнц висят повсюду,
Не ослепляя старых глаз...
И вдруг пропало все куда-то.
Не видно камня. Света нет.
На земляной доливке[1] хаты
Сидит качающийся дед

[1] Пол.

И вкруг него танцуют скрыни [1],
Труба, заслонки, рогачи [2],
Скворечник, сволоки, годинник [3]
И те же чертовы ручьи.
Но тут блеснул
в руке зажатый
Кусочек радуги тугой —
И вещи в хате и над хатой
Убрались тихо на покой.
Потом мелькнули чьи-то лица...
Сверкнули сабли...
И опять
Пошла такая небылица,
Какой и в сказке не бывать.
Когда, поднявшись еле-еле,
Упорный взгляд уставил дед
На те портреты, что висели
В родном жилье десятки лет,
Фигуры гетманов старинных
И запорожских козаков
Зашевелились на картинах,
Как будто слыша чей-то зов!
Сухой пергамент
сжался,
треснул,
Пронесся тонкий звон стекла,
И на доливку хаты тесной
Толпа огромная вошла.
Все ближе свиты и жупаны,
Рубахи, шапки, кунтуши,
Кожанки, мантии, кафтаны,
Пистоли, сабли, палаши,—
И стали крепкой, теплой плотью,
Цветным клубком переплетясь,
Шелка
и жалкие лохмотья,
Литое золото
и грязь.
Несчетны лица человечьи.
Несчетны сильные тела.
Судьба невиданное вече
Для Опанаса собрала!

---

[1] Сундуки.
[2] Ухваты.
[3] Часы.

Тут были рыцари свободы
И просто лыцари войны,—
Щенки помещичьей породы
И добыватели казны,—
Была старши́на и козацтво.
Была вершина и хребты,—
Ступени разной высоты
От полускрытого богатства
До обнаженной нищеты.
Одни приветствовали деда
Хлопками выхоленных рук.
Другие тихую беседу
Вели, собравшись в тесный круг,—
И вызвал дед, пристывший к хате
И ухватившийся за печь,
Не очень вежливую речь
И удивленные пожатья
Их колыхающихся плеч.
А третьи просто хохотали,
И сотни тощих животов
Ходили так, что рваться стали
Очкуры[1] выцветших штанов...

Но стало вдруг тревожней вдвое,
Когда почуял Опанас,
Что в сердце хлынуло волною
Живое пламя чьих-то глаз.
Из глубины толпы шумливой,
Совсем-совсем издалека,
Печально,
                    зло,
                            нетерпеливо
Глядели очи козака.
Он Опанасу шел навстречу.
Он сквозь тела людей проплыл —
И расшумевшееся вече
Гигантской грудью заслонил.
Такую грудь впервые в жизни
Увидел старый Джалалей.
Клинки любых врагов отчизны
Рубцы оставили на ней.
И тот, кто помнил очертанья
Ножа и пуль, клинка и стрел,

[1] Пояски.

Легко бы
тысячи названий
Жестоких схваток и восстаний
На той груди прочесть сумел!

И Опанас увидел руки...
На их мозолях запеклись
Все кривды, горести и муки,
Что с ним, бесправным, родились
И провожали до могилы,
Всегдашним голодом гнетя,
Трудом выматывая силы,
А душу — песенкой унылой
О беспросветности житья.
Весь мир могли бы руки эти,
Перевернув, преобразить,
А им пришлось на этом свете
Пахать да саблею рубить.
Давали миру
море жита
Большие руки плугаря,
А им,
лохмотьями обвитым,
Вручали чарку оковыты [1]
Взамен еды и букваря.
Им крест вручали
да иконы,
Чтоб те, кто жил в цепях тугих,
Благословляли все законы
Разноязыких, но исконных
Поработителей своих.
А эти руки меч хватали,
Чтоб лиходеев сбросить с плеч,
И снова в рабство попадали,
И ручки плуга
снова брали,
И вновь хватали острый меч...

...Козак стоял пред Опанасом,
Не отводя суровых глаз.
Страшней и радостнее часа
Не знал доселе Опанас!

[1] Оковыта — из Польши забежавшее испорченное латинское название горилки, водки: аква витэ (Aqua vitae). Это название вошло в быт запорожцев.

Объятый трепетом волненья,
В глубоком взоре видел дед
Любовь,
печаль,
недоуменье,
Укор,
насмешку —
и завет.
Козак ногою топнул строго!
Зовет он деда за собой!
Он встал за дверью у порога,
Уперся в небо головой
И, указав двумя руками
На шлях, лежащий впереди,
Шепнул иссохшими губами
Одно короткое: — Иди! —
И вновь исчезло все.

Спокойно
Луна сияет с высоты.
Сребристых тополей листы
Трепещут чуть.
Не хочет воздух
Своей дремоты превозмочь.
Прозрачно небо. Блещут звезды.
Тиха украинская ночь.

12

По пыльной дороге плетутся волы.
И пыль тяжела, и волы тяжелы,

Но в эти минуты всего тяжелей
Твой медленный шаг, Опанас
Джалалей!

Чуть стыдно, чуть горько,
чуть страшно тебе,
Но гордо идешь ты навстречу судьбе,

Чтоб мир не посмел ни сказать,
ни шепнуть,
Что ты побоялся в глаза ей взглянуть.
Ты в лучшее платье сегодня одет.
Подобной чумарки и в Киеве нет!

На белой рубахе — полтавский узор,
На поясе — вышивок слуцкий набор.

Края постаревшего бриля — темны,
Но бриля не сыщешь такой ширины.

Не очень богаты твои сапоги,
Мелки у тебя, Опанасе, шаги,

Зато у тебя непомерно велик
Щелкастый, тугой, трехаршинный батиг[1].

...Тихонько идешь ты, волов торопя,
И встречные долго глядят на тебя.

Тебя узнают. О тебе говорят.
Знаком по рассказам твой строгий
наряд.

По целой округе молва разнесла,
Что ты, Опанас, не ушел из села,

А ты за волами шагаешь туда,
Где камнем завалена будет вода...

И вот впереди открывается шлях,
Неведомо кем проторенный в степях,

Широкий, да плотный, да гладкий
такой,
Что мнится порой затвердевшей рекой.

И ты затерялся, седой человек,
В потоке повозок, машин и телег,

В потоке людей, проходящих толпой
Навстречу тебе и попутно с тобой...

Куда-то к далекому краю земли
Железные мачты рядами пошли,

Какие-то трубы в канавы кладут,
Какие-то башни в машинах везут,

---

[1] Долгий кнут на длинном кнутовище для погонки волов.

Но ты не глядишь, Опанас Джалалей,
На трубы, на башни, на лица людей.

Ты ищешь глазами заоблачный дом,
Известный тебе по рассказам о нем,—

И вот он стоит на горе у Днепра,
Бетонный, стеклянный, большой, как
гора.

Ты к роще у дома телегу привел,
Попробовал, крепок ли дерева ствол,

Волов привязал, отдохнул и поел,
Усы покрутил, сапоги оглядел,

Стряхнул аккуратно дорожную пыль,
Поправил рубаху, чумарку и бриль.

И вверх по ступенькам крутым
поднялся,
Батиг неразлучный, как посох, неся.

Ты слово простое кому-то сказал,
Рабочий дорогу тебе показал,

И в комнате ты увидал у стола
Дивчину, что с кем-то беседу вела.

Не в эти глаза ты хотел заглянуть!
Упрямые губы скривились чуть-чуть,

Но громко и четко сказали они:
— Найсамий найстарший потрібен мені!

Девичий взволнованный, ласковый взгляд
Узнал и тебя и старинный наряд,

Узнал по приметам, что были с лихвой
Расцвечены жадной стоустой молвой,

И сразу дивчина сказала в ответ:
— Пройдите, дедуся, вон в тот
кабинет.

Найстарший ушел на бетонный завод.
Присядьте! Присядьте! Он скоро
придет...

Но ты, Опанас, не присел ни на миг.
Тебя удивили хранилища книг,

Негордые стулья, пространства стекла,
Простое убранство простого стола,

Цветы по углам, на шкафах, на окне
И синие кальки на белой стене...

Ты ближе к столу подошел, Джалалей.
Ты замер, тревожимый думой своей,

Не зная, откуда неведомый свет
Ложится на круглый настольный портрет.

Да это ведь Ленин! Впервой, Опанас,
Ты с Лениным видишься с глазу на глаз.

Придвинься поближе и глаз не жалей.
Смелее гляди, Опанас Джалалей!

13

Чуть-чуть был слышен шелест рядом,
Но всей душой почуял дед,
Что кто-то смотрит жадным взглядом
И на него и на портрет.
Не в силах скрыть такой тревоги,
Какой не чувствовал вовек,
Дед оглянулся.
На пороге
Стоял высокий человек.

Задумчив, он застыл у двери.
Лучами солнца озарен,
И трудно было бы поверить,
Что тут найстарший — это он.

Сурова ткань косоворотки.
Невзрачен тонкий поясок.
Грубы халявы и подметки
Больших охотничьих сапог.

Лица — не выискать суровей!
При первой встрече
тихий страх
Густые, взвихренные брови
Могли рождать в людских сердцах.

Но встретишь мыслью вдохновлённый
Глубокий взгляд —
и видишь ты
Слиянье силы непреклонной
С теплом ребячьей доброты.

Почти всегда бывал он ровен,
Нетороплив и молчалив,
Но в каждом жесте, в каждом слове
Кипел неистовый порыв.

Он мог ответить зло и грубо
Во зло себе же самому,
Но лжи и лести
эти губы
Не говорили никому.

Он жил на свете всем, что делал,
А делал так,
что в этом жил
Всем сердцем, разумом и телом,
Всем напряженьем чувств и сил.

Солдатом трудного похода
За свет в мильонах темных сел
Зимой семнадцатого года
Он в Смольный к Ленину пришел.

В тот вечер
в мерзнущей столице
Вписало Ленина перо
Две строчки
в первую страницу
Священной книги ГОЭЛРО.

А ночью
                с банковских ступенек
Сошел владелец этих строк,
Неся два чемодана денег [1]
И хлеба черствого кусок.

Средь непрерывных молний
                                        бури,
Сметавшей горе, тьму и грязь,
Спокойным светом на Шатуре
Электролампочка зажглась.

Она светила недалёко
Сквозь толщу темени слепой,
Но возгорелось
                          пламя тока
Из этой искры голубой.

Бетоном встав на грудь стихии,
Врываясь в глубь земной брони,
Зажгла Советская Россия
Несчетных лампочек огни.

Столетний путь свершая в годы,
Пускали в ход большевики
Завод, рождающий заводы,
Станок, рождающий станки.

Из чугуна, угля и стали,
Из электрической волны
Станки и танки вырастали,
И хлеб, и счастье всей страны.

Электроток
                     тугой рекою
В страну рванулся, свет родя,
Рожденный
                     светлою строкою
Священной подписи вождя...

---

[1] С запиской В. И. Ленина, предлагающей немедленно дать средства на строительство первой опытной электростанции на шатурском торфе, инженер Александр Васильевич Винтер явился к В. Р. Менжинскому. Не имея другой «тары», товарищ Менжинский выдал Винтеру на строительство два чемодана денег.

К струе днепровского потока
С Шатуры послан был страной
Неутомимый рыцарь тока,
Покрытый первой сединой.

Часам труда не зная края,
Он вел строительство вперед,
Дерзаньем цифру проверяя,
Сливая с выдумкой расчет.

И вот он встал пред Опанасом,
Едва не бросившим батиг.
Был от волнения безгласым
Врасплох застигнутый старик.

Что будет дальше — он не ведал.
Видать, найстарший тоже сед,
Но все же знать хотелось деду,
Он первым сядет
                    или нет?

Хотелось хваткою мужичьей
Поймать из всяких мелочей,
Какая честь, какой обычай
У городских бородачей.

И тут же был ему ответом
Привет склоненной головы:
— Садитесь, дiду! В доме этом
Всегда найстарший —
                    это вы.

И молвил дед, усевшись в кресло,
Спокоен, горд и величав:
— Показуй нам докладно й чесно
Все те, що ти набудував! [1]

Звонок. Приказ. Быстрее, Зоя!
И в скромный тесный кабинет
Вошел любимец Днепростроя,
Его историк и поэт [2].

---

[1] Подробно и честно показывай нам все, что ты выстроил!

[2] Василий Гаврилович Александров (однофамилец автора проекта Днепрогэса), инженер, посвятивший всю свою кипучую деятельность пропаганде Днепровского строительства и проблем «Большого Днепра». Главный экскурсовод. Лектор.

Мечтатель, помнивший и знавший
Событья многих тысяч лет
И каждодневно забывавший
То сон, то отдых, то обед...

Увидев деда пред собою,
Он засиял — и замер весь.
Кивнув красивой головою,
Промолвил Винтер:
— Да. Он здесь.

Василь Гаврилыч! Вам знакома
Его судьба.
Пред нами тот,
Кому не меньше, чем наркому,
Мы дать обязаны отчет.

Пусть видит. Щупает. Измерит.
Надкусит зубом — не беда!
Когда он сердцем нам поверит,
Он в нас поверит навсегда...

В предельной правде наша сила.
В великой цели наша честь.
Он твердо помнит, чтó здесь было,
Вы покажите то, что есть,
Тогда поймет он
то, что будет
В простой цепи простых чудес,
Когда вон там
увидят люди
Не Днепрострой, а Днепрогэс...

14

Медлительным шагом ты к берегу вышел,
Ты начал свой путь, Опанас Джалалей!
И первое слово, что здесь ты услышал,
Навеки в душе сохранится твоей.
Над миром промчатся несчетные годы,
Но в будущем каждому вспомнится
вновь,
Что путь большевистский
в днепровские воды

Пошел от скалы,
что зовется
Любовь.

15

Стоит Опанас
под скалою Кохання,
Где в прошлые годы
стоял он не раз...
Чтоб сердце смирить —
не хватает
дыханья!
Чтоб все охватить —
не хватает глаз!

Давно ли к вершине
Забытой скалы
Из ближней пустыни
Слетались орлы?
Давно ли над кручей
Владычили век
Лишь ветер летучий
Да грозы и снег?

Скалу окружали
Закаты и зори,
Безмолвные дали,
Ковыльное море,
Сонливостью полный
Простор переправы,
Пустынные волны,
Тоскливые травы...

Как видно, былое
Ушло навсегда!
Травы под скалою
Не сыщешь следа!
Под кручей не стало
Днепровской волны...

Бетонные скалы
Отсюда видны,

Людского движенья
Бурливый поток,
Тугое сплетенье
Мостов и дорог,

Железные горы
Машин паровых —
Таинственный город
Меж стен водяных.

...Значит, правду рассказали,
Что московский богатырь
Здесь, на Кичкасском причале,
Полонил речную ширь.

Обсудив со стариками,
Где на дне пласты крепки,
Он вошел с двумя щитами
В стрежень мчащейся реки.
Он вошел — и сразу, с ходу,
Руки в стороны развел,
На версту раздвинул воды
И поставил их на годы
За щитами на прикол.

Весны шли,
шумели зимы,
Злился дождь, ярились льды,
Но остались недвижимы
Стены замершей воды...

Стоит Опанас
Под скалою Кохання.
Ему бы сейчас
Хоть минуту молчанья!
Но с плотным клубком
Клокотанья и гуда
Слилось целиком
Приднепровское чудо.

...От самого берега
Ширь котлована.
Лязгают деррики.
Грохают краны.
Куда ни упали бы

Дідовы взоры,
Всюду опалубок
Желтые горы.
Всюду бетона
Литые утесы,
Гул сандерсонов [1],
Рокот насосов.
Трещат перфораторы,
В камни нацелясь.
У экскаватора
Чавкает челюсть.
Черны от загара,
Белы от бетона,
Мчатся думпкары,
Платформы, вагоны.

Зорче гляди!
Сверху бадьи.
Там не ходи!
Флаг впереди.
Этот пролет
Взрыв разнесет.
Здесь прогремит
Оксиликвит [2].

Гуденье сигнала,
Короткий рывок,
Фонтаном на скалах
Взлетает песок.
Минутной угрозы
Минула пора.
Свистят паровозы
В утробе Днепра.
Дыханьем единым
В средине реки
Грохочут машины,
Стрекочут станки.
Все это как в сказке,
Но сказка проста.
Суровые краски,
Простые цвета.
Сплетение черного,

---

[1] Бурильные станки.
[2] Препарат жидкого кислорода.

Желтого,
серого...

Радуга камня.
Железа.
Дерева.

16

Осилив скрипучих мостков крутизну,
Идет Опанас по днепровскому дну,
Идет — и, не веря словам и глазам,
Рукой ко всему прикасается сам.
Он трет на ладони бетон и песок,
Стучит о гранит, измеряет станок,
Он пробует все, что творится вокруг,
На глаз и на ощупь, на вкус и на звук.
Ему страшновато в подводном краю.
И тянет в далекую хату свою,
Но честное сердце ему говорит,
Что мир незнакомый, как книга,
раскрыт,
Что грохот понятен, просты чудеса,
Что есть у чудес и размах и краса.

...Над бетонною вершиною
Ходит шея лебединая
Чернолапого железного орла.
Выше дерева стоячего,
Ниже облака ходячего
Подымается у деррика стрела.

И невидимою силою
Чудо-юдище бескрылое
По приказу человеческой руки
Над глубокими протоками
Разворотами широкими
Переносит стопудовые бруски.

Между каменными скалами
Люди жалами беспалыми
Грудь породы мягкотелой рассекли,
Чтобы пальцами железными

Овладеть любыми безднами
Покоренной обновляемой земли.
И веками к дну притертые
Злого щебня горы мертвые
Из протока уплывают не спеша,
Со скалы гранитной снятые
Не рукою, не лопатою,
А чудовищной громадиной ковша.

Из шипящей узкой скважины
Рвется ветер, в трубку всаженный.
Ветер щебень разметает без следа,
Правит сверлами, зубилами,
Правит бурами стокрылыми,
Опрокидывая набок поезда[1].

Люди стали водолазами
(Страшновато стеклоглазыми)
И, просторы котлованов
сторожа,
Без фонариков и посоха
Под водою, будто посуху,
Бродят сутками у каждого ряжа.

Люди стали неболазами,
Люди стали землелазами,
Строя город деревянный и стальной,
Чтобы точно в срок
положенный
Были волны разгорожены
Широченною бетонною стеной.

Над высотами орлиными,
Над ветрами и пучинами,
Над могуществом машины и станка,
Над простыми и великими
Чудесами многоликими
Стали полными владыками
Человеческие сердце и рука.

...По хрупким пескам,
По шатучим мосткам,
По скалам крутым,

---

[1] Поворотом рычага пневматического аппарата машинист опрокидывает думпкары в любую сторону, выбрасывая из них груз.

По ступенькам кривым
Взошел Опанас
На высокий обрыв,
Про время забыв,
Про усталость забыв.
Бетонный завод
Раскрывает вразлет
Широких ворот
Громыхающий рот,—
И деду видны
Бункера и чаны
Такой величины,
Как в раю кочаны [1].

Хлюпая, лязгая,
Плотное, вязкое,
Вертится весело
Серое месиво.
Мчится по кругу
Цемента вьюга.
Кру́тится, стелется
Щебня метелица.
Хлещет река
Воды и песка.

Платформы — на место!
Дорога — открыта!
Бетонное тесто
В бадьи перелито —
И с грохотом ржавым
По рельсам широким
Состав за составом
Несется к протокам...
...И сердце зовет.
И спутник зовет.
Идет Опанас
На дробильный завод.
Как в сказочном сне,
Увидал Джалалей
Станок,
            заменявший
Две тыщи людей.

---

[1] По днепровскому поверью, в райских огородах кочан капусты не могут обхватить соединенными руками двадцать человек.

...За горкой растаяли скрежет и гуд.
По берегу деда в машине везут —
И в небо уперся, как поднятый штык,
Щелкастый, тугой, трехаршинный батиг.
Увидел старик многоверстный завод [1],
Проверил пилы электрический ход,
Послушал компрессора голос густой,
Ощупал большие станки мастерской,
Попробовал, крепок ли Кичкасский мост,
Что выброшен будет из каменных гнезд,
С моста проследил за дымком над селом
(Над старым селом, обреченным
на слом),
Приметил, что хаты у берега сносят,
И тихо сказал:
— На сьогоднi дóсить! [2]

...Сидит Опанас у большого стола.
Устали глаза. Голова тяжела.
На сердце волной наплывают слова,
Скрежещет железо, жужжат жернова,
Взлетает скала, мельтешат поезда,
Вздымаются краны, сверкает вода...

Свет погас.
Голоса отшумели.
Спит Опанас
На широкой постели.
Думать и помнить
Стало невмочь...

Тиха украинская ночь.

17

У деревянной ограды
Ветер, зевая, прилег.
Веет ночная прохлада.
Сон Опанаса глубок.

---

[1] Сплошной лентой тянулись на обоих берегах Днепра лесопильные заводы, деревообделочные, механические, арматурные дворы, компрессорные станции, паровозные депо, полевые мастерские.

[2] На сегодня довольно!

Мчатся днепровские воды.
Старенький дом — недвижим.
На карауле у входа
Тополь стоит часовым.

Лишь на Днепре не уснуло
Сонное тело земли!
Трепет машинного гула
Тополю слышен вдали.

Ночь на исходе.
                    Сирена
Тьме улюлюкает вслед.
Новая, свежая смена
Новый встречает рассвет.

Мчатся днепровские воды.
Ярко сверкают огни.
Медленно тянутся годы.
Быстро проносятся дни.

18

Карта дня.
                На ней рукою
Четко вычерчен маршрут.
Новый день
                в кипенье боя
Вводит армию минут.
Над широким котлованом,
К наступлению зовя,
Пышным знаменем багряным
Развевается заря.

19

Идет Опанас
По ступенькам крутым,
И новое чудо
Встает перед ним.
Обычные люди
Стоят за станком,
Обычные лица

Мелькают кругом,
Но, глядя в глубины
Сияющих глаз,
Он видит, он чует,
Что это сейчас
Другая Россия,
И Днепр другой,
И люди другие,
И труд не такой...

Гуденье моторов,
Гудков завыванье
Сегодня надолго
Забыл Опанас.
Недвижно стоит он
В большом котловане
И с глаз человечьих
Не сводит
глаз.

Для кладки бетона готовят гранит.
Он трижды расчищен и трижды омыт.
Железные щетки его теребят,
Готовя широкий зеркальный накат.
Прессованный ветер летит из трубы,
Суша монолитов крутые горбы.
Струя водяная острее меча
Впивается в камень, свистя и урча,
Чтоб в крохотных складках гранитной
земли
Крупинку пылинки найти не смогли.

И снова железные щетки скрипят,
Втирая в готовый гранитный накат
Цементное масло, цементный бальзам,
Чудесный бальзам, не подвластный
векам,
Чтоб в стрежне стремнины крутая скала
Веками бетонную ношу несла...

Пытливо глядит Опанас Джалалей
На руки, на плечи, на лица людей.
Он видит огонь в человечьих глазах,
Тревогу заботы, хозяйский замах.
До края душа удивленьем полна,

Что люди на скалах днепровского дна
Работают, камень бездушный скребя,
Как будто бы строят дома
Для себя.

От веселья пьян,
Развернулся кран.
Из небес,
гудя,
Принеслась бадья.
Бетонный поток.
Топотанье ног.
На скале звучат
Голоса девчат:
— Веселей ходи!
Подавай бадьи!
Спеши, пляши,
Не жалей души!
На тугой бочок
Подымай бычок.
И на этот раз
Не догонят нас!

У ряжа столпотворенье.
Громкий говор. Звонкий стук.
Равномерное движенье
Колыхающихся рук.
Труд людей налажен, дружен,
Их напор неутомим,
Потому что каждый нужен,
Виден, дорог и любим.
Светит солнце золотое,
Весел ветер молодой,
И несется над водою
Слово песни золотой:
— Стране
Служи,
Теши
Кряжи,
Вяжи
Ряжи,
Себя
Кажи!..

...Пытливо глядит Опанас Джалалей
На очи, на лица, на руки людей.

Притерпевшись к машинному гуду,
К стрекотанью станка-вертуна,
Он впервые расслышал, что всюду
Человечьи звучат имена.

По-другому, по-новому ярко
Засиял перед ним котлован.
Говорят бригадиру: Одарка.
Говорят звеньевому: Иван.

У подножья гудящей сирены,
Всколыхнувшей родимый Дніпро,
Юнака называют — Суреном,
Называют дивчину — Маро.

Прошумели тугими крылами
Над гранитною ширью холма
И библейское имя — Шуламис,
И монгольское имя — Бадма.

И на каждом рабочем участке
В голосах и поет и звенит
Золотое дыхание ласки,
Нержавеющей дружбы гранит.

...Через кряж
                    дивчина-краля
Перепрыгнула легко.
Сразу люди зашептали:
— Женя! Женя Романько!

Сколько тихих разговоров,
Сколько слышно гордых слов,
Если рядом ходит Оров,
Если выглянул Теплов.

Не в шелка они одеты,
Не туга у них мошна,
Но повсюду их портреты,
Их простые имена.

Не дворянская корона
Славу знатности дает —
Кубометрами бетона
Измеряется почет!

...Идет Опанас к паровозному крану,
Что тяжко пыхтит в стороне от скалы.
Свисающий гак закружился, как пьяный,
Движенья лебедки смешны, тяжелы.
Неловким, торопким, порывистым
взмахом
Юнец крановщик переводит рычаг.
На нем картузишко, рубаха-непряха,
Пеньковые чуни, отцовский пиджак.
Спокойно стоит у юнца за спиною
Усатый рабочий — учитель его.
— Не тот фрикцион! Осторожней
с рукою!
Давай не спеши! Ничего! Ничего! —
И парубок быстрит подъем, повороты,
Вздымает железных бадей короба.
Стекают соленые капельки пота
С большого, высокого, чистого лба.

...Привычно осилив мостков крутизну,
Идет Опанас по днепровскому дну,
Идет — ни к чему не касаясь рукой,
Но слушая будничный говор людской:

— Что я видел на полоске?
То объедки, то обноски!
Я, прикованный к избе,
Жил ни людям, ни себе.

А сегодня на работе
И в колхозе и в пролете
Я хозяин той судьбе,
Что и людям и себе.

— Нам не треба
Манны с неба.
У самих немало сил!
Эти чуни при царе бы
Я бы до смерти носил.

— Дождалась моя Одарка
Всенародного подарка,
И теперь моя Одарка
Знаменитая доярка!

— А моя Гюльнара стала
Мастерицею металла!
— А моя Елизавета
Председательша Совета!

— Стародавняя забота
Ныне сгибла без следа.
Всем в отчизне есть работа
И сегодня и всегда.

— Мастерами мы и сами
Скоро станем у Днепра.
Мир открыли перед нами
Революций мастера!

Сплелись голоса,
Пламенеют глаза,
Глаза-чудеса,
Человечья краса.

И всюду,
в отряде любом
Со всеми работает рядом
Рабочий с особенным взглядом,
Улыбкой, уменьем, умом.
Он знает повадку любого,
Он, всех направляя в пути,
Для каждого может найти
До сердца идущее слово.

Слова полновесны, богаты,
Понятны, просты, хороши...
Он друг человечьей души
И разума верный вожатый!
Он скажет — и людям ясней
Становится жизни дорога.
Он взглянет — и никнет тревога,
Пошутит — и жить веселей.

Он первым шагает вперед
По свежим советским стропилам
И людям
уменье и силу
Щедротной рукой раздает.
Он слил упоение боя
И творчества страстный восторг.

Сердечное слово людское
Его называет
Парторг.

...Пытливо глядит Опанас Джалалей
На очи, на лица, на руки людей.

20

Вы памятник себе воздвигли
рукотворный,
Бригады покорителей Днепра!
Его не сокрушат ни смерти дух
тлетворный,
Ни яростных времен всесильные ветра.
Как памятник труду,
огромный и нетленный,
Бетонный исполин вознесся над рекой.
Он выше всех столпов и всех вершин
вселенной,
Он краше всех красот поэзии людской.

Он будет навсегда любезен тем народу,
Что в нем воплощены и сила и краса
Свободного труда страны людской
свободы,—
Советского труда земные чудеса.

На ленинском пути дерзанья
и свершенья
Величественный труд больших
советских лет
В себе соединил любовь и вдохновенье
Бесчисленных творцов бесчисленных
побед.

В суровый страдный день на стройке
всенародной
Советский человек, страну свою любя,
Не требует наград за подвиг
благородный,
Желая всем того, что хочет для себя.

Живет он и творит, людское счастье
ширя,

Чтоб в нем и самому счастливым стать
навек.
И славен будет он,
доколь в подлунном
мире
Останутся в живых земля и человек.

Над ширью среднего протока
Полет мертвящей тишины.
А солнце все-таки высоко!
Часы вечерние длинны!
Где третья смена?
Где сирена,
Пролог симфонии побед?

Призыв напрасен.
Третья смена
Прийти не может. Смены — нет.
Безлюдьем стройке угрожая,
Поля воспрянувшей земли
На сбор большого урожая
Людей в деревни увели,
И вот не стало третьей смены.
Молчат станки. Недвижен кран.
Воды закованные стены
Пустой сжимают котлован...
Музыка.
Песни.
Плакаты.
Знамена.

Необозримое
море голов.
Средний проток
занимают колонны
Шлюза,
конторы,
заводских цехов.
Ожило все
на просторах кремнистых.
Руки сильны.
Голоса веселы.
Все —
от начальников
до машинисток —

Вышли
на выемку
черной скалы.
Вышли
для штурма
пролетов протока
Все инженеры,
прорабы,
райком,
Вышел бетонщик,
лекальщик и токарь,
Врач и чертежник,
монтер и краском...
Снова плакаты,
и снова знамена.
Гущи идущих
никто бы не счел!
Слева и справа
подходят колонны
Ближних
и дальних
заводов и сел.
Двух берегов
рядовые герои,
Служащий,
слесарь,
студент,
селянин,
Вышли на помощь
бойцам Днепростроя,
Вышли
на скалы
днепровских глубин.
Вот металлисты,
ткачи,
хлеборобы,—
Слуги страны,
властелины страны!
Это
лишь первых субботников проба,
Первый прилив
каждодневной волны.
Кто их рванул
на каменья дороги?

Вывел из дома?
    Увел от стола?
Разум услышал
    сигналы тревоги,
Сердце позвало,
    Любовь повела!
После
        обычной
                упорной работы,
После рабочего
    трудного дня
Люди пошли
    на работу в пролеты,
Вздыбливать
    горы
        песка и кремня.
Людям за это
    не надобно платы!
Радостью
    сердце
        людей наградит.
Звонче стучите,
    кирки и лопаты!
Ширься,
        блести
                обнаженный гранит!

— Веселее ходи,
Лопата!
У соседей сноровка
Богата.
По три нормы дают
На брата.
Неужели отстанем,
Ребята?

— Пласты
Толсты,
Пласты
Густы,
Руби
Пласты,
Не лезь
В кусты!

— А у нас
в ударной роте
Бригадир — товарищ Роттерт!..
— А у нас
в бригаде чести,
Что идет на первом месте,
Нет работника виднее,
Чем товарищ Веденеев!..[1]
— А у нас
такие парни:
Что ни парень, то ударник.
Да и то на них ворчат,
Что отстали от девчат...

— Вывешивай «молнию»!
Вася Чернин
Норму звена
Выполняет один!

— По призыву партии
Расчистим котлован,
Мы, молодая гвардия
Рабочих и крестьян!

— Готовь
Кряжи,
Кремень
Круши,
Стране
Служи,
Себя
Кажи!

И стоит в котловане горбатом
Погрустневший, взволнованный дед.
Он один не имеет лопаты,
Да и спутника рядышком нет.

О субботнике деду поведав,
Он с киркою куда-то пропал.
Окружает молчащего деда
Небывалой работы накал.

---

[1] Роттерт и Веденеев — заместители начальника строительства.

Зачесались у деда мозоли...
Он сызмальства трудиться привык!
Опанас поработал бы вволю,
Но куда же поставить батиг?

Не исчез бы товарищ бывалый!
Унесут — никогда не найдешь!
А в труде не смогла бы, пожалуй,
Джалалея затмить молодежь...

Опанасе! Чего тебе жалко!
Не срамись на глазах у людей.
Неужели такую же палку
Не сумеет найти Джалалей?
Нет! Вещица еще пригодится
На крутые воловьи рога!
Хороша и удобна вещица,
Да и сердцу она дорога...
Опанасе! Ты видишь ли чудо?
Пред тобою свободный народ!..
Ну и что же? И чудо не худо,
А батиг потерять — не расчет...

И стоит селянин одинокий,
То беря, то бросая батиг...
Но огонь, полыхавший в протоке,
Опанасу до сердца проник.

Музыка.
                Песни.
                                Плакаты.
                                                Знамена.
Необозримое
        море голов.
Из котлована
        уходят колонны
Шлюза,
                конторы,
                                заводских цехов.
Дремлет
        усталое тело земное.
Темного неба
        огромен шатер.
. . . .

Над горизонтом
широкой волною
Вечер
пунцовое знамя простер.

21

Налево дорога — в знакомый
проток.
Направо дорога — в рабочий
поселок.
Отлогий подъем
не тяжел и не долог,
Но дед не ходил
по второй из дорог.
Он издали видел деревья и хаты.
Но думал, что это — обман и мечта.
Он помнил, что там, наверху,
пустота,
Что выжжены травы, что скалы
покаты,

Что там никогда ничего не растет,
Что там неживые, угрюмые
степи,
Где только бурьяна клочки да отрепья
И знойного ветра свистящий полет...

Идет Опанас по дороге
направо.
Радушно раскрыли объятья дома,
Но кажется деду: он сходит с ума,
Иль, может быть,
марево так величаво?

...Еще недавно у Днепра,
Вот здесь, на берегу тоскливом,
Был позабытым дивным дивом
Веселый говор топора.
Но вот пришли простые люди,
Чертя широкий четкий шлях
В степях, на скалах и на груде
Камней, валявшихся в степях,
И, озирая край безлесый,
Сказал один из тех людей:

— По воле Партии моей
Здесь будет город Днепрогэса.

Прошло три года.
Днепроград —
Любовь страны и Украины —
Людьми взнесен был на вершины
Пустынных каменных громад.
У позабытой переправы,
Где в продолжение веков
Мертвели выжженные травы
На скалах сонных берегов,
Теперь края дороги торной
Толпою рощ окружены,
Большие площади просторны,
Прямые улицы ровны,
Брусчаткой крыты мостовые,
Травою затканы дворы,
Вокруг домов сады густые,
Цветов стоцветные ковры,
Журчит фонтан в тенистом парке,
Где гордым памятником встал
Под сенью благородной арки
Доски почета пьедестал,
Пролетов дальних рокот мерный
Звучит как музыка в сердцах,—
И на обоих берегах
То в час ночной,
то в час вечерний,
Как символ праздника труда,
Сияет красная звезда [1].

Еще в ряжах вода хлестала
И в котлован рвалась, гудя,
Еще в протоках не взлетала
Бетоном полная бадья,
А тут
строители столетий
Уже взрывали твердь земли,
Везли столбы электросети,
Дороги ровные вели,

---

[1] В тот день, когда ударники одного из соревнующихся берегов укладывали 1000 кубометров бетона, на вышке берега зажигалась красная звезда.

В трубу заковывали воды
И прочно ставили, навек,
Ряды домов, хлебозаводов,
Театров, школ, библиотек.
А в первый праздник Первомая
Сюда колоннами пришла
Мирская армия людская
И, строй с рабочими смыкая,
«Лесной субботник» провела.
Любовью спаянная сила
Заводов, сел и деревень
С веселой песней посадила
Сто тысяч саженцев за день!
И вот оградой и отрадой
Встает лесная полоса,
Шуршит трава, шумят леса
Меж стройных зданий
Днепрограда,
И смотрят в зеркало воды
Темно-зеленые сады.
В три года город светлоглавый
Стране строителями сдан!
Но был
и этот подвиг славы
Одной лишь струйкой величавой
Реки, впадавшей в океан.

Была невиданная в мире
Необычайная пора,
Когда рождался ток на Свири,
А в Сталинграде трактора,
Когда везде росли мартены,
Цеха утраивал Урал
И в диабазовые стены
Вгрызался Беломорканал,
Когда вошли в скрижали свитка
Осуществляемых чудес
Кузбасс, Хибины и Магнитка,
Березняки и Днепрогэс.
Столетний путь свершая в годы,
Пустили в ход большевики
Завод, рождающий заводы,
Станок, рождающий станки.
Из чугуна, угля и стали,
Из электрической волны

Станки и танки вырастали,
И хлеб, и счастье всей страны.
Ворвались в степи и пустыни
Деревья, рельсы и вода.
В числе, неслыханном доныне,
В стране поднялись города.
Великий труд всего народа
Из топи блат, из тьмы лесов
Сто Петербургов
за три года
Воздвиг в стране большевиков!

22

Опанасе! Опанасе!
Счастьем сердце обнови!
У тебя ли нет в запасе
Жажды правды и любви?
Где ты чувствовал дыханье
Честной радости такой?
Ты идешь от зданья к зданью,
Стены трогаешь рукой.
Ничего тебе не снится.
Вот незыблемо стоят
Кухня-фабрика... больница...
Школа... баня... детский сад.
Люди в клуб идут на отдых.
Ты их видел, Джалалей,
В котловане,
на заводах,
Возле кранов,
у ряжей.
Не помещикам богатым,
Не купцам и не царям
Здесь поставлены палаты
По обоим берегам.
Ты идешь от дома к дому,
Входишь в солнечный уют —
И везде тебе, родному,
В пояс кланяется люд.
Дом хорош. Просторен. Прочен.
Но когда ты входишь в дом,
Ты глядишь в людские очи,
А на комнаты — потом.

Вот спешат тебе навстречу
Плотник,
токарь,
водолаз.
Эту грудь и эти плечи
Где ты видел, Опанас?
Вот бетонщик незнакомый
У накрытого стола.
Это он хозяин дома,
Светоч жизни и тепла!
Опанасе! Что такое?
Почему ты вздрогнул вдруг?
Промелькнули пред тобою
Две ладони крепких рук.
Много знал ты рук на свете
До сегодняшнего дня.

Чем знакомы руки эти
И кому они родня?
Близнецы они с твоими?
Да! Но ты в былую ночь
Где еще встречался с ними,
Вот такими же точь-в-точь?
Мы с тобой одно и то же
Прошептали, Опанас:
— Вот где жил бы запорожец,
Вот что делал бы сейчас! —
Ой, как сердцу стало жарко!
Ты к хозяину подсел,
Взял предложенную чарку,
Выпил, досыта поел,
Поклонился у порога
И со спутником своим
Быстро вышел на дорогу
Бодрым, сильным, молодым.

23

Берег. Полночь. Дремлет воздух.
Спит внизу Козацкий шлях [1].
Над землей — все небо в звездах,
Вся земля кругом — в огнях.

---

[1] Древнее прозвище Днепра.

Сотни солнц горят в протоках.
Млечный Путь блестит в скале...
Это
    звездный праздник тока,
Это —
        небо на земле.

Над этим небом тьма ночная
Не знает власти никогда.
На этом небе
                    — вся земная! —
Звенит симфония труда.
Какие скрипки есть в металле!
Каким альтом поет бетон!
С высоким тонким звоном стали
Сплетен железа гулкий звон.
Камнедробилки говор грубый,
Как барабан, пошел греметь.
Слышны рокочущие трубы,
Тарелок стонущая медь.
В огромном хоре котлованов
Звучит мелодия станка,
Фаготы движущихся кранов,
Гобой протяжного гудка.
В одном стремительном порыве
Живет строительный Орфей,
И нет мелодии красивей,
Певучей,
            спаянней,
                        мощней.

...Стоит Опанас на вершине Кохання,
Он видит машины, потоки огня,
Он слушает песню творцов мирозданья,
Ночную поэму рабочего дня.

Он видит плотины литую громаду,
Он видит людей, дорогих и родных,
И видит величие города-сада,
Что выстроен — ими, построен — для них.
Сбылись на земле золотые мечтанья
Народа. Прекрасна отчизна труда!..
Поют котлованы.
Гудят провода.
Сверкает звезда на вершине Кохання...

24

Луч рассвета ласков, светел.
Розов
гребень дальних скал.
Под крыльцом проснулся ветер
И, потягиваясь, встал.

Пыльный тополь спит, усталый.
Тишина. Темно в дому.
Сразу ветру скучно стало,
Скучно стало одному.

Пробежавшись, чтоб размяться,
Ветер — юная душа —
По двору пошел шататься,
Все на свете тормоша.

Бодрый, радостный, хороший,
Разбудил он птичий гам,
В шутку волосы взъерошил
Травам, рощам и цветам,
Поиграл с дымком над крышей,
Пошумел в кустах густых,
Стал теплей, ленивей, тише
И, устав, совсем затих.

Утро входит тихим шагом,
Гасит лампу фонаря...
Над страною
алым стягом
Развевается заря.

25

К высокому дому подходят волы...
И жизнь весела, и гудки веселы,

Но в эти минуты всего веселей
Твой медленный шаг, Опанас Джалалей.

Батиг неразлучный, как посох, неся,
Ты вверх по ступенькам крутым поднялся

И важно вошел в небольшой кабинет,
Где кальки, да книги, да солнечный свет,

Где много стекла, и цветов, и тепла,
Где самый найстарший стоит у стола.

26

Иное долгое молчанье
Красноречивей, чем слова.

Спокойно ровное дыханье.
Пряма седая голова.
Но губы деда плотно сжаты,
Его движенья стеснены...
Большие чувства так богаты,
Что все слова для них бедны.

Вот он стоит, дитя седое,
Могучий дуб, родной старик,
Сжимая левою рукою
Слегка отставленный батиг.

Корона выцветшего бриля
Вокруг чела его легла,
Как распростершиеся крылья
Легко парящего орла.

Усы, упавшие на плечи,
Красивы. Прост его наряд.
Огромны руки человечьи.
Светлы морщины. Ясен взгляд.

...Не шевелясь, глядел на деда
Товарищ Винтер. В этот миг
Он любовался,
но не ведал,
Что дальше сделает старик.
Кому он верит в мире этом?
Он понял, нет ли, нашу быль?
И тут же стал ему ответом
Полет руки, снимавшей бриль.
Был величав
и гордо-скромен
Привет склоненной головы:

— Сідайте, прошу.
                    В цьому[1] домі
І, мабуть, всюди
                    старший — ви.

Сердца людей понять умея,
Все понял Винтер до конца.
Он поклонился Джалалею —
Сединам друга и отца,—

Но тут же взял большой рукою
Настольный ленинский портрет,
С которым здесь, на Днепрострое,
Впервые вел беседу дед.

И, бросив свет на всю дорогу
Грядущих солнечных времен,
Промолвил медленно и строго:
— Нет, діду.
Самый старший — он.

27

От Хортицы,
                    чья плоская гора
Под ярким солнцем нивой золотится,
Идут волы
                    по берегу Днепра
К далеким водопадам Ненасытца.

То там, то здесь
                    по кручам берегов,
Среди клочков акаций и сирени,
Стоят скелеты брошенных домов,
Застыли остовы оставленных селений.
Но нет тоски,
                    когда на них глядишь!
Не меч войны разрушил эти села!
Днепровских волн
                    сверкающая тишь
Руины скроет пологом тяжелым
И вместе с ними
                    смоет навсегда

[1] В этом.

Ту нищету, в которой люди жили,
Года неволи,
тяжкого труда,
Тугую тьму жестокой давней были...
Когда-нибудь —
чрез много-много лет —
В скафандрах школьники опустятся
под воду,
Отыщут хату,
где родился дед
В былые незапамятные годы.
Они увидят
ржавые куски
Сохи,
горшков,
труху в углах каморы
И рядом с нею
грузные замки,
Крючки, щеколды, цепи и запоры.
И вот юнцы
подымутся опять
На берега веселой, светлой жизни.
Как будет любо
снова увидать
Богатство счастья ленинской отчизны!

И, оглядев
отчизну,
что легла
Как дивный сад, прекраснейший
на свете,
Они поймут
великие дела
Тридцатых лет двадцатого столетья.

28

Мерно в открытые двери
Бьет ненасытецкий гром.
Тихо сидят за вечéрей
Дед
и Оксана с Петром.

Внук не промолвил ни слова,
Дед не сказал ничего.

Дымкой раздумья немого
Застланы очи его.

В полдень закончены сборы,
Завтра — далекий поход.
Скоро высокий пригорок
В бездну пучины уйдет.

Скроется черная балка.
Хату размоет дотла.
Жалко ее — и не жалко.
Грусть Опанаса светла.

Он попрощался сегодня
С горками давних могил,
Крохотный камешек поднял,
Спрятать его не забыл.

Он обошел напоследок
Улицы. Хаты. Сады.
Вел с берегами беседу.
Долго стоял у воды...

Тут-то
четыре привета
С разных сторон земли
Деду
четыре ветра
К тихой воде принесли...

Показалось деду,
будто
Говорит седой Славута:[1]
— Опанасе! В добрый час! —
И ему, Днепру родному,
По обычаю мирскому,
Поклонился Опанас.

Показалось деду,
будто
Строгий гром промолвил круто:
— Жизни старой не жалей!

---

[1] Вековой эпитет Днепра, его прозвище, синоним.

И ему, крутому грому,
По обычаю мирскому,
Поклонился Джалалей.

Показалось,
                будто травы
Запевают песню славы
Покорителям стремнин.
И степной пожухлой шири
С грустью, самой нежной в мире,
Поклонился селянин.

Показалось,
                будто грянул
Грохот взрывов, говор кранов:
— Опанасе! Будет свет! —
Бросив хате взгляд прощальный,
Ниже всех
                плотине дальней
Поклонился честный дед...

Завтра на зорьке — в дорогу.
Что же осталось теперь?
Только прощанье с порогом,
В безднах ревущим, как зверь.

Каменных скал перекаты
Сгинут в пучине, как пыль!
Самая злая утрата...
Самая добрая быль...

29

Солнечным утром
В назначенный час
Вышел на улицу
Дед Опанас.
Не было видно
Прощальной слезы.
Щелкнул батиг.
Заскрипели возы.
Вот и замолк
Ненасытецкий гром.
Тихо шагают
Оксана с Петром.

Топчет старик
Придорожную пыль.
Крыльями машет
Соломенный бриль.

Ясной стезей
Перед дедом легла
Радуга света,
Любви и тепла.

Дивный простор.
Золотые поля.
Синее небо.
Родная земля.

30

Грохают краны
У котлована.

Часть четвертая

1

Он идет
по мосткам котлована,
Сухопарый, высокий, седой.
Он следит
за работою крана,
За огромной летящей бадьей,
За водой,
что ручьями стала
Пробивать перемычки заслон,
За людьми,
что буравят скалы,
Уминают ногами бетон.
Вкруг него
уважительный шепот.
Уверяют людские слова,
Что его необъятный опыт —
Наивысший лимит мастерства,
Что Днепровского плана страницы
Принесло и его перо,
Что не зря
инженер Станицын
Был в комиссии ГОЭЛРО.

...Он не слышит
Хвалебных слов.
Он идет
По дорогам снов,
Давних снов,
Что казались ему
Не приснившимися
Никому.

Он шагает,
Спокоен и строг,
И никто
Угадать бы не смог,
Что идет он,
С трудом дыша,

Что трепещет
Его душа,
Что звенят в ней
Наперебой
Горький смех
Над самим собой
И веселый смех
Над собой,
Человеком,
Что был судьбой
Ослеплен,
А потом награжден
Лучшей участью
Всех времен.

Целый день
В котловане провел он,
По мосткам и по скалам бродя,
И ему показался веселым
Даже шум проливного дождя.
Он у всех
побывал в котловане.
Пой, душа! Все узнай! Все пойми!
Замечательным было свиданье
И с машинами и с людьми.
Хорошо, что они такие,
Что хорош
Днепрострой-исполин!..
Он бывал
на постройке плотин,
Но Днепровскую
видел впервые.

2

Кто наделил
потаенной силой
Серенький дождик,
плотный, унылый?
Крупный дождь,
оживляющий рожь,
Ой, до чего ж
ты бываешь хорош!
Меленький дождь
над простором речным,

Ой, до чего ж
    ты бываешь злым!

Светел и тепел
    уютный дом.
Нудный дождь
    шумит за окном.
Стелется дождь
    по реке и земле.
Стелется скатерть
    на столе.

3

Это с кем ты,
    Сергей Станицын,
До полночи беседу ведешь?
Пред тобой
    незнакомые лица,
Инженерная молодежь.
Тут сидят
    и глава Днепростроя,
И начальники штабов его,
Но подросшее
        племя младое
Для души интересней всего.
Все они —
    для тебя открытье,
Откровенье,
    образчик живой
Полной слитности
    силы и прыти
И серьезности деловой.
Ты завидуешь втайне любому,
Но гордишься своею судьбой,
Потому что для них
        весомо
Все, что сказано было тобой.
Ты сердечно простился со всеми.
Все ушли. Наступила тишь.
Незаметно мелькает время.
Ты сидишь, и сидишь, и не спишь,
Потому что на месте остались,
Разговоры с тобою ведя,

Радость жизни,
раздумье,
усталость
И шумок проливного дождя.

4

Все это не было иль было?
Как будто нет. Как будто да.
Конечно, было! Было. Сплыло.
Но не исчезло без следа...

Ему,
обласканному с детства
Обилием домашних благ,
Достались от отца в наследство
Большие деньги, особняк
И доступ в круг московской знати,
Что барчуку в домах своих
Раскрыла нежные объятья.
Завидный все-таки жених!
Его приваживали мамы
Добротных, выгодных невест,
Суля счастливцу все сезамы,
Какие в этой жизни есть.
А он в искусстве инженерном
Нашел сезам души своей
И стал учиться так усердно,
Как мало кто из богачей.
Он вскоре стал еще богаче,
На зависть всем друзьям своим.
Не он гонялся за удачей,
Удача бегала за ним!
И для Москвы и для столицы
Явил разительный пример
Карьеры, сделанной в карьер,
Сергей Борисович Станицын,
Московский чудо-инженер,
Профессор, маг электротока,
Знаток и выдумщик машин,
В своем труде великий дока,
Науки верный паладин.
Вовсю старалась в эти годы
Любая фирменная рать

Электростанций и заводов
К себе Станицына забрать.
Он добросовестно и честно
Своим хозяевам служил,
Хотя в кругу домашнем тесном
Их называл не очень лестно
Электрофирмою горилл.
Он им присвоил званье это,
Когда в итоге многих лет
Труда, что был для всех секретом,
Закончил план, чертеж, макет
Электростанции дешевой
На быстрине одной из рек...
И вызвал план, простой, толковый,
Восторг станицынских коллег.
Но всех компаний воротилы
При покровительстве царя
Пустили в ход такие силы,
Что славный план погиб зазря.
Поймав опасную затею
В соединенные силки,
Трех фирм владыки и лакеи,
Большущих денег не жалея,
Скупили земли вдоль реки.
Хваля Станицына лукаво
За смелость выдумки его,
Они с любезностью удава
Свое использовали право
Не дать построить ничего.
План провалили. Все пропало...
Электротока паладин,
Скорбя, подумывал сначала,
Что жертвой здесь
он пал один.
Но вскоре — для себя впервые! —
Открыл он тайну сих чудес:
Дешевый ток для всей России
Делягам фирменным — зарез!
Погасла в сердце инженера,
Земного робота горилл,
Его незыблемая вера
Во все, чем жил,
чему служил.
Работал он все так же рьяно
В конторах фирменных господ,

Но не заглядывал вперед
И лишь во сне лелеял планы
Плененья сил могучих вод.
Но, свой удел поняв однажды,
Он баррикаду не воздвиг.
Он революции не жаждал.
Он к быту сытому
привык.

...Шумит за окном
Дождевой поток.
Звучит за стеной
Телефонный звонок.
Спокойный голос
Кому-то ответил,
Но слов не слышно.
Взвыл
ветер...

...Улыбкой,
слабенькой, кривою,
Он встретил бурю Февраля.
Он наблюдал, в сторонке стоя,
Чем станет Русская земля.
Его нисколько не прельщали
Ни партий пышные слова,
Ни демократии скрижали,
Ни возглашенные права.
Его мечты свелись к надежде,
Что сгаснет вспыхнувший костер,
Что будет, в общем, все как прежде,
Но поумней, чем до сих пор...
Октябрь семнадцатого года
Взорвал мирок его надежд.
Забрала власть, поля, заводы
Орда безумцев и невежд.
Всем инженерам плюнет в души
Тупой, безграмотный народ!
Хамье отечество разрушит,
«Антилигенцию» пожрет...
И он не вышел на работу,
Чтоб не служить большевикам.
В неделю,
по его расчету,
Он будет свергнут, грозный хам...

Прошли несчетные недели,
Но той же власти реял стяг.
Сменялись ливни и метели,
Запас муки почти иссяк,
Семью жильцов подвальных келий
К нему вселили в особняк,
Электролампы еле-еле
Отодвигали жуткий мрак,
Набор костюмов съесть сумели
Хлеб, вобла, керосин, табак,
Топили печь паркетным полом,
Шикарной мебелью резной,
А инженер ходил веселым,
Шутил над плачущей женой
И был как будто
        от того в восторге,
Что, не сдаваясь власти коммунистов,
Он — знаменитость —
        жарит на касторке
Котлеты из картофельных очисток.

        ...Все гуще и злей
        Дождевой поток.
        Опять за стеной
        Телефонный звонок,
        И кто-то кричит:
        — Комсомольцы придут!
        Звони
        Через каждые
        Тридцать минут...

...В тот год весна была дождливой.
Застлали тучи небосвод.
Но это был большой, счастливый,
Великий год. Двадцатый год.
В денек, ненастный, как сегодня,
Под вечер,
        в час, когда тоска
Была особенно резка,
Станицына с постели поднял
Треск телефонного звонка.
— Куда вы рветесь, глядя на ночь?
Дождитесь завтрашнего дня!..
Простите, Глеб Максимильяныч...
Но что вам нужно от меня?..

Проект? Какой? Что забракован?..
Звонить не стоило труда!
Прошу сыскать глупца другого...
Как разбракован? Кем? Когда?
Неужли он кому-то ценен?
Таких безумцев не найдешь...
Кто поручил вам это?.. Ленин?
Не может быть! Неправда! Ложь!
Вы извините. Но едва ли
Меня сроднишь с большевиком...
Ну что же! Вы у нас бывали.
Я жду. Ведь адрес вам знаком...

И в черную непогодь
ночи московской,
Чей холод
и в печку и в душу проник,
Приехал к Станицыну
Глеб Кржижановский,
Большой инженер,
весельчак,
большевик,
Мечтатель и практик,
поэт и ученый,
Боец,
неустанно громящий старье,
Душа человек,
беспредельно влюбленный
В людей,
в революцию,
в дело свое.
Владел он
чудесным
врожденным уменьем
Людей окрылить
и в труде и в боях,
В них силы утроить,
развеять сомненья,
Их выучить
смело бросать в наступленье
И волю, и знанья,
и пыл вдохновенья,
И точный расчет,
и замах,
и размах.

Он вел разговор
    о мечте стародавней,
Что явью становится
    только сейчас.
— Разбейте, Станицын,
        прогнившие ставни,
Что яркое солнце
    закрыли от Вас!
Препятствий когдатошних
    нет перед Вами.
Мы выгнали в шею
    былое зверье.
Вы станцию Вашу
    воздвигнете сами,
И думаю я,
    что не только ее...

Он взял чертежи.
    Он рассказывал долго
О плане,
    что Ленин задумал в Кремле.
Ведь Ленин считает
    и честью и долгом
Заставить работать
    и Волхов и Волгу,
Всю мощь водяную
    на нашей земле.
— Ему и России
    Станицын известен.
Давайте трудиться
    на пользу стране!
Чтоб тонкости плана
    продумывать вместе,
Прошу Вас
    пожаловать завтра
        ко мне...

Хоть был тот шаг безмерно труден,
Его не сделать он не мог.
Сергей Станицын нужен людям!
К тому же все-таки паек...
Но что за чушь
    крупа, махорка,
Селедки, вобла и дрова,
Когда порою от восторга

Кружиться стала голова.
На карте матушки-России
Глеб Кржижановский перед ним
Наметил станции такие,
Что будут вровень мировым.

Он стал неистово трудиться...
Полгода минуло всего,
А инженер Сергей Станицын
Стал замечать, что на него
Совсем не действуют ни слезы
Его сиятельных родных,
Ни брань знакомых, ни угрозы
Десятков писем подметных.
К нему наведывались в гости
Посланцы фирменных горилл,
Его ругавшие со злостью
За все, что он тогда творил.
Он закрывал за ними двери
И вновь работал за столом,
Не веря в них,
        в большевиков не веря,
Но в чем-то чувствуя себя
Большевиком...

...Опять за стеной
Телефонный звонок,
И кто-то кричит:
— Понимаю, сынок!
Подмогу тебе
Непременно пришлют!
Звони
Через каждые
Десять минут...

...Москва. Декабрь. Двадцатый год.
Мороз и солнце. День чудесный!
Семейный круг, веселый, тесный,
Теплом печурка обдает
И тешит ласковою песней.
Дождаться вся семья смогла
Того счастливейшего мига,
Когда легла на ширь стола
«О н а» — объемистая книга.
Ну что за книга! Были в ней

Листы пошире и поуже,
Листы короче и длинней
И разноцветные к тому же!
Неважно сшитая,
она
Была растрепанной немножко,
Ее печать была бледна,
Проста картонная обложка,
Но сгусток мудрости людской
В ту книгу плотно смог вместиться...
В нее вошли и те страницы,
Что написал своей рукой
Он — инженер С. Б. Станицын.

Да! Эта книга хороша!
Но все же, что она такое?
Ответьте, разум и душа,
Не находящие покоя!
Кто ж, кто воспримет как закон
Все то, что входит в книгу эту?..
Звонок в передней.
Почтальон
Приносит свежую газету.
В газете — ленинская речь,
Доклад на съезде.
Загудели
Дрова, подброшенные в печь,
Жена и дети рядом сели,
И он доклад читает вслух,
Не так внимательно сначала,
Но добросовестно...
И вдруг
Душа его затрепетала:

— Вы услышите доклад
Государственной комиссии
по электрификации... Мы
имеем перед собой резуль-
таты работ Государственной
комиссии по электрифика-
ции России в виде этого то-
мика, который всем вам
сегодня или завтра будет
роздан. Я надеюсь, что вы
этого томика не испугаетесь.

Я думаю, что мне не трудно
будет убедить вас в особен-
ном значении этого томика.
На мой взгляд, это — наша
вторая программа партии...

Закрыла окна тьма ночная,
Да и рассвет не так далек,
А он, по комнате шагая,
Все успокоиться не мог.

Неужто принял он участье
В созданье инженерных глав
Программы партии и власти,
Мир большевистский не признав?
Но почему свершилось это?
Совсем случайно? или нет?
Где корень трудного секрета?
Найдешь ли правильный ответ?
Придумать можно оговорки
И утешительную ложь,
Но, если честным быть и зорким,
От правды все же не уйдешь.
Ведь, если взглянешь глубже, шире,
Прямой ответ легко найти:
Ему и людям в этом мире
С большевиками по пути...

...Не молкнет шумок
Проливного дождя,
Рождая тревогу,
Тоску наводя.
И мощен и зол
Водяной поток,
А паводок нынешний
Очень высок...

...Что ж было дальше?
Труд в Госплане,
Работа дома, у стола,
Расчеты, поиски, дерзанья,
Неисчислимые дела.
Созданье сил электромира
Пошло в стране и вглубь и вширь.
Он ездил в Штеровку, в Каширу,

К плотине Волхова, на Свирь.
И вот он гость на Днепрострое...
Большим делам пришла пора!
Отчизне выдаст мощь Днепра
Электротока больше втрое,
Чем все, что создано вчера...
Его с почетом здесь встречали,
Вели сердечный разговор,
Но все же крохотка печали
В душе осталась до сих пор.
Он, зорко вглядываясь в лица,
Приметил:
 юношам иным
Сергей Борисович Станицын
Казался
 чуточку чужим...
А может, справедливо это?
Они ошиблись или нет?
Где корень трудного секрета?
Кто? Кто сумеет дать ответ?..

5

Трещит за стеной
Телефонный звонок.
Вскрик.
 Шум.
 Топот ног.
Яростно кто-то
 вверху заорал:
— Всем в котлованы!
 Тревога!
 Аврал!

Как только грянул этот зов,
Станицын встал.
 В одно мгновенье
Он был одет, он был готов
Рвануться в битву с наводненьем.
Родной народ спасать идет
Земное детище родное.
Вперед! Вперед со всей страною!
Он тоже, черт возьми, народ!
Он в инженерном цехе — старший,
Но долг и совесть всех равнят.

Он в инженерном деле — маршал,
Но маршал тоже ведь солдат...

...Воет ветер
Нагло и зло,
А на душе
И тепло и светло.
Ну-ка, Станицын,
Смелее влазь
В ночь,
В темь,
В дождь,
В грязь!
Ну и удача!
Никто на свете
То, что к Днепру он удрал,
Не заметил.
Как расчудесно, что был припасен
Этот спасительный
Комбинезон!
Как хорошо,
Что предвидеть он смог
Выгоду крепких
Высоких сапог!
Вот и лети,
Ничего не боясь,
В дождь,
В темь,
В ночь,
В грязь!

Место
        займи
Рядом с людьми,
Шаг
        устреми
Вместе с людьми...

6

А в котловане
        вот что было.
Остервеневшею волной
Днепра чудо́вищная сила

Весь день вела успешный бой
С высотной дамбой земляной,
Что котлован собой закрыла.

К вечеру
Дождь зашумел над рекой,
Сильный, надсадный,
Злющий, тугой.
Полой водою
Набухла река
Перед стеною
Земли и песка.
Дамбу высокую
Буйный поток
Перехлестнуть
Через верх
Не смог,
Но оказалась
Ловка и хитра
Грозная сила
Седого Днепра.
Там,
в глубине
Водяного русла,
В толщу дамбы
Вода проползла.
В глубь котлована
Пробили ходы
Сильные, острые
Струйки воды.
Узкие щели
Напором размыв,
Ярые волны
Рванулись в прорыв...

...Очень страшно
Увидеть такое.
Дрогнет невольно
Сердце людское,
Коль обернется
С тобою рядом
Струйка
ручьем,
А ручей
водопадом...

...Без перерыва с двух откосов
Валили щебень и песок,
Вовсю работали насосы,
Но не спадал воды поток.
Сплели усилья дождь и ветер
И волны буйного Днепра.
Настырный ливень плотной сетью
Стал затемнять прожектора,
Из дамбы вырвались фонтаны,
Каких ничем смирить нельзя,
А дикий ветер в котлованах
Усталым людям бил в глаза.
И грянул в ночь набат аврала,
Подняв с постели Днепроград.
Ярился дождь, вода хлестала,
Кругом бурлил кромешный ад,
Но с каждым мигом все густели
Людей сплоченные ряды...

В мешках бесчисленных летели
Песок и щебень в пасть воды,
Платформы двигались по рельсам,
Как быстроходные челны,
Сумев уменьшить с каждым рейсом
Добычу бешеной волны,
На дно платформ грузили краны,
Станки, тела машин стальных,
Пожитки складов котлована
И скарб несчетных кладовых...

Сотни рук.
Тысячи рук.
Там
    цепочка,
Здесь
        круг.
Сотни рук.
Тысячи рук.
Слева
        друг
И справа
            друг.
Дождь в лицо.
Ветер в лицо.
Не разомкнется

Людей
        кольцо!
Сверху вода.
Снизу вода.
Но на платформах,
Приплывших сюда,
Быстро растут
Вещей этажи.
Ловче
        держи,
Крепче
        вяжи!

...Но где ж Станицын? Вот он! Вот он!
Владетель славы мировой
Сегодня грузчиком работал.
Он был звеном в цепи людской.
Ну что за мелочь наводненье,
И дождь, и ветра дикий шквал!
Им овладело вдохновенье,
Какого он еще не знал.
Он в этой битве не был старшим
Среди чудеснейших ребят.
Он в инженерном деле маршал,
Но маршал тоже ведь солдат,
Солдат народа и отчизны!
И если это нужно
                    им,
Он, полководец, в битвы жизни
Войдет солдатом рядовым.
— Спасибо, жизнь! Ты в миг суровый
Постичь дала мне до конца
И счастье подвига людского,
И вдохновенье рядового,
Не всем заметного бойца...

...Вода все выше поднималась,
Работать было все трудней,
Но не могла сковать усталость
Умелых, сильных рук людей.
Станицын в первый раз на свете
Вот здесь почуял, на реке,
Чем драгоценны люди эти,
С какими он невзгоду встретил
Плечо к плечу, рука к руке.

Ему сейчас дороже сына
Вон тот высокий паренек!
Когда в стене фонтаном хлынул
Еще один лихой поток,
Его закрыл парнишка грудью,
Да крепко, плотно, целиком,
Пока взволнованные люди
Не принесли мешки с песком.
Прораб хвалил его сердечно,
А он смутился. Вот те на!
Будь чуть подальше та стена,
Фонтан бы заслонил, конечно,
Другой боец его звена...

Промчался час. Воды — по пояс.
Торжествовала мощь Днепра...
Но вот свершил последний поезд
Свой путь надводный на-гора́,
И кто-то кричит
Там, впереди:
— Все спасено!
Кончай! Выходи!..

Пришел рассвет. Вода закрыла
И дно и ширь высоких стен,
Но все, что в котлова́не было,
Днепру народ не отдал в плен...
...В густой толпе идет Станицын
На горку, к дому своему.
Вокруг себя он видит лица,
Что улыбаются ему.
Награды, почести любые
Пред этим — просто ерунда!
Его душа была впервые
Так благодарна, так горда.
Он не забудет той минуты,
Когда в толпе, густой, большой,
Рабочий за его спиной
С упреком прошептал кому-то:
— А ты сказал,
что он — чужой...

7

Толпа теснится на перроне.
Он уезжает, брат и друг!
Теплы рабочие ладони.
Крепки пожатья добрых рук.
По зову сердца эти люди
Сюда пришли.
          Не мудрено,
Что все в нем радостью полно...
Что ж? Он всю жизнь мечтал о чуде
В своей судьбе — и вот оно!

...В Москву курьерский поезд мчится.
Сгустилась ночь за тканью штор.
А он не спит, С. Б. Станицын,
Ведя с судьбою разговор.
— О жизнь! Пусть бедствие любое
Ты мне пошлешь в пути моем,
Но я — должник перед тобою —
Благословлю тебя во всем,
Когда опять ты мне подаришь
Такие встречи
          и людей,
Что смогут мне сказать:
          «Товарищ!» —
Без скидок,
   всей душой своей!

8

Грохают краны
У котлована.

Часть пятая

1

Много парубков
    ширых и гарных
Средь людей
    украинской земли,
Но такого
    красивого парня
Вы навряд ли
    увидеть могли.
Где б сыскали вы
    хлопца такого,
Что пред вами
    являлся бы разом
Золотоволосым
    и чернобровым
И при этом еще
    синеглазым?
Да к тому же
    средь сотен парнишек,
Показавших
    свой пыл и размах,
Он любого
    на голову выше,
Всех товарищей
    шире в плечах.
Он стоит
    в глубине котлована,
Заградившего
    средний проток,
И трепещет
    в руках великана
Перфораторный
    молоток.
Этот парень,
    готовя для взрыва
Надгранитной породы
    массив,
И работать умеет
    красиво

И немыслимо
сам красив.

...Даже сердце
Наташи-комсорга
Робко вздрагивает
от восторга.

2

Ой, Кравцова Наташа! Впервые
На работе, веселой, большой,
Собрались облака грозовые
Над твоей молодою душой.
Разве можно, хотя б на мгновенье,
До такого дойти баловства?
Непослушными стали движенья.
Непослушными стали слова.
Беззаботные сны улетели.
На душе
непонятной чредой
То бушуют потоки веселья,
То вздымается грусти прибой.
Нет былого покоя в помине
С той поры, как пришел в котлован
Из села на далекой Волыни
Незаможник Микола Таран.
Трудно выискать сокола краше!
Но придет ли счастливейший миг,
Если сразу
и дорог и страшен
Этот парень, что в сердце проник?
Ой, как страшно сердитое слово
Услыхать от того, кто любим!
Ой, как страшно увидеть чужого
В человеке, что назван своим!
Подходила Наташа с опаской
К расцветавшей любови своей...
Для нее —
для комсорга участка —
Было все
и сложней и трудней.

3

Он пришел
в котлован Днепростроя,
Хлебороб, незаможник, батрак,
И творил на работе
такое,
Что другим не осилить никак.
Был Микола в труде ненасытен.
Он — днепровской страды новожил —
Раньше всех покидал общежитье
И последним туда приходил.
Он частенько вставал среди ночи:
Не пора ли идти в котлован?..
Стал ударником
юный рабочий,
Беспартийный Микола Таран.
Но везде — в общежитье, в столовой,
На рабочем участке своем —
Он с трудом выговаривал слово,
Да брезгливо, сквозь зубы, тишком.
Был всегда недоверчив и злобен
Настороженный взгляд паренька.
Он глядел на людей исподлобья,
Словно в каждом он видел врага.
На собранья, концерты, доклады
Не заманишь его калачом.
— Вот газеты и книги...
— Не надо!
— Не пойдешь ли в кино?..
— Нипочем! —
Он в любое свободное время
В общежитии сиднем сидел.
То следил исподлобья за всеми,
То в любимом занятье немел:
Сундучок, что отцом был завещан,
Из-под койки достав на часок,
Так юнец перекладывал вещи,
Чтоб никто их увидеть не мог.
Все приветливы были с Миколой.
Не забыл про него комсомол.
Даже средней вечернею школой
Не прельстили его — не пошел!
Разбитных, боевых комсомолок
Для беседы послали к нему.

Разговор был мучительно долог
И опять не привел ни к чему.
Не помог
ни острасткой, ни лаской
Ни один комсомольский «агент»...

Чем грозила сия неувязка?
Что сердило комсорга участка?
Недотянутый сотый процент:
На участке
один Микола
Не вступил
в ряды комсомола.

Угнетали комсорга Наташу
И любовь
и подпорченный план...
Потому-то
хоть дорог, но страшен
Был Наташе
Микола Таран.

...Ни признаньем прямым,
ни случайно
Никому не открыл паренек,
Что великую
страшную тайну
Он в хранилищах сердца берег.

4

Что случится, коль буря взрывная
В котловане Днепра прогремит?
Желтой тучей на воздух взлетая,
Унесется порода пустая,
И откроется скальный гранит.
Этот кряж не боится размыва.
Все постройки на нем хороши!..
Происходит
такое же диво,
Коль ворвется
метелица взрыва
В котлован
человечьей души.

5

Вставало солнце золотое.
Светлела утренняя тень.
Пришел на скалы Днепростроя
Обыкновенный, будний день.
Сдала посты ночная смена.
Вот гулкий взрыв произведен.
Грохочет кран. Поет сирена.
К бычкам в бадьях везут бетон.
А где Микола? Вот он! Вот он!
Однако что случилось с ним?
Он не берется за работу.
Он оробел. Он недвижим.
Да! В первый раз
        Таран Микола
В привычный миг поднять не смог
Свой тараторящий, веселый,
Всегда послушный молоток.
Микола обмер. Это сказка?
Обман? Морока? Дикий бред?
На вышке главного участка
Юнец увидел свой портрет.
А рядом с ним
        на скальной круче
Начертан был короткий стих:
«Мы славим лучшего из лучших
Героев наших трудовых!»

Что ж происходит в этом мире
Не разгадаешь... Разум слаб...
Идут к Миколе бригадиры,
Девчата, юноши, прораб.
Он очутился в плотном круге
Посланцев множества бригад.
К нему протягивают руки.
«Спасибо!» — радостно кричат.
А та дивчина-заводила,
Которой митинг был открыт,
Ему при всех часы вручила.
«От комсомольцев!» — говорит.
Он слышит пламенные речи.
Кругом шумят наперебой:
«Дадим!», «Превысим!»,
                                        «Обеспечим!»,
«Посоревнуемся с тобой!»...

Был наш Микола
нем как рыба.
Он мыслью робкою своей
Хотел понять:
За что спасибо?
Что привело к нему людей?
Он ничего о них не ведал.
Их никогда не различал.
Он никому копейки не́ дал.
Ни одного не угощал.
А все взволнованы и рады,
Как будто был его успех
И светлым праздником бригады,
И торжеством для них для всех.
Как непонятно,
как тревожно
Все, что возникло перед ним!
Неужто радоваться можно
Тому, что сделано другим,
И можно быть
безмерно гордым
Чужой удачею большой,
Чужим неслыханным рекордом
И даже
премией чужой?
Он был подавлен и растерян.
Он встретил то, чего не знал,
Увидел то,
во что не верил,
Что сказкой лживою считал.
Так, значит, в мире все иное?
А это счастье иль беда?..
...Шагал по скалам Днепростроя
Обычный, будний день труда.
Микола сроду так ретиво
Не нажимал, как в этот раз.
В нем бушевало эхо взрыва,
Что душу юную потряс.
Две смены выстоял Микола!
Работать так никто б не смог!
Но был невиданно тяжелым
В его ладонях
молоток...

6

Долгая ночь.
Тяжкая ночь.
Думать невмочь
И не думать невмочь.
Сна лишая,
Жить мешая,
Давит на душу
Тайна большая.
Нет! Разорвет он
Страшную сеть!
Хочется знать,
Понять, разглядеть.
Сердце, внуши,
Разум, скажи:
Где рубежи
Правды и лжи?
Люди! Ответьте!
Кто вы сейчас?
В чем же на свете
Счастье для вас?
Люди! Ответьте!
Вместе иль врозь
Счастья на свете
Искать вам пришлось?
Люди! Ответьте!
Вместе иль врозь
Счастье на свете
Добыть удалось?
Люди! Мне страшно!
Кажется мне,
Строил я счастье
На плывуне.
Люди! Скажите!
Где счастья гранит?..

...Спит общежитье.
Микола не спит.

Бегут светящиеся стрелки
Часов, подаренных ему,
Забарабанил дождик мелкий,

Еще тоскливей сделав тьму,
Устало тело, слиплись очи,
А сна не видно и следа...

Но вот в конце длиннющей ночи
Вздремнул Микола —
                                и тогда
Из хмари плотного тумана
Пред ним, как бочка велика,
Возникла туша
        таракана
С лицом
        Юхима Хомяка.

7

Юхим Хомяк!
Юхим Хомяк!
Сверлящий взор.
Тугой кулак.
Обширен двор.
Высок забор.
Тучны хряки.
Быки крепки.
Добротный сад.
Пузатый дом.
Любой амбар
Набит битком.
Юхим Хомяк!
Юхим Хомяк!
Свирепый зверь.
Большой добряк.
Подставишь пасть
Пустой сумы,—
Открыв мошну,
Он даст взаймы.
А в должный срок
Своей мошне
Он весь должок
Вернет втройне.
Добряк Юхим,
Ценя людей,
Зовет селян
Семьей своей.

Но тяжело
Такой семье.
Ведь все село
В его ярме...

...А Микола,
                    голяк,
Жил
       не так.

Была его хата
Ветром богата.
Росли у крыльца
Два деревца.
Забор
         ему
Был
       ни к чему.

Имел он хорому,
Куток для жилья,
Сверху солома,
Снизу земля,
Слева дорога,
Справа овраг,
Сзади и спереди
Пыль да сорняк.
Хату Миколы
Шатали ветра́,
Так эта хата
Была стара.
Но гордо Микола
       по свету ходил.
Он собственной хаты
       владельцем был.

Когда на кладбище
Отца увезли,
Осталась Миколе
Полоска земли.
Шутили кругом,
Что ее целиком
Девчата могли бы
Накрыть рушником.

Такая полоска
Едва-едва
Кормила Миколу
До рождества.
Но гордо Микола
по свету ходил.
Он собственной пашни
владельцем был.

В хозяйстве Миколе
Никто не помог.
Хватало у всех
И забот и тревог.
Миколе и власть
Не дала ни куска.
В сельраде засели
Дружки Хомяка...

Как все, кто вертелся
В долгу как в шелку,
Микола батрачить
Ходил к Хомяку,
Всей силой души
И ума своего
Завидуя люто
Хозяйству его.
Томила Миколу
Несытая страсть:
Суметь, как Хомяк,
В богатеи попасть...

Благоволил к юнцу Миколе
Юхим Порфирьевич Хомяк.
Беда и мрак бедняцкой доли
Его не трогали никак,
Но паренек трудом ретивым
Давал прибытку больше всех,
К тому же хлопчику противен
Был воровской отвратный грех.
Юхим умно и деловито,
Как всех, обсчитывал юнца,
Зато кормил его досыта:
Всю силу выдаст до конца!
Хозяйству даст барыш богатый

Такой старательный батрак!
Умел Хомяк
минутной тратой
Купить рублевку за пятак...

8

Тот вечер Миколе
забыть невозможно...
По-юному смел
и по-взрослому строг,
Хозяйскую дверь
он открыл осторожно
И, шапку снимая,
шагнул на порог.

В обширном покое
царил полумрак.
Сидел у стола
одинокий Хомяк.
Отдавшись
нерадостным думам своим,
Не сразу Миколу
увидел Юхим.
Когда ж увидал,
не замедлил сказать:
— Чего тебе, хлопчик?
Не бойся. Присядь.

Микола присел,
откликаясь на зов,
И медленно вымолвил
несколько слов,
Змеившихся в сердце,
волненьем объятом:
— Будь ласка... Скажите...
Как стать мне богатым?

Весь просветлел, услышав это,
Приободрившийся Юхим.
Нет! Никогда не сжить со света
Людскую страсть к деньгам чужим,

Не истребить в сердцах вовеки
Корысти, жадности, алчбы,
Что стали в каждом человеке
Душой его земной судьбы!
В стране орда бедняцкой голи
Стремится жизнь перевернуть,
И голоштаннику Миколе
Пристало с нею выйти в путь,
Но, страстной жаждою томимый
Добыть богатства благодать,
Босяк пришел
к нему — Юхиму —
Учиться деньги наживать!
Ну что ж? Окажем уваженье
Тому, кто духом нищ и благ...
Подумал несколько мгновений
И начал речь Юхим Хомяк.
Овладевая мыслью робкой
И сердцем, юным и слепым,
Спокойно, твердо, неторопко
Миколе выложил Юхим
Все, что божественным Заветом
Считать привыкли искони
И он,
и те, кто в мире этом
Душою был ему сродни.

— Запомни, Микола!
Земное житье
Для драки стравило людей, как
зверье.
Нет слова милее,
чем слово: «Мое!»
Нет горестней слов,
чем слова́: «Не мое».
Все люди
дрожат над своею мошной.
Они окружают и душу и дом
Оградою, тыном, решеткой стальной,
Забором, стеной, частоколом, плетнем.
Все люди
чужой человечьей судьбе
Желают плохого, себя возлюбя.
Заботится каждый из них —
о себе!

Стремится побольше схватить —
для себя!
Воюет со всеми
и с каждым из всех
Любой человек, чтоб наполнить карман.
В боях за барыш
не считают за грех
Коварство, и хитрость, и ловкий обман.
Ну что ж, если жертва — родня иль
друзья?
Не надо жалеть ни глупцов, ни
раззяв!
Запомни, Микола, что в мире нельзя
Себе приобресть,
у других не отняв!
Не бойся жестокости. Бойся любви.
Размякнешь — упустишь. Ведь люди —
враги!
Коль надо кого раздавить —
раздави.
Коль надобно что-то поджечь —
подожги.
Извечный порядок
сменить, побороть
Не сможет на свете никто и никак.
Его утвердил всемогущий господь,
А он-то, господь, не такой уж дурак.
Будь хитрым, и ловким, и стойким душой.
Людей опасайся. Не верь никому.
На свете, где каждый — другому чужой,
Довериться можно
себе одному.
Чтоб ловче и лучше накинуть аркан
На скарб, достоянье и деньги людей,
Дерись в одиночку, Микола Таран...
Желаю удачи.
Иди!.. Богатей!..

9

Мелькали дни. Пришлось Миколе
Еще упорней быть в труде.
То у Юхима, то на поле
Работал хлопец. Но нигде
Не забывал он разговора,

Что ум и душу измотал.
Он ни обманщиком, ни вором,
Ни поджигателем не стал,
Но, на людей по-волчьи глядя,
Он сторонил от них свой путь.
К бойцам, забравшим власть
в сельраде,
Он отказался заглянуть.
Ко всем душа его остыла.
Он стал задумчив, замкнут, нем.
Он делал все, чтоб можно было
Не разговаривать ни с кем.
Он горевал. В селе работа
Ему прибытка не дала.
Видать, пора придумать что-то,
Начать какие-то дела...

И вдруг
весеннею порою
С далеких скал родной реки
От управленья Днепростроя
В село пришли вербовщики.
Они, зайдя к Миколе в хату,
Ему поведали о том,
Что очень многие ребята
Себе нашли родимый дом
В селенье Кичкас, где сегодня
Плотину строит Дніпробуд;
Что нет работы благородней,
Чем та, что в Кичкасе ведут;
Что всем открыта в нем дорога
К учебе, к росту мастерства;
Что заработать можно много,
Добыв ударника права...

В раздумье
тяжком, невеселом,
Под шум весеннего дождя,
Всю ночь промучился Микола,
В душе решенья не найдя.
Вконец измаясь, он с рассветом,
Чтоб Дніпрельстану дать ответ,
Пошел к Юхиму за советом:
Рискнуть поверить
или нет?

Плохую минуту
Избрал паренек,
Чтоб снова шагнуть
На хозяйский порог.
В душе у Юхима
Пожар бушевал.
Юхиму на голову
Рухнул обвал.
Те люди, которых
Терзал он, как зверь,
Его раскулачить
Грозились теперь.
Угрюмый Хомяк
Исхудал и обмяк.
Впервой кулаков
Зажимали в кулак!
Угрюмый хозяин
Обдумывал план,
Как вновь на колени
Поставить селян,
Как сделать, чтоб хитрость
Беду поборола...
Вот тут-то к нему
и явился Микола.

...Опять все то же? Вот потеха?
Парнишка лезет на рожон!
Юхиму было не до смеха,
Но хлопец был ему смешон.
К кому,
в какие дни пришел он,
Вот этот нищий и дурак?
И все же, слушая Миколу,
Торжествовал Юхим Хомяк.
Нет! Не погибнет мир Юхима,
Его устоям не пропасть,
Пока в сердцах неистребима
Алчбы неистовая страсть.
Мир Хомяка
ни силой воли,
Ни грозной мощью не иссяк!

И вот что
вымолвил Хомяк
Затрепетавшему Миколе:

— Езжай, Микола.
Говорят,
Что возле Кичкаса когда-то
Сечевики зарыли клад,
Огромный,
сказочно богатый.
Мне рассказали старики,
Что в кладе — золото литое.
Он под водой,
на дне реки,
В песке над каменной грядою.
За сотни лет, видать, вода
Горой песка его покрыла,
И много надобно труда,
Чтоб клад взяла людская сила,
Но ты упорен и силен
И можешь в случае удачи
Вложить в кубышку миллион
И стать на свете всех богаче.
Ты всех, кто кучей жить горазд,
К чертям отправишь с их коммуной,
Когда тебе мильон подаст
Горшок железный иль чугунный.
А если в том горшке, дружок,
Не много золота,— ну что же?
Не огорчайся. Свой горшок
Всегда чужой бадьи дороже.
Но грузен клад на дне реки.
Он будет маленьким едва ли!
Ты верь: его сечевики
Тебе, Микола, завещали.
Гряди, ищи его, добудь —
И благоденствуй за стеною...
Теперь прощай.
Счастливый путь!
Меня в молитве не забудь.
А усомнишься в чем-нибудь —
Душой советуйся со мною...—
Хомяк все это произнес
То добродушно, то сердито,
То издеваясь, то всерьез,
То чуть шутя, то ядовито.
Слова Миколе сердце жгли,
Но яда хлопец не приметил;

Он встал,
торжественен и светел,
И поклонился до земли.

10

Великан таракан
Шевелит усами.

Таракан-великан
Изрыгает пламя.

Он свиреп, таракан.
В каждой лапе — аркан.

Где прополз таракан,
Остается капкан.

Он ползет, таракан,
А в душе
ураган...

11

...И поехал Микола туда,
Где лежало селение Кичкас,
Где росла, нерушимо тверда,
Грандиозной плотины гряда,
Где ходили по дну поезда,
Где бурливая выла вода
За высокой стеной перемычки...
Он легко овладел молотком
И на скалы бурильщиком вышел.
Никого, ничего, ни о чем
Он не думал, не видел, не слышал.
Ведь в любую секунду он мог
Перфоратором, в пальцах зажатым,
Упереться в чугунный горшок,
До краев переполненный златом.
Луч надежды в Миколе не гас
Повстречать золотое виденье
Вот сейчас, в этот день, в этот час,
В ту минуту, вот в это мгновенье!
Став ударником скальных работ,
Он не знал, рядовой Днепростроя,

Что рекорд за рекордом дает,
Превышая задание втрое.
Он не знал, да и знать не хотел,
Что́ творится и здесь и в отчизне.
Скальный кряж обозначил предел
И мечты, и заботы, и жизни.
Твердо веря, что только Юхим
Сердцу выдал и силы и крылья,
Был упрямый Микола глухим
Ко всему, что ему говорили...

Ведя ударную работу
На грузном гребне донных скал,
Он понимал,
    что строит что-то,
Но что́ он строит,
    он не знал...

12

Свирепо глядит
    великан таракан.
Он хочет на шею
    накинуть аркан!
...А что, если это
    не злоба, не мщенье,
Не узы аркана,
    а якорь спасенья?
А что, если все,
    что случилось вчера,
Лишь хитрый обман,
    плутовская игра?
Нет, нет! Он в себе
    не замкнется опять.
Все надо узнать,
    разглядеть и понять!..

И вдруг
    в исчезающем
        сонном тумане
Пропали усы
    и глаза тараканьи.
Вот комната. Люди.
    Цветы на окне.

Вот солнечный зайчик
      ползет по стене.
В ладони часы.
      В головах сундучок...
— На вахту, Микола!
      Ишь, спит, как сурок...

13

Буравь, молоток,
Скалы́ потолок,
Наддай-ка, браток,
Еще чуток!
Трещит молоток,
А кругом шепоток:
Сверлит молоток
В один колоток!
Шагает Микола
Шагом саженьим.
Глядят старики на него
С уваженьем.
Пылают желаньем
Бойцы комсомола
В работе своей
Потягаться с Миколой,
А жалких людишек,
Не любящих труд,
Иль злоба грызет,
Иль завидки берут.

Впервые вглядевшись
В лица чужие,
Микола все это
Приметил впервые,
И пламя стыда
Паренька обожгло,
Но стало на сердце
Тепло и светло.

А вечером поздним
      красуля дивчина,
Что в руки Миколе часы отдала,
Войдя в общежитье по-взрослому
                                          чинно,
Звено комсомольцев к нему привела.

— А ну-ка, дружище, выкладывай
честно
Твоих небывалых рекордов секрет.
Ведь если он каждому станет
известным,
Мы тоже добьемся не меньших побед.
Ты сам понимаешь, что дело
не в славе.
Всеобщим становится личный успех!
Ведь, строя опалубку, скалы буравя,
Любой добивается счастья для всех...—
Микола ответил. Но каждое слово
С трудом проползало сквозь горло его.
— Не надо... не знаю секрета
такого...
На что вам?.. Сказать не могу
ничего...—
Увидев, что толку получится мало,
Поскольку словами герой не богат,
Неволить Миколу дивчина не стала.
— Ты завтра на месте поучишь
ребят! —
Ребята ушли. Но в минуты прощанья
Сердечно один за другим произнес:
— Чем надо помочь? — Как жилье? —
Как питанье?
— Крепка ль прозодежда? — Хорош ли
завхоз?
— Уж ты научи! — Помоги комсомолу!
— До встречи, товарищ Микола Таран...
А ночью опять
со стены
на Миколу
Уставил глаза великан таракан.

14

Ой, не сразу река просыпается,
Чтоб размыть тяжеленные льды!
Ой, не сразу душа избавляется
От потемок, от лютой беды!
А когда ослабеют потемки,
Надвигается снова беда.
Превращается в пыль и обломки
Все, что было привычным всегда,

И легко ль человеку добиться,
Чтоб душа не ослепла опять,
Чтоб сумела она отучиться
Слово правды за ложь принимать
И пророком считать святотатца,
За добро выдающего зло...

Ой, как трудно бывает расстаться
С тем, что в сердце корнями вросло!

15

Буравь, молоток,
Скалы́ потолок,
Наддай-ка, браток,
Еще чуток!
За миг молоток
Достиг глубины.
Усилья нацелены,
Руки умны,
И в каждом движенье
Бурлит и живет
И сила, и ловкость,
И страсть, и расчет.
Глаза комсомольцев
Миколу сверлят.
Могучий орленок
Учит орлят.
А в сердце Миколы
Сгущается страх,
И все тяжелей
Перфоратор в руках.
А вдруг
            вот сейчас,
На глазах у ребят,
Упрется сверло
В замурованный клад?!
Но в гладь чугуна
Не попало сверло —
И тут у него
От души отлегло...

Под вечер Микола
Шагает домой.
Он видит

Девичье лицо пред собой,
Взволнованных сверстников
Дружеский круг,
Он чует
Тепло человеческих рук,
Уносит с собою
Безмолвный привет
И глаз и сердец,
Излучающих свет.
В руках у Миколы
Ютятся часы.
Пылает закат
Небывалой красы.
Все сердце в огне,
И полнеба в огне...

Он в ночь
    ничего не увидел во сне.

16

Каждый день,
    хоть по-прежнему страшен
Был комсоргу юнец-нелюдим,
Подходила к Миколе Наташа —
Хоть словцом переброситься с ним.
Разговор на работе недолог?
Что ж! О многом душе говорят
И любые ответы Миколы,
И его заблудившийся взгляд.
— На вечерку пойдешь?
    — А на что мне...
— Вот газету прочти.
    — Не возьму...
— Ты учился, Микола?
    — Не помню...
— Расскажи о себе.
    — Ни к чему...
— Кто задумал плотину?
    — Не знаю...
— Что построят на том берегу?
Как дорога проляжет сквозная
Аж до моря?..
    — Сказать не могу...—

Сердце, сердце! Ты млеешь, ты
стонешь,
Но в тебе и улыбка цветет.
Ведь вслепую,
как малый детеныш,
Твой желанный по жизни бредет!
И в Наташе слилась и смешалась
И в душе, и в уме, и в крови
Злая, нежная, зрячая жалость
С безотчетным томленьем любви.
Комсомолка Наташа
все силы
Напрягла,
чтоб в Миколе смогло
Стать прекрасным
все то, что любила,
А все то, что жалела,
ушло.

...Нет препятствия в мире такого,
Чтоб его одолеть, превозмочь
Не могла бы Наташа Кравцова,
Ленинградского токаря дочь.
Забегала она в общежитье
(Так, случайно, на пару минут!)
Сообщить о каком-то событье,
Разузнать, как ребята живут.
Помаленьку, не вдруг, понемногу
Приучила Миколу она
Подходить для беседы к порогу,
Выйти в дворик, пойти на дорогу,
Посидеть на скамье у окна.
Находила Наташа умело
Путь-дороженьку к цели своей,
Но ответить себе не умела:
Полюбила? Иль только жалела?
Что точней? Что сильней? Что
важней?
Эх, Наташа!
Любовь человечья
Очень многое может вместить!
А «жалеть»
иногда в просторечье
Равнозначаще слову «любить»...

17

Не знал Микола счастья краше,
Чем в этот ясный день земной.
По настоянию Наташи
Он взял свой первый выходной.
И вот они шагают рядом,
И нет нигде людей таких,
Что восхищенным долгим взглядом
Не задержались бы на них.
Не умолкал ни на мгновенье
Меж ними тихий разговор.
Он был спокойным. Но волненье
С трудом скрывал Наташин взор.
Наташа мыслью, сердцем чутким
Не уставала счет вести
Его улыбкам, робким шуткам,
Доселе бывшим не в чести.
Легонько, исподволь, сторожко
Бульваром, берегом Днепра,
Она вела его дорожкой,
Хитро́ обдуманной вчера.
И вот они тихонько вышли
На кряж над берегом — туда,
Где ночью
        в дни побед
                        на вышке
Светилась красная звезда
И где с начала мирозданья
В холмы вросла,
        как мир стара,
Скала по имени Кохання,
Старт покорения Днепра.

Какой простор открылся взору!
Отсюда были им видны
Весь Кичкас, Волчье Горло, горы,
Воды днепровской две стены,
Меж ними днище котлована,
А в нем бурильные станки,
Думпкары, паровозы, краны,
Бадьи, в опалубках бычки.
И всюду люди. Им подвластны
Славута, краны, поезда.

В разгаре мирная страда.
И вдохновенно,
стройно,
страстно
Гремит симфония труда.

Микола замер.
В час рассвета
Спеша к Днепру почти бегом
Для встреч с отцовским сундучком,
Он видел кой-когда приметы,
Что строит кто-то что-то где-то,
Но он впервой увидел это
Все сразу, вместе, целиком.
Ведь жил Микола —
в одиночку!
Он, сам избрав такой удел,
Всегда глядел в одну лишь точку
И только под ноги глядел.
Он шел дорогою земною,
Не знаю радостей земных,
Себя терзающий мечтою
Терзать когда-нибудь других...
...В нем не проснулось удивленье,
Что в этот день, что в этот час,
Что в это самое мгновенье
Наташа начала рассказ
О всем, что было перед ними,
О всем, что здесь, вон там, вот тут
Руками крепкими своими
И он и люди возведут,
О покорении потока,
Что праздным тёк мильоны лет,
О чудесах электротока,
Стране рождающего свет,
Чугун, железо, сталь, моторы,
Машин несчетные ряды...
Он в силах передвинуть горы
И растопить любые льды.
Он пашни вырастит в пустыне.
Он двинуть может в каждый край
Еще неслыханный доныне
Обильный, дивный урожай.
Он, в жизнь вторгаясь, все объемля,
Что мощь дает семье мирской,

Преобразует нашу землю,
Преображает труд людской.

Все это было для Миколы
Как откровенье божества.
Произносил девичий голос
Простые тихие слова,
И открывалось понемногу
Все то, что было тут вчера,
И то, что люди завтра смогут
Вот здесь увидеть, у Днепра,
И там — далёко-предалёко,—
Где села, шахты, города
Отсюда ждут потоков тока,
А то, что надо, шлют сюда...

Сюда со всех концов державы,
Чтоб ток по сотням проводов
Был Днепрогэс давать готов,
Приходят каждый день составы
Товарных грузных поездов.
Всех теребя и беспокоя,
Бригады создал комсомол,
Чтоб каждый груз для Днепростроя
Зеленой улицей прошел.
А у страны теперь хватает
Других бесчисленных забот!
На голом месте вырастает
У Волги тракторный завод,
Вот здесь — пора смирить
стремнину,
Там — уголь вырыть, лить
металл...
Березняки! Кузбасс! Хибины!
Магнитка! Беломорканал!
А Днепрострою шлют подмогу
Мильоны рук людей родных.
К земному счастью нет дороги
Ни им без нас, ни нам без них...

— Ну что ж, Микола?
Как хозяин,
Взгляни на это и пойми,

Что ты навек судьбою спаян
Со всеми этими людьми.
Мы после как-нибудь обсудим
Твой путь, твой будущий маршрут,
Посмотрим, что́ отдашь ты людям
И что тебе они дадут.
Но это после. Дать мечтаньям
Простор — сейчас запрещено!
Давай в столовую заглянем,
А после
двинемся в кино...

...Овеян мир теплынью нежной
Вечерней доброй тишины.
Над высотой правобережной
Огни закатом зажжены.
Она ушла. Пуста дорога.
Чуть слышно, как гудки гудят.
Стоит Микола у порога
И молча смотрит на закат.
Душа волнением объята.
Гори, закат! Сильней гори!..
Был для него костер заката
Восходом утренней зари.

18

— Сундучок, сундучок!
Отвали свой крючок,
Обнажи
Все свое содержимое...

Сундучок, сундучок!
Повались на бочок.
Я тебя
И почищу и вымою...

Сундучок, сундучок!
Ты зажал в кулачок
Только рухлядь,
Копейки
Да скарб домотканый...

Сундучок, сундучок!
Ты затхлел, дурачок,
И в тебе
Завелись тараканы...

...Стемнело. Тихо в общежитье.
Сидит Микола без огня.
Перед глазами зримой нитью
Проходят все событья дня.
Доносит ветра дуновенье
Гудков добротные басы...

Усердно вторят сердцебьенью
В ладонь зажатые часы.

19

Было много ребятам возни
С этим парнем, хорошим, но
странным,
И не сразу сумели они
Подружиться с Миколой Тараном.
Окружили Миколу ребята
И Наташа вниманьем своим,
Шаг за шагом раскрыв перед ним
Все, чем жизнь хороша и богата.
Коль его приходилось порой
Не вести на простор,
а вытаскивать,
Это делал товарищ любой
Незаметно, по-дружески, ласково...

И за́жил Микола,
Забывший свой клад,
Обычною жизнью
Бригадных ребят.
Он понял, почуял
Тепло и красу
Веселых вечерок,
Маевок в лесу.
Все дальше, все зорче
Глядеть он умел.
Он стал разговорчив,
Общителен, смел.

Все чаще он начал
С бригадой своей
Ходить на доклады,
В кино иль в музей.
Наташей ведомый,
Он быстро привык
Все чаще сидеть
Над страницами книг.
Все то, чем живет
Взбудораженный свет,
Ему раскрывали
Страницы газет.
И стали понятней,
Яснее, видней
И мир необъятный,
И души людей.
И стали яснее
И битвы веков,
И мир Днепростроев,
И мир хомяков.
Просторна дорога
К счастливой судьбе...
Наташа! Наташа!
Спасибо тебе!

20

Гудит сигнальная сирена.
Закончен будний день труда.
Спешит Микола после смены
Наташу встретить, как всегда,
И вот они шагают рядом,
И нет нигде людей таких,
Что восхищенным долгим взглядом
Не задержались бы на них.
Микола, гордый и счастливый,
С ее лица не сводит глаз.
Она порою молчалива,
Она задумчива подчас,
Но в те минуты иль мгновенья
Без слов с Миколой говорят
Ее руки прикосновенье,
Ее улыбка, ясный взгляд.

...Нет счастья краше и светлее,
Чем счастье знать, что ты любим,
Что тот, кто в мире всех роднее,
Считает жизнь твою — своею,
Считает жизнь свою — твоею,
Идет с тобой путем одним.
Когда и мыслью и душою
Твоя любимая с тобой,
Любая радость больше вдвое,
Любое горе меньше вдвое
И вдвое легче груз любой.

...Они идут к скале Кохання
По грудам камня и песка
Навстречу теплому дыханью
Резвящегося ветерка.
Им очень весело обоим.
Весь мир вокруг скалы притих.
Земля, объятая покоем,
Цветет для них,
Живет
для них...

...Но вот Наташу и Миколу
Встречает шумный Днепроград.
Былой пустырь,
унылый, голый,
Преобразился в город-сад.
Пред ними парки, рощи, клумбы,
Дорог асфальтовый покров,
Библиотеки, школы, клубы,
Поток машин, полки домов.
Всё наикращее готовят
И отдают им вновь и вновь
Любовью дышащая новь,
Сердца, объятые любовью,
Труд, излучающий любовь...
...Нет счастья выше, ярче, шире,
Чем счастье знать, что ты любим
Страною самой лучшей в мире,
Где всё является твоим,
Где всё — подмога и опора
Твоей душе, твоей судьбе,
Где прочно создан мир,

в котором
Во всем живет
любовь к тебе...

21

Убедился Микола на деле,
Что стремительно время течет.
День ко дню —
И прошла неделя.
Месяц к месяцу —
Минул год.
Что́ он дал —
невозможно исчислить!

Он — былое развеявший в прах —
Дал свободу и сердцу и мысли,
Цель — стремленьям, а силе —
размах.
Этот год представлялся огромным!
Этот год,
золотой,
дорогой,
Был наполнен трудом неуемным,
Светлой радостью дружбы
людской,
Необъятным восторгом познанья
И... борьбою с собою самим.
Временами
помимо желанья
Просыпался в Миколе
Юхим.

Иногда,
увидав, что ребята
Направляются в гости к нему,
Он старательно что-нибудь прятал.
От кого? Для чего? Почему?
Иногда он завидовал люто
Пустяковым вещичкам ребят,
Подмечал,
что в лихую минуту
Он бывал огорченьем объят,

Если выпало счастье кому-то,
А чужой неудаче был рад.
Потому-то
    Микола порою,
Поразмыслив, сгорал от стыда...
Но неужто
    несчастье такое
Не расстанется с ним никогда?
Ведь Микола,
    чей жребий был труден,
На своей же проверил судьбе,
Что желают товарищи людям
То, что каждый
    желает себе.
Нет! Все реже лихие минуты!
Нет! Все тверже напористый шаг!
Нет!
    В железные прежние путы
Не затянет Миколу
        Хомяк!
Донеслось до Миколы известье,
Что Хомяк
    изгнан был из села
И, охваченный жаждою мести,
Сжег в колхозе
    амбары дотла.
Где-то в роще, село окружавшей,
Хомяковцев догнали,
И там
Был Юхим, из засады стрелявший,
Метким выстрелом
    послан к чертям.
Что ж?
    Услышав известье такое,
    Был Микола обрадован им.
    Хорошо, что лихое былое
    Погибает иль тает, как дым.
    Хорошо, что живет он меж всеми,
Как соратник хозяев Земли,
Что хорошие люди
        и Время
Видеть Правду
    ему помогли...

22

— Сундучок, сундучок!
Отвали свой крючок...
Этот миг
Мне и дорог и сладок.

Сундучок, сундучок!
Ты поймешь ли, дружок,
Что́ хранил ты
Меж книг и тетрадок?

Сундучок, сундучок!
Долгожданный денек
Выпадает
На долю Миколе.

Отдавай, сундучок,
Комсомольский значок,
Тот, что завтра
На грудь мне приколют...

23

День за днем пролетали недели.
Вновь земля пробудилась от сна.
Отшумели дожди и метели,
И пришла в котлованы весна...

24

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
В ту ночь,
еще до темноты
Свершив далекий путь,
Микола

Пришел на Хортицу. Он был
Таким счастливым и веселым,
Что этим сам себя дивил.
Здесь побывав со всей бригадой
В экскурсионный давний день,
Приметил он, что с дубом рядом
Растет роскошная сирень.
Невдалеке вилась дорога.
Здесь каждый день народ гулял,
И всё ж сирень никто не трогал,
Не рвал, не мял и не ломал.
Что ж? Он свершает преступленье?
Нет, нет! Он не был Хомяком!
Ему хотелось куст сирени
С корнями вырыть, целиком,
И этой ночью
в честь Наташи
Переселить в невзрачный сад,
Которым дворик был украшен
У общежития девчат.
Приставив к дереву лопату,
Он сел, усталый, на пенек,
Увидел первый след заката
И не задуматься не смог.
Сейчас вон там,
в десятках зданий
На правом берегу реки,
Сидят за партами в молчанье
Его братаны и дружки,
Что до сих пор не знали сами,
Какой положен им удел,
А завтра станут мастерами
Всех инженерных трудных дел.
Дружки сидят сейчас, листая
Страницы умных толстых книг.
Из сотен парт одна пустая?
Пустяк! Убыток невелик!
Один прогул ему простится.
Недаром ставится в пример
Всем, кто пришел туда учиться,
Таран — «почти что инженер».
Промчатся годы честь по чести,
И не в мечте, а наяву
Он маханёт с Наташей вместе
В Кузбасс, Магнитку иль Москву...

Но хватит чваниться.
За дело
Берись, лопата, старый друг!
Чтоб ты за корни не задела,
Давай наметим шире круг,
И мы с тобой, моя голуба,
Огромный куст достанем весь.
Какой возьмем? Поближе к дубу?
Нет. Лучше этот. Роем здесь.
Вот будет смех в девчачьем доме!
Вдруг зá ночь вырастет сирень...
...Летят земли тугие комья,
Холмом скрывая древний пень.
Точны, размеренны движенья
Умелых, ловких, сильных рук.
Широк окоп вокруг сирени.
Все глубже, глубже он...

И вдруг
Лопата стукнулась о что-то
Со звоном
явным, но глухим.
Отер Микола капли пота
И замер, нем и недвижим.
Нет! Это чушь! Как? Неужели?
Поверить — глупо и смешно...
А вдруг не чушь
и в самом деле
Сечевики свой клад велели
Зарыть сюда, а не на дно?
Нет! Быть не может! Это камень!
Нет, нет! Не камень! Это клад,
Что ждал наследника веками,
Тот клад, что сказочно богат!
Нет, нет! Я глуп! Доверчив! Темен!
Легенду создал наглый лгун...

...Летят земли тугие комья.
Стучит лопата о чугун.
Еще минута —
и Микола
Из-под земли на свет извлек
Большой,
чудовищно тяжелый,
Набитый золотом горшок.

При ярком пламени заката
Сияньем потрясали взор
Колец, монет и слитков злато,
Церковной утвари узор...

Свой клад снеся к пеньку другому,
На самый верх прибрежных скал,
Присел Микола.
        Грохот грома
В его душе не умолкал.
Но странно. Золото литое
Его в восторг не привело.

Прикосновенье золотое
Ему и ум
        и руки жгло.
Ну что ж?
        Миколе ясно было,
Что этим золотом лихим
Кривые лапы
        из могилы
К нему протягивал
Юхим.

...Он жаждет, злодей,
Иль вернуть, иль украсть
Из крепких когтей
Ускользнувшую власть.
Стремится найти
Воровское пристанище
В старое тянущий,
Зренье туманящий,
Разум таранящий,
Сердце тиранящий
Тараканище.

Он людям внушает, что вправе корысть
За грош барыша человека загрызть,
Что главное в мире — наживы кусок,
Большой или малый чугунный горшок.

Чугунный горшок,
Чугунный горшок —
Икона и знамя,
Диктатор и бог!

Иди, человече,
Во имя его
На взятку, растрату,
Подлог, воровство.
За должность борясь,
Добывая рубли,
Любого с дороги
Спихни и свали.
Пусти в оборот,
Чтоб к добыче пролезть,
Поклепы и сплетни,
И склоку и лесть.
Обслуживай сильных
Покорней слуги,
Юли, раболепствуй,
Угодничай, лги.
Молчи, увидав
Преступленье и грязь,
Иль славь беззаконье,
А грязь приукрась.
Гляди на людишек,
Как зверь на зверье.
Ведь главное в жизни —
Корытце твое.
Ведь главное в мире —
Ты сам, ты один,
Твой грош, твой кулак,
Твой куточек, твой тын,
И он —
Твой владыка,
Твой идол, твой бог,
Большой или малый
Чугунный горшок.

...О да! Теперь Микола может
К полоске ринуться своей,
Построить дом, большой, пригожий.
И жить не хуже, чем Кащей.
Он может там,
        в гнезде осином,
Свои рубли зажав в горсти,
Плетнем, стеной, забором, тыном
И дом и душу обнести,
От всех людей отгородиться,
Стать Хомяком иль байбаком

И жрать
из своего корытца,
Не видя ничего кругом.
Ко всем он будет безучастен.
Живой — он тленьем будет взят,
Как мертвый...

Вот какое счастье
Ему сулит Юхимов клад!
А тот, кто с ним трудился рядом,
И люди всей родной земли
Несметным
грандиозным кладом
Ему
весь мир преподнесли!
Он жизнь увидел четко, ясно
И понял,
к счастью своему,
Что в этом мире все подвластно
И все принадлежит
Ему!
И не добьется стан растленный
Презренной банды Хомяка,
Чтоб стал
хозяин всей вселенной
Рабом
чугунного горшка.

...Весенней негой полон воздух,
Но веет свежестью с Днепра.
Давно зажглись на небе звезды.
Ну что же? Двинуться пора!
Тяжел висящий за плечами
Горшок, запрятанный в мешок.
Тропа коварна. Камни. Ямы.
Заслон кустов. Незримый лог.
Свой путь и здесь найти легко ли?
Везде преградам нет числа...

Но очень весело Миколе.
Душа спокойна и светла.

25

Назавтра
сразу после смены
Микола
поздним вечерком,
Согбённый ношей тяжеленной,
Пришел с Наташею в партком.
Легла на стол златая глыба,
И был тому Микола рад,
Что для него
словцо «спасибо»
Сейчас весомей всех наград.
Рукопожатье на прощанье —
И в путь.
— Наташа! Нам сюда!..

Они идут к скале Кохання,
Где светит красная звезда.
Они, смеясь, шагают рядом,
И нет нигде людей таких,
Что восхищенным долгим взглядом
Не задержались бы на них...

26

О полку Дніпробуда
Былинное слово
Придет к человеку
Могучею песней труда.

Нечудесного чуда
Величья такого
От века до века
Земля ожидала всегда.

Бремя
стари проклятой,
Чувств отвратных и лживых,
Мы в душе возрожденной
Истребим до конца.

Будут счастьем богаты,
Несказанно красивы
Этот мир обновленный
И людские сердца!

27

Грохают краны
У котлована.

Часть шестая

1

Утро. Днепр.
Полыхает заря
На далеком краю небосвода
В день
Девятого октября
Тридцать второго года...

А вот и солнце!

2

Не шелохнётся Днепр широкий.
Притих поток могучих вод.
Притих над гладью синеокой
Осенний, солнечный, глубокий,
Голубоокий небосвод.
Притих беспечный птичий гомон.
Притихли рощи и луга.
Да ты ли это, край знакомый?
Да те ли это берега?
Где ты, Днипро? Привычный?
Прежний?
Кто тишину к тебе привел?
Куда исчезли с прибережья
Останки многих древних сел?
Кем сбиты каменные путы
С потока мчащейся воды?
Кем снесены с пути Славуты
Ряды капканов смерти лютой,
Порогов грозные ряды?
Все те же рощи, нивы, горы
На берегах Днепра видны,
Но не узнать степных просторов
Родимой сельской стороны.
Растут заводы и мартены.
Где рос бурьян — сады шумят.
Взлетели стаями антенны
На крыши деревенских хат.

Электромачты плотным кругом
Стоят вблизи домов и нив,
На плечи мощные друг другу
По-братски руки положив.

3

Медленно солнце плывет над рекой.
Замер Славута. Безмолвье. Покой.
Тихо,
        да так,
                что поверить трудно...

А в Днепрограде
        и шумно и людно.

4

Сегодня город Днепроград
Украшен ярко и богато.
Куда ни глянь, везде висят
Флажки, знамена и плакаты,
Блистают росписью цветной
Ряды трибун вблизи плотины...
Гигант, воздвигнутый страной,
Справляет завтра именины.

Со всех концов родной земли
Сюда страна послов прислала.
Их на машинах привезли
С аэродрома и вокзала
И разместили, как родных,
В домах рабочих Днепроградa,
Где обеспечили для них
Пиры и пляску до упада
И развеселый разговор
О здешних стужах окаянных,
О тех, кто, им наперекор,
Трудился в мерзлых котлованах,
Кто достигал земных высот
И проникал в речные недра,
Кто полмильона кубометров
Бетона уложил за год,
О всем огромном, трудном,
                                        сложном,

Что кой-когда в былые дни
Казалось делом безнадежным,
Неодолимым, невозможным,
А ныне — вот оно! Гляди!
Гляди —
и любуйся!
Гляди —
и дивись!
Со дна
плотина
взлетела ввысь.
Красив и огромен
Турбинный зал.
Бетонный кряж
Берега связал.
К шлюзу приплыв
Из херсонских вод,
В Киев идет
Грузовой пароход.
Озеро плещется
Там, где вчера
Скалы сжимали
Горло Днепра,
Место, где Кичкас
Был призван стеречь
Узкую щель
Переправы «Кеч-кеч» [1].

Новых заводов
Кирпичная ширь
На берегу
Заселяет пустырь.
Тысячи мачт
Проторили дорогу
К Днепропетровску,
Кривому Рогу,
В Никополь вторглись,
Шагнули в Донбасс,
Чтобы пройти
На Урал и Кавказ...
Может сегодня
Товарищ любой

---

[1] Слова «кеч-кеч» (по-татарски «проходи-проходи») породили название села Кичкас, возникшего возле удобной переправы у порожистой части днепровского русла.

Видеть, измерить,
Потрогать рукой
Все, что в труде
Удалось достичь нам!
Казалось
немыслимым,
Стало
привычным.
Чудилось
мнимым,
Стало
зримым.
Звалось
будущим,
Стало
будничным.
Было
пылью,
Стало
былью...

5

Чуть растеряны сегодня
Люди Днепрограда.
Ранний час,
А на работу
Выходить не надо.
Но давнишнюю привычку
Сразу победишь ли?
Очень многие с рассвета
На улицу вышли,
Что-то вспомнили, увидев
Ширь пустынных улиц,
Посмеялись над собою
И домой вернулись.
Но с полудня
Все пошло
Совсем по-иному.
Глянь на улицу — полна!
Ни души — дóма!
Расфрантились, как могли,
Люди Днепробуда.
В честь победы мировой
Погулять не худо!

В праздник завтрашний войти
Не грешно заране...

И на улице любой
Как-то так, само собой,
Началось гулянье.
Как-то сразу
вспыхнул порох
Добрых, праздничных страстей
На украшенных просторах
Улиц, парков, площадей.
Без сигнала дружно грянув,
Вмиг в сердцах зажгла пожар
Песнь трехрядок и баянов,
Балалаек и гитар.
В честь великого событья
Юный город вывел в свет
Из любого общежитья
Или трио, иль квартет.
Но, конечно, всех типичней
Был бригадный вариант:
Свой обычный, свой привычный
Одноличный музыкант.
Весь состав его оркестра —
Он один. За всё — он сам.
Он и сам себе маэстро.
Он и сам себе ансамбль!
Он идет с бригадой вместе,
Заводила-звукомёт,
Открывает шлюзы песне,
Пляске визу выдает...
(Тут и понял Днепроград,
Сколько было в нем бригад,
Сколько он имел доныне
В музыке подкованных
Неизвестных Паганини,
Собственных Бетховенов...)

Убедились очень скоро
Музыканты-удальцы,
Что сегодня все танцоры,
Что сегодня все певцы.
До чего же голосисты,
До чего они ловки,
Молодцы крановщики,

Водолазы, машинисты,
Шофера, геодезисты,
Бравых плотников полки,
И монтажников бригады,
И бетонщиков армада,—
Всех профессий мастера,
Все рабочие отряды
Покорителей Днепра!
В них не только на работе
Вы ударников найдете.
Ну-ка, в танцы их втрави!
Ну-ка, в песне их проверьте!
Вам докажет их усердье,
Что у них огонь в крови,
В горле
        соловьи,
В каблуках
        черти.
...Хорош
        народ,
Что от сердца поет,
Что в труде рукаст
И плясать горазд!

...Девушки и парни
В веселой толпе
Пляшут барыню,
Гонак,
        Апипе,
Танцуют лезгинку
С шиком и блеском,
Фрейлахс,
        Лявониху,
Молдаванеску...

6

А в семнадцать часов
У конторы
Крановщик Никодим Дубонос,
Протянув широченный поднос
Человеку, прибывшему в город,
Боевитую речь произнес:
— Соль рассыпчата!
        Корка поджариста!

Нам на радость
    отведать изволь,
Дорогой
    Всесоюзный Староста,
Днепростроевскую
    хлеб-соль.
Уложили
    плотину бетонную,
Научились
    владычить турбиною
Те,
  чья роба
    была посконною,
А жратва и судьба —
                мякинною.
Ты отведай
    хлеб-соль счастливую,
Чтобы стала она
        обычною,
Чтобы жизнь была
        красивою,
А еда и судьба
        пшеничною...

7

Вот и вечер к плотине шагнул.
Был он чу́ден, чудён, удивителен.
Ни сирена, ни рельсовый гул
На работу не звали строителей.
Все привычное
            сбил набекрень
Долгий день, для людей несуразный.
Днепрострою он дал бюллетень:
В будни пиршествуй! Радуйся!
                        Празднуй!
Но какой-то грустинки пылинка
Омрачает и песню и пляс.
Ты откуда взялась,
                грустинка,
В глубине человеческих глаз?
Что тут спрашивать!
                Видимо, скоро
Подползет расставанья пора
И покинут бойцы-мастера

Их руками построенный город,
И плотину, и шлюзы Днепра.
Грустновато, что канут в былое
Этот город, и берег, и дом —
То земное, свое, обжитое,
Что издревле зовется гнездом...

...За эту грусть
мы не осудим
Родных людей минувших дней.
Трудненько было этим людям
Заметить,
что в стране своей
Они впервой кладут начало
Отряду армии труда,
С которым та грустинка стала
Неразделимой навсегда.

В те годы начали впервые
Свой путь из края в край страны
Подразделенья трудовые,
Которым были вручены
Земные судьбы рек России.
Однажды выбрав этот путь,
Почетный, трудный и далекий,
С него не думали свернуть
Творцы твердынь электротока.
Им участь выпала одна:
Прибыть на место, жить в палатке,
Установить свои порядки
На берегах, на скалах дна,
Семьей, сплоченной и единой,
В страде счастливых трудных дней
Воздвигнуть мощный кряж плотины,
Электростанцию при ней,
Связать дорогами просторы
Лесов, равнины и воды,
Построить между прочим город
И кстати вырастить сады,
Год-полтора пожить в квартире,
До завершения работ,—
А дальше с песней,
лучшей в мире,
Опять отправиться в поход
И жить в землянке иль в палатке,

Свершая подвиг свой людской
В упорной, злой, веселой схватке
С горами, степью иль тайгой,
Чтоб в тех местах, куда, бывало,
Не загонял Макар телят,
Электролампочка сияла
В пять-шесть мильонов киловатт.

...Бушует веселье
В домах у Днепра.
Грустинки —
    пылинка,
А счастья —
            гора.

8

О, Россия,
    былая Россия
Душных фабрик и нищих полей!
Руки мощные,
    ноги босые,
Жизнь костлявая каторги злей...
Чем тебя
    оделяли когда-то?
Тьмой. Бесправьем. Да коркой сухой.
Чем трудилась?
    Руками. Лопатой.
Чем полоски пахала?
            Сохой.
Но сумело
    фабричное племя
Власть былого навеки смести,
И пришло
    долгожданное время
Первых строек
    на светлом пути.
Мы взялись
    перестраивать сами
Всю твою необъятную ширь!
Глянь, Россия!
    У нас пред глазами
Электрический встал богатырь.
Даст он свет
    на дороги любые,

Что к расцвету ведут твоему,
И поэтому
люди России
Имя Ленина
дали ему.

9

Вечер. Днепр.
Дотлевает заря
На далеком краю небосвода
В день
Девятого октября
Тридцать второго года.

10

В глубоком раздумье
на кряже плотины
Стоят, вспоминая недавнюю старь,
Товарищ Серго
и товарищ Калинин,
Товарищи Винтер, Михайлов, Чубарь.
Давно ли враги
возвещали повсюду,
Что нет во вселенной занятья глупей,
Чем думать о стройке днепровского чуда
В стране,
где не купишь полфунта гвоздей?
Давно ли
в клетушках нетопленных комнат
На кальку чертежные схемы легли
Электрогиганта,
какого не помнит
Седая история Русской земли?
Давно ли вот здесь
начиналось сраженье
С безлесьем, с песками, с гранитной
грядой,
С кулацким охвостьем, с людским
неуменьем,
С морозом, жарой, разъяренной
водой?
И вот он воздвигнут,
наш первенец славный

На старте несчетных строительных
дней.
Подобной победе
не знали мы равных,
Но самое-самое главное в ней,
Что сердцем услышал
народ Дніпробуда,
О чем говорит нам добытый успех:
И дивное диво
и чу́дное чудо
Легко сотворить окрыленному люду,
Трудясь на себя,
создавая для всех...
...Свежа осенняя прохлада.
Ну что ж такого? Ночь светла.
Луна пример с людей взяла
И над гудящим Днепроградом
Фонарик праздничный зажгла,
А руки ночи
в честь гиганта,
Что лег в грядущее как мост,
На небо подняли гирлянды
Веселых, крупных, ярких звезд.
Нет ветра. И не в силах воздух
Своей дремоты превозмочь.
На темном небе блещут звезды.
Тиха украинская ночь.
Но плотно с шорохами ночи
И кротким рокотом стремнин
Соединился гул рабочий,
Спокойный, ровный гул турбин.

11

Если в память свою
вы заглянете,
Все припомнить
вам будет невмочь.
Но вовек
не исчезнут из памяти
Этот вечер
и эта ночь.
Краски заката
не отгорели еще,

А на плотине
красавца Днепра
Жизнь развернула
удивительное зрелище,
Не прекращавшееся до утра.
Нескончаемою
колонною,—
Как река,
за волною волна,—
Всей плотины
дорогу бетонную
Люд рабочий
заполнил сполна.
Он шагал
без гитар, без гармоники.
Звуки песен
волной не текли.
Только изредка
тоненький-тоненький
Звон трамвая
был слышен вдали.
Люди семьями шли
и бригадами,
Но они
в этой встрече ночной
Лишь вполголоса
или взглядами
Разговаривали
меж собой.
Все, что создало
праздник сегодняшний,
Людям вспомнилось
в радостный час...
Кто ж
простые словечки
«а помнишь ли?»
Не промолвил соседу
хоть раз?
Вспоминали
о битве с пучиною,
Что рвалась в котлован
напролом,
Вспоминали
повадку звериную

Бури,
все повалившей кругом,
Но никто
хоть бы слово единое
Не сказал
о себе самом.

...А жаль!
Ведь каждый мог отчизне
Поведать повесть о себе —
И о своей недавней жизни,
И о сегодняшней судьбе.

В те дни, когда с трудом великим
Рождался первый котлован,
Какой сумятицею дикой
Была полна душа крестьян!
Они никак не понимали,
Зачем родимая страна
Предпочитает тонны стали
Аршинам ситца и сукна.
Власть дисциплины, точность плана,
Режим работ, что им даны,
Единоличникам-крестьянам
И чужды были и страшны.
Судьба их знаньем обделила,
И в котловане той поры
Им доверяли только пилы,
Кирки, лопаты, топоры.
Тому,
кто лишь в сохе и плуге
Мог разбираться как знаток,
Никто на стройке выдать в руки
Машину сложную не мог...

И вот сегодня
все былое —
И прежний быт и прежний труд —
Своей младенческой порою
Они задумчиво зовут.
Пускай не вся, пусть понемногу,
Но с каждым днем редела тьма.
Ей перерезали дорогу
В глубины сердца и ума.
Ей закрывали все лазейки

И общий труд, и сотня школ,
И большевистские ячейки,
И боевитый комсомол.
В тяжелом, длительном сраженье
Они добились своего:
Глазам людским
вернули зренье,
Рукам
вручили мастерство,
Уму и сердцу
путь открыли
К познанью мира и людей,
Любым талантам
дали крылья,
Которых в мире нет сильней.
В рабочий класс на Днепрострое
Влились потоки масс людских,
Бойцы, работники, герои
Великих будней трудовых.

В горниле стройки
люди эти
Иными стали, чем вчера.
Иначе стала жить на свете
Рать покорителей Днепра.
Слилась она с несметной ратью
Других работников страны,
Что были, как бойцы и братья,
Большевиками сплочены.
Безостановочным походом
Всей этой армии полки
Спокойно, твердо, напрямки
Шагнули в будущие годы,
Рождая фабрики, заводы,
Чугун, железо, сталь, станки,
Чтоб мог создать народ-хозяин
Коммунистическую новь;
Чтоб расцветали, старь сметая,
Добро, и Радость, и Любовь;
Чтоб широченными ручьями
Поток машин в страну потек;
Чтоб все, что делалось руками,
Творил мотор, электроток;
Чтоб нес народу изобилье
Заводский и колхозный труд;

Чтоб все сердца навек забыли
И гнет невзгод, и бремя пут;
Чтоб то на свете сделать былью,
Что счастьем истинным зовут.

12

Утро. Днепр.
Полыхает заря
На далеком краю небосвода
В день
Десятого октября
Тридцать второго года.

А в девять утра
подошли колонны
К берегу,
к шлюзам,
к плотине Днепра.
Рдели флажки.
Развевались знамена.
Песни звенели.
Гремело «ура».
Долго и гордо
в турбинном зале
И на плотине своей мировой
Люди рабочие
рукоплескали
Электрочуду,
вступившему в строй.

13

Не шелохнется Днепр широкий.
Притих поток могучих вод.
Притих над гладью синеокой
Осенний, солнечный, глубокий,
Голубоокий небосвод.
В былое канул день вчерашний.
Иной сегодня Днепроград!
Кругом —
куда ни кинешь взгляд —
Дымят высоких домен башни,
Комбайны движутся на пашне,
Цеха заводские гудят.

Электромачты плотным кругом
Стоят вблизи домов и нив,
На плечи мощные друг другу
По-братски руки положив.
Тишь на плотине.
Грохот исчез.
Нет Днепростроя.
Есть Днепрогэс.

Июнь 1930 г.— октябрь 1963 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОЭМЫ

Безыменский А.

Б 40 Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. Стихотворения; Поэмы/Сост. и науч. подгот. текстов Л. Безыменского.— М.: Худож. лит., 1989.— 382 с.

ISBN 5-280-00917-2 (Т. 2)
ISBN 5-280-00918-0

Во второй том «Избранных произведений» известного советского поэта Александра Безыменского вошли лучшие стихотворения и поэмы, созданные им в 1931—1972 годах.

Б $\frac{4702010202\text{-}278}{028(01)\text{-}89}$ КБ-11-54-89 **ББК 84Р7**

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ БЕЗЫМЕНСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ ВТОРОЙ

Редактор *Т. ШУРЫГИНА*
Художественный редактор *И. САЛЬНИКОВА*
Технический редактор *Л. КАШАФУТДИНОВА*
Корректор *М. ЧУПРОВА*

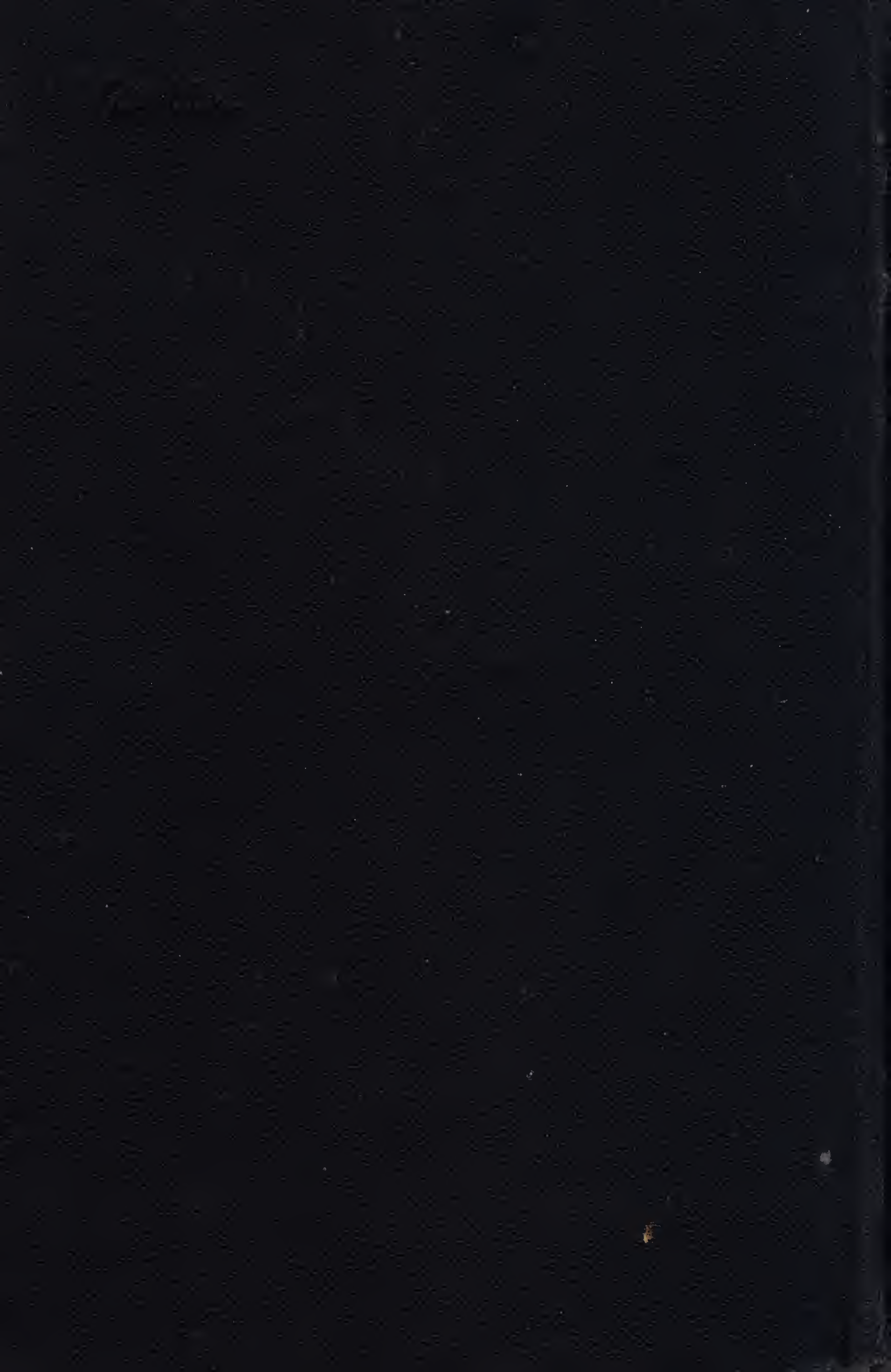
ИБ № 5969

Сдано в набор 03.01.89. Подписано в печать 17.07.89. Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,16. Уч.-изд. л. 20,4. Тираж 25 000 экз. Изд. № III-3384. Заказ 417. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28

Отпечатано во Владимирской типографии Госкомитета СССР по печати 600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, 7

2
АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ